

А 218
1202

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

I

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ПРИЧИНЫ ГОЛОДОВОКЪ ВЪ РОССІИ

И МѢРЫ КЪ ИХЪ УСТРАНЕНІЮ.

Проф. Новоалександрійскаго Института

А. И. СКВОРЦОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1894.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ПРИЧИНЫ ГОЛОДОВОКЪ ВЪ РОССІИ

И МѢРЫ БЪ ИХЪ УСТРАНЕНІЮ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прошло около двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ И. А. Стебутъ, въ предисловіи къ одной изъ своихъ книгъ, сказалъ, что обсуждать вопросы сельскаго хозяйства у насъ считаетъ себя въ правѣ всякій, даже не получившій не только спеціальнаго, но и общаго образованія. Съ тѣхъ поръ русское общество, правда, кое-чему научилось; оно ознакомилось въ большей мѣрѣ и съ самыми вопросами сельскаго хозяйства и отчасти и съ отвѣтами, которые даетъ на нихъ наука о сельскомъ хозяйствѣ. Тѣмъ не менѣе, и теперь еще, при обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ, казалось бы, всецѣло должно принадлежать агрономамъ, мнѣніе агрономовъ, напротивъ, совершенно игнорируется.

Можетъ быть, въ такой постановкѣ дѣла виноваты отчасти и сами агрономы. Вопросы, о которыхъ идетъ рѣчь, принадлежать именно къ той области, гдѣ народное хозяйство—въ широкомъ смыслѣ слова—соприкасается съ земледѣліемъ или сельскимъ хозяйствомъ вообще. Не только у насъ, но и въ западной Европѣ агрономы удѣляютъ несравненно болѣе вниманія вопросамъ чисто техническимъ—объ обработкѣ и удобреніи почвы или кормленіи скота и т. п.,—нежели вопросамъ изъ области экономіки земледѣлія; къ тому же, самая область этого отдѣла науки часто слишкомъ суживается, при чемъ именно та часть ея, гдѣ должны обсуждаться вопросы,

соприкасающіеся съ областью народнаго хозяйства, разрабатывается наиболѣе слабо, а перѣдко и совсѣмъ исключается. Здѣсь не мѣсто разбирать причины этого явленія; но нельзя не замѣтить, что это игнорированіе несравненно вреднѣе для русскихъ условій настоящаго времени, чѣмъ для западно-европейскихъ. Тамъ, на Западѣ, жизнь,—такъ или иначе, хорошо или дурно, но, во всякомъ случаѣ, почти неоправимо,—разрѣшила массу вопросовъ, которые намъ, русскимъ, еще предстоитъ рѣшить. Поэтому, западной Европѣ чаще приходится бороться съ послѣдствіями тѣхъ рѣшеній, которыя даны жизнью безъ сознательнаго участія общества, тогда какъ мы находимся въ томъ періодѣ, когда возможно еще направить рѣшеніе такимъ образомъ, чтобы избавить общество въ будущемъ отъ безплодной растраты силъ на борьбу съ тѣми послѣдствіями, которыя возникнутъ при безучастномъ отношеніи общества къ нуждамъ народнаго хозяйства.

Спѣшимъ, однако, оговориться: говоря о направленіи рѣшенія, мы вовсе не хотимъ сказать, что можно направить рѣшеніе по произволу. Напротивъ, мы глупо убѣждены, что существуютъ извѣстные факторы, направляющіе экономическую жизнь по данному пути со стихійной силой. Поэтому, задача экономической политики состоитъ не въ томъ, чтобы бороться съ этой стихіей; такая борьба была бы только безплодной растратой общественной силы и не привела бы къ цѣли. Наоборотъ, экономическая политика должна стремиться облегчить достиженіе тѣхъ результатовъ, которые должны явиться необходимымъ послѣдствіемъ воздѣйствія факторовъ, направляющихъ экономическую жизнь. Это содѣйствіе должно выразиться, съ одной стороны, въ устраненіи извѣстныхъ обстоятельствъ, мѣшающихъ нормаль-

ному ходу эволюціи формъ хозяйства, съ другой—въ томъ, чтобы, по возможности, уменьшить количество страданій и жертвъ, необходимо сопровождающихъ всякій крупный шагъ въ экономической эволюціи.

Чтобы выполнить эту миссію, руководители экономической политики должны, прежде всего, ясно представлять себѣ: какія силы и въ какомъ направленіи дѣйствуютъ въ настоящее время опредѣляющимъ образомъ на нашу экономическую жизнь? Разъ это будетъ ясно, то обнаружится, на сколько та или другая мѣра способна улучшить положеніе дѣла и что слѣдуетъ предпринять для облегченія и ускоренія процесса эволюціи и уменьшенія числа жертвъ. Намъ кажется, что именно по отношенію къ той эволюціи, которая совершается въ настоящій моментъ въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, а въ связи съ этимъ, и во всей, не только сельской, но и городской жизни—по отношенію къ этой эволюціи—нѣтъ въ нашемъ обществѣ яснаго представленія о причинахъ явленія, а стало быть, и относительно мѣръ, предлагаемыхъ для улучшенія положенія, необходимо должны существовать нѣкоторыя недоразумѣнія.

Задача этихъ очерковъ разъяснить эти недоразумѣнія и вмѣстѣ указать причины совершающейся эволюціи. Предлагаемыя затѣмъ мѣры имѣютъ значеніе только по столько, по сколько онѣ составляютъ логическій выводъ изъ предшествующаго изслѣдованія причинъ явленія. Но при этомъ, какъ мы замѣтили выше, изслѣдованіе показываетъ, что совершающаяся эволюція обнимаетъ всѣ явленія экономической жизни, не только сельской, но и городской. Измѣненія же въ жизни городовъ, точнѣе—въ области внѣземледѣльческихъ промысловъ, въ свою очередь, отражаются и на сельскомъ хозяйствѣ; потому мы считаемъ необходимымъ остановиться и на

этихъ измѣненіяхъ, имѣя въ виду показать, какимъ образомъ эволюція городскихъ, внѣземледѣльческихъ промысловъ вліяетъ на земледѣіе. Къ сожалѣнію, служебныя занятія не позволили автору обработать только-что упомянутую тему для печати и потому пришлось ограничиться пока изданіемъ предлагающаго этюда. Этотъ этюдъ посвященъ земледѣію и притомъ, почти исключительно крестьянскому земледѣію средней черноземной полосы¹⁾, пострадавшей наиболѣе отъ послѣдняго голода, по поводу котораго онъ и былъ написанъ.

Авторъ надѣется въ ближайшемъ будущемъ имѣть возможность высказать свои мнѣнія какъ по вышеуказанному вопросу о внѣземледѣльческихъ промыслахъ, такъ и по нѣкоторымъ вопросамъ экономической политики, находящимся въ связи съ этимъ вопросомъ и составляющимъ злобу дня, каковъ, напр., вопросъ о торговой (таможенной) политикѣ. Этимъ и объясняется тотъ общій заголовокъ, который носитъ книга.

А. Скворцовъ.

Ново-Александрія.
14 октября 1893 г.

¹⁾ Этотъ этюдъ былъ принятъ редакціей «Сѣвернаго Вѣстника» и анонсированъ (въ №№ 3—5 1892 г.), какъ имѣющій появиться на страницахъ журнала во второй половинѣ 1892 года. Почтенная редація не сочла, однако, возможнымъ выполнить это свое обязательство передъ читателями, и, на запросъ автора въ началѣ 1893 года, отказалась даже вообще опредѣлить срокъ напечатанія. Это и вынудило автора потребовать возвращенія статьи и позаботиться изданіемъ ея отдѣльной брошюрой, что вызвало необходимость частичной пердѣлки текста, особенно въ виду большого промежутка времени между первоначальнымъ написаніемъ и появленіемъ статьи въ свѣтъ.

Недавно пережитый нами голодъ, естественно, заставилъ задуматься надъ вопросомъ о причинахъ этого бѣдствія. При этомъ только немногіе считали несчастье чистой случайностью, послѣдствіемъ случайнаго недорода, а потому и не находили нужнымъ ни углубляться въ изученіе причинъ явленія, ни изучать послѣдствія его, такъ какъ эти послѣдствія должны были, по этой теоріи, быстро исчезнуть послѣ перваго урожая. Къ чести русскаго общества и русской печати нужно сказать, что такихъ оптимистовъ оказалось весьма немногo: огромное большинство склонно было искать болѣе постоянно дѣйствующихъ факторовъ, вызывающихъ съ одной стороны неурожай, а съ другой—голодъ. При этомъ одни останавливались именно только на изысканіи причинъ неурожая, считая голодъ вторичнымъ явленіемъ, вызваннымъ неурожаями. Зато причиною неурожая является, согласно этому мнѣнію, рѣзкое и трудно-поправимое измѣненіе одного изъ важнѣйшихъ факторовъ земледѣльческой культуры — климата — измѣненіе, вызванное, главнымъ образомъ, уничтоженіемъ лѣсовъ, которое повело за собою уменьшеніе атмосферныхъ осадковъ и невозможность достаточно долго задерживать въ почвѣ влагу.

Другіе шли дальше и искали причинъ самаго голода. Они рассуждали именно такъ: уничтоженіе

лѣсовъ могло, конечно, повести къ усиленію засухъ, а послѣднія, въ свою очередь, могли вызывать неурожаи или недороды; но, вѣдь, неурожаи еще не однозначуць съ голодомъ: если неурожай вызываетъ голодь, то это указываетъ, что населеніе и передъ неурожаемъ было бѣдно, не имѣло никакихъ запасовъ про черный день; поэтому, необходимо искать причинъ обѣднѣнія.

Мы совершенно согласны съ послѣднимъ мнѣніемъ. Мы думаемъ только, что, указывая причины обѣднѣнія, упустили изъ виду нѣкоторыя весьма существенныя обстоятельства, вслѣдствіе чего и мѣропріятія, предлагаемыя въ качествѣ цѣлебныхъ средствъ, не окажутъ того вліянія, которое отъ нихъ ожидается. Вѣда, именно, въ томъ, что изыскиваютъ причину частнаго факта, обѣднѣнія, вмѣсто того, чтобы искать общей причины совершающейся экономической эволюціи. Характеръ и значеніе этихъ повелѣвающихъ факторовъ экономической эволюціи выяснится лучше всего, если мы разберемъ предварительно отдѣльно каждую изъ предлагаемыхъ для поднятія благосостоянія населенія мѣръ, въ связи съ ближайшими причинами обѣднѣнія крестьянства, которыя желаютъ устранить при помощи той или другой мѣры.

Напомнимъ, прежде всего, что голодь 1891 года, а еще болѣе *недородъ* 1892 года — охватили, главнымъ образомъ, центральный черноземный районъ. Уже одно это обстоятельство указывало, что причиной голода нельзя считать одни метеорологическія явленія, такъ какъ по климату эта полоса находится въ несравненно болѣе благоприятныхъ усло-

віяхъ, чѣмъ, напр., степная черноземная, а еще болѣе нечерноземная степная полосы. Правда, и въ этихъ послѣднихъ районахъ нѣкоторыя части страдали отъ голода [въ 1891 году, главнымъ образомъ, восточныя (приволжскія и заволжскія), а въ 1892 году — южныя — черноморскія], но все же голодь наиболѣе интенсивенъ былъ въ центральной черноземной полосѣ. Какъ извѣстно, эта полоса представляетъ одну изъ наиболѣе густо населенныхъ русскихихъ областей, такъ какъ въ этомъ отношеніи ее превосходятъ развѣ только польскія (привислянскія) и юго-западныя губерніи, ибо даже центральный промышленный районъ (съ Москвой) едва-ли включаетъ въ настоящее время столь тѣсно живущее, по крайней мѣрѣ — чисто земледѣльческое населеніе. Это обстоятельство дало поводъ заключить, что данный районъ страдаетъ отъ перенаселенности, т.-е. что область эта не въ состояніи пропитать живущее въ ней населеніе. Такое заключеніе, повидимому, подтверждается и тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что именно центральныя черноземныя губерніи довольно давно уже доставляютъ главнѣйшій контингентъ переселенцевъ въ Сибирь и на другія окраины государства, а за послѣдніе годы движеніе къ выселенію, къ тому же, быстро возрастало. Отсюда дѣлается выводъ, что, слѣдовательно, нужно организовать переселенія и въ такой организаціи усматривается наиболѣе радикальное, а часто и единственное средство къ поднятію благосостоянія земледѣльческаго населенія.

Собственно говоря, о перенаселенности при этомъ почти не упоминалось, такъ какъ было, конечно, слишкомъ ясно, что говорить о перенаселенности

страны, вывозящей десятки миллионъ пудовъ хлѣбовъ и населенной слабѣе любого изъ западноевропейскихъ государствъ, исключая безплодной Скандинавіи,— не совсѣмъ удобно. Говорилось обыкновенно о малоземельѣ крестьянъ, слѣдовательно, о перенаселенности на крестьянскихъ земляхъ; вывозъ же объяснялся, съ одной стороны—вынужденной продажей крестьянами хлѣба, нужнаго имъ самимъ, съ другой—производствомъ крупныхъ (помѣщичьихъ) хозяйствъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, отсюда дѣлался выводъ о необходимости примѣненія второй важнѣйшей мѣры для поднятія благосостоянія населенія, именно: прикупки земель частныхъ владѣльцевъ съ цѣлью увеличенія крестьянскихъ надѣловъ.

Наконецъ, въ послѣднее время особенно часто говорятъ объ обременительности платежей и налоговъ, лежащихъ на крестьянствѣ, и видятъ одну изъ важнѣйшихъ мѣръ къ устраненію обѣднѣнія крестьянъ — въ регулированіи или точнѣе уменьшеніи податного бремени.

Таковы, согласно наиболѣе распространеннымъ въ обществѣ взглядамъ, главнѣйшія причины крестьянскаго обѣднѣнія и важнѣйшія мѣры для поднятія благосостоянія крестьянства. Посмотримъ же, на сколько силенъ каждый изъ указанныхъ факторовъ и, что еще важнѣе, насколько предлагаемыя мѣры способны дѣйствительно содѣйствовать прочному поднятію крестьянскаго благосостоянія.

I.

Тяжесть налоговъ и мѣры къ ея устраненію.

Допустимъ, что самый фактъ несоразмѣрности налоговъ платежнымъ силамъ крестьянскаго населе-

нія вполне доказанъ и посмотримъ, можетъ-ли быть устраненъ этотъ фактъ помощью рекомендуемыхъ съ разныхъ сторонъ мѣръ. Очевидно, что для уменьшенія обложенія могутъ быть избраны два пути: съ одной стороны—простое снятіе или пониженіе извѣстныхъ налоговъ безъ возмѣщенія образовавшагося въ государственныхъ и общественныхъ доходахъ дефицита изъ какого-либо другого источника; съ другой—такое же пониженіе налоговъ, лежащихъ на крестьянствѣ, со введеніемъ новыхъ налоговъ, падающихъ на другія группы населенія, въ видахъ сохраненія прежней суммы государственныхъ и общественныхъ доходовъ.

Первый путь едва-ли окажется удобнымъ: общая сумма податей и налоговъ всѣхъ видовъ опредѣляется, вѣдь, соображеніями о предстоящихъ государственныхъ, земскихъ и общественныхъ расходахъ. слѣдовательно, этотъ путь мыслимъ только при пониженіи общей суммы расходовъ. Но, что касается, прежде всего, государственныхъ расходовъ, какъ составляющихъ наибольшую массу, то они, какъ извѣстно, растутъ во всѣхъ государствахъ міра и едва-ли можно рассчитывать, чтобы въ ближайшемъ будущемъ удалось остановить этотъ ростъ у насъ. Допуская даже, что главнѣйшія статьи расходнаго бюджета—армія и флотъ — останутся надолго въ настоящемъ размѣрѣ (хотя это мало вѣроятно, въ виду необходимости измѣнять довольно часто вооруженіе, вслѣдствіе быстро слѣдующихъ одно за другимъ открытій и изобрѣтеній въ этой области), и тогда еще найдется не мало нуждъ, удовлетвореніе которыхъ откладывается и откладывалось въ продолженіи цѣлыхъ десятилѣтій единственно изъ опа-

сенія предстоящихъ расходовъ. Извѣстно, что этимъ именно соображеніемъ задерживается распространіе дѣйствія судебныхъ уставовъ (1864 года) на всю имперію; подъ тѣмъ же предлогомъ отсрочивается изъ года въ годъ производство народной переписи и т. д. и т. д. Правда, нашъ государственный бюджетъ въ теченіи цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, предшествовавшихъ голодному 1891 году, сводился съ значительными остатками, сумма которыхъ за четыре года превысила 200 милліоновъ рублей. Это, конечно, показываетъ, что нѣкоторое пониженіе государственныхъ сборовъ въ этомъ періодѣ было возможно. Но нужно, однако, имѣть въ виду, что это накопленіе нельзя считать нормальнымъ. Во-1-ыхъ, оно въ весьма значительной степени явилось результатомъ чисто случайныхъ обстоятельствъ, каковы: два слѣдовавшие другъ за другомъ необыкновенно обильные урожая (1887 и 1888 годовъ), благодаря которымъ вывозъ хлѣбовъ, а въ связи съ нимъ и движеніе по желѣзнодорожной сѣти и доходность ея, достигли небывалой прежде высоты; случайное совпаденіе окончанія расчетовъ съ арендаторами Николаевской желѣзной дороги дало чуть не 10% всего накопленія за 4 года; послѣдствіемъ случайнаго повышенія вывоза слѣдуетъ считать и повышеніе курса съ 1888 года и, наконецъ, только случайное совпаденіе значительнаго пониженія процента на европейскихъ рынкахъ съ благоприятными для насъ по урожаю и вывозу годами—объясняетъ возможность конверсій, давшихъ нѣкоторое сокращеніе расходовъ по отдѣлу государственнаго кредита. Во-2-хъ, такое накопленіе не можетъ считаться нормальнымъ и потому, что оно шло за счетъ сокращенія расхо-

довъ по такимъ статьямъ, гдѣ скорѣе слѣдовало бы желать увеличенія бюджета. Таковы, кромѣ упомянутыхъ выше, расходы на расширеніе нашей желѣзнодорожной сѣти: извѣстно, что работы по постройкѣ новыхъ дорогъ за это время почти совершенно прекратились. Равнымъ образомъ, не смотря на назрѣвшую потребность въ усиленіи государственной дѣятельности по отношенію къ народному образованію—общему и специальному (ремесленному и сельскохозяйственному), — бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія оставался все время почти безъ измѣненія. Словомъ, все вниманіе было устремлено на сокращеніе расходовъ безъ отношенія къ тому, какого рода эти расходы.

Но, что всего важнѣе, накопленіе это оказалось очень непрочнымъ: достаточно было одного неурожайнаго года и сопровождающаго его голода, чтобы увести все сбереженія предъидущаго періода. Конечно, хорошо, что въ критическую минуту деньги оказались на лицо, но, несомнѣнно, было бы лучше, если бы своевременной затратой этихъ денегъ удалось устранить возможность появленія самаго кризиса.

При всемъ томъ, слѣдуетъ признать, что пониженіемъ платежей пропорціонально накопленію избытковъ въ кассахъ государственнаго казначейства нельзя было предотвратить наступившій въ 1891 г. голодъ: населеніе, конечно, сберегло бы нѣкоторую долю оставшихся въ его распоряженіи денегъ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что наибольшая часть этой суммы ушла бы на удовлетвореніе текущихъ нуждъ, такъ что неурожай засталъ бы населеніе немного развѣ болѣе состоятельнымъ, чѣмъ теперь, а, слѣдо-

вательно, голодъ неминуемо проявился бы; по прошествіи же голода положеніе населенія должно было оказаться почти столь же печальнымъ, какъ и безъ пониженія платежей. Расходы же государства послѣ голоднаго года должны были бы возрасти на сумму процентовъ и погашенія на займы, сдѣланные для приобрѣтенія средствъ вспомошествованія голодающему населенію. Ясно, что въ ближайшіе за голодомъ годы ни о какомъ накопленіи при такихъ условіяхъ думать было бы невозможно, а, весьма вѣроятно, пришлось бы прибѣгнуть или къ новымъ займамъ, или къ новымъ налогамъ для сведенія бюджета.

Словомъ, что касается государственныхъ налоговъ, уменьшеніе ихъ съ крестьянъ безъ возмѣщенія съ другихъ категорій плательщиковъ — мало вѣроятно. То же слѣдуетъ сказать и о земскихъ налогахъ, такъ какъ земства и теперь далеко не всегда покрываютъ текущіе расходы и для нихъ, къ тому же, гораздо труднѣе прискать источникъ обложенія, чѣмъ для государства.

Но если невозможенъ первый изъ указанныхъ путей, то, можетъ быть, можно идти вторымъ путемъ, т.-е. переложить часть податнаго бремени съ наиболѣе обремененной крестьянской массы на другіе слои населенія? Какъ на лучший способъ облегчить наименѣ состоятельныхъ плательщиковъ податей указываютъ часто на подоходный налогъ. Конечно, по принципу, этотъ видъ налога является наиболѣе рациональнымъ и съ этой точки зрѣнія противъ него ничего нельзя сказать. Тѣмъ не менѣе, защитники подоходнаго налога, кажется, преувеличиваютъ его значеніе. Прежде всего, нужно имѣть

въ виду, что при нашихъ условіяхъ это будетъ налогъ почти исключительно на горожанъ, причисляя къ нимъ и частныхъ землевладѣльцевъ. Наше же городское населеніе составляетъ, насколько извѣстно¹⁾, не болѣе 20% всѣхъ жителей и, говоря вообще, въ массѣ оно столь же бѣдно, какъ и крестьянство. Принимая же во вниманіе относительную дороговизну (даже, напр., сравнительно съ Германіей) нашей городской жизни, нужно будетъ назначить довольно высокій minimum дохода, не подлежащаго налогу и обложить низшіе разряды доходовъ, подлежащихъ налогу, незначительнымъ только процентомъ. Правда, и при этомъ подоходный налогъ (прогрессивный) могъ бы дать нѣсколько (2—3) десятковъ милліоновъ. Но что это значитъ при бюджетѣ въ милліарды? Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду возможное и, какъ мы увидимъ ниже, даже теперь легко предвидимое увеличеніе государственныхъ расходовъ, которое легко поглотитъ приращеніе дохода вслѣдствіе введенія подоходнаго налога. Мы вполне убѣждены, что подоходный налогъ будетъ введенъ и у насъ въ ближайшемъ будущемъ. Но облегчатся ли вслѣдствіе этого платежи крестьянъ, это еще вопросъ, отвѣтъ на который будетъ зависеть оттого, будетъ ли одновременно предпринято преобразование тѣхъ специфическихъ налоговъ, которые составляютъ главную составную часть лежащихъ на крестьянствѣ податей, т.-е. на первомъ мѣстѣ выкупныхъ платежей.

Къ этому вопросу мы возвратимся ниже, а теперь замѣтимъ только, что и уменьшеніе земскихъ

¹⁾ Благодаря тому, что со времени послѣдней переписи прошло 35 лѣтъ, точная цифра населенія неизвѣстна.

и общественных (волостныхъ и сельскихъ) налоговъ—столь же или еще болѣе маловѣроятно, какъ и уменьшеніе податей государственныхъ.

Нужно, слѣдовательно, искать средствъ увеличить доходы крестьянъ; тогда, можетъ быть, не потребуетъ и хлопотать о пониженіи податей или, во всякомъ случаѣ, значеніе этого пониженія уменьшится.

Такимъ средствомъ, какъ мы уже замѣтили, считается расширеніе крестьянскаго землевладѣнія тѣмъ или инымъ способомъ. Поэтому мы должны рассмотреть, насколько выполнимы направленные къ этой цѣли мѣры и къ какимъ результатамъ приведетъ ихъ осуществленіе.

II.

Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія путемъ покупки земли на мѣстѣ.

Вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ или недостаточности надѣловъ служилъ когда-то (особенно въ концѣ семидесятыхъ годовъ) темой жаркихъ дебатовъ какъ въ земскихъ собраніяхъ, такъ и въ печати и въ засѣданіяхъ различныхъ обществъ. Тогда чуть не единственный путь увеличенія надѣловъ видѣли именно въ прикупкѣ частновладѣльческихъ земель при посредствѣ специальныхъ земельныхъ банковъ, состоящихъ въ распоряженіи земства.

Хотя послѣ того и былъ основанъ государственный крестьянскій земельный банкъ, однако вопросъ не сошелъ съ очереди. Теперь, правда, никто, кажется, не считаетъ уже возможнымъ уничтожить малоземелье помощью одного банковаго кредита для

покупки земли. Тѣмъ не менѣе, самой покупкѣ придаютъ все еще очень большое значеніе и нерѣдко обвиняютъ управленіе и самую организацію крестьянскаго банка въ томъ, что результаты его дѣятельности оказываются ничтожными, а иногда и отрицательными.

Мы отнюдь не думаемъ защищать банкъ или входить здѣсь въ обсужденіе достоинствъ или недостатковъ его организаціи. Равнымъ образомъ и самый способъ рѣшенія задачи—уменьшеніе малоземелья помощью покупки земли—мы не будемъ оспаривать въ принципѣ. Мы думаемъ только, что этотъ способъ не имѣетъ того универсальнаго значенія, которое ему было придано организаціей крестьянскаго земельного банка на всю Россію. Россія настолько обширна и естественныя и экономическія условія различныхъ областей ея настолько разнообразны, что мѣра, которая окажется въ одной области вполне цѣлесообразной, можетъ оказаться совершенно неприменимой или—что то же—не приводящей къ желательному результату—въ другой области. Имѣя здѣсь въ виду прежде всего пострадавшую отъ послѣднихъ неурожаевъ (1891 и 1892 гг.) область, т.-е. почти исключительно черноземную и главнымъ образомъ центральную черноземную полосу, мы должны сказать, что здѣсь именно покупка частновладѣльческихъ земель не можетъ считаться мѣрой, способной поднять чувствительно благосостояніе крестьянскаго населенія. Какъ извѣстно, центральная черноземная область представляетъ одну изъ наиболѣе густо населенныхъ частей имперіи и крестьянскія земли составляютъ здѣсь уже и теперь весьма значительный про-

цель. Дѣйствительно, по статистикѣ поземельной собственности крестьянскіе надѣлы (съ землями, купленными до 1878 года общинами) составляютъ въ черноземной незалежной полосѣ 62%, а въ черноземной полузалежной 61% всей площади; тогда какъ земли личной собственности (въ числѣ которой также есть крестьянская) только 36% въ первой и 35% во второй изъ названныхъ областей. Такимъ образомъ, если представить себѣ (невозможный, конечно, въ дѣйствительности случай), что всѣ земли личной собственности изъяты изъ владѣнія теперешнихъ собственниковъ ихъ и переданы крестьянамъ,—и тогда надѣлы крестьянъ увеличатся только въ $1\frac{1}{2}$ раза. Ниже мы увидимъ, что такого увеличения во многихъ случаяхъ было бы недостаточно. Однако, на первый взглядъ это можетъ показаться невѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что не всѣ крестьяне области нуждаются въ увеличеніи надѣловъ, такъ какъ здѣсь живетъ не мало государственныхъ крестьянъ, надѣленныхъ сравнительно щедро. На самомъ же дѣлѣ, принявъ во вниманіе возможный размѣръ покупокъ и ихъ условія, трудно разсчитывать дополнить крестьянское землевладѣніе въ той мѣрѣ, какъ было бы желательно. Не задаваясь слишкомъ высокой нормой, предположимъ, что всѣ, надѣленные 4-мя и болѣе десятинами на ревизскую душу и, слѣд., принимая во вниманіе приростъ населенія, имѣющіе и теперь еще 3 десятины minimum на душу ¹⁾

¹⁾ Впрочемъ, не вездѣ, какъ показываютъ, напр., данныя относительно нѣкоторыхъ уѣздовъ Тамбовской губерніи, гдѣ уже къ 1884 г. часто надѣлы въ 4—5 десятины на ревизскую душу давали только 3 десятины на наличную и теперь, слѣд., должно быть нѣсколько менше.

наличнаго населенія (мужского), не нуждаются въ землѣ. Такихъ, относительно состоятельныхъ, здѣсь насчитывается среди государственныхъ крестьянъ: въ черноземной незалежной полосѣ—645.577 душъ, а въ черноземной полузалежной — 660.076 душъ, всего 1.305.653 души; да, кромѣ того, нѣкоторое количество въ числѣ бывшихъ владѣльческихъ. Исключивъ всѣхъ этихъ лицъ и полагая, что надѣленіе остальныхъ будетъ доведено только до нижней нормы владѣнія этой группы, мы допустимъ, что крестьяне, показанные въ рубрикѣ владѣющихъ до 1 десятины ¹⁾, имѣютъ въ среднемъ по $\frac{1}{2}$ десятины, владѣющіе 1—2 дес.—въ среднемъ по $1\frac{1}{2}$ десятины; надѣленные 2—3 десятинами—въ среднемъ $2\frac{1}{2}$, и, наконецъ, имѣвшіе надѣлы въ 3—4 десят.—въ среднемъ $3\frac{1}{2}$ дес. Сообразно этому, первые должны получить $3\frac{1}{2}$ десят., вторые $2\frac{1}{2}$, третьи $1\frac{1}{2}$ и четвертые $\frac{1}{2}$ десят. на каждую ревизскую (X-й ревизіи) душу. Тогда общая сумма потребной земли составитъ 3.018.041 десятину или болѣе 44% всѣхъ дворянскихъ и купеческихъ земель этихъ областей (6.850.535 дес.). Не говоря о томъ, что покупка такого количества земли, средняя цѣна которой едва-ли можетъ быть принята ниже 100 рублей за десятину,—потребуется огромнаго капитала (около 302 милл.), трудно разсчитывать, чтобы это количество могло быть приобретено въ не очень отдаленномъ будущемъ безъ насильственной экспроприации. Не вдаваясь въ разсужденія, насколько операція покупки осуществима при наличности указанныхъ условій даже при наилучшей организаціи крестьянскаго банка,—посмо-

¹⁾ По статистикѣ поземельной собственности.

тримъ только, какое значеніе будетъ имѣть цѣна земли для покушниковъ крестьянъ. Какъ замѣчено выше, нельзя принять среднюю цѣну ниже 100 рублей за десятину, тѣмъ болѣе, что самое увеличеніе запроса на земли въ такой огромной мѣрѣ вызоветъ повышеніе цѣнъ. Но высокая покушная цѣна земли потребуетъ и значительной суммы платежей въ видѣ процента и погашенія. Если предположить, что вся цѣна земли будетъ покрыта банковской ссудой (что составляетъ наибывгоднѣйшее условіе, такъ какъ частный кредитъ несравненно дороже) и что банкъ значительно понизитъ свои требованія, то все же нельзя считать платежъ процентовъ съ погашеніемъ и расходами банка менѣе 6 руб. на 100 ссуды. Это значитъ: получившіе прирѣзку въ $3\frac{1}{2}$ десятины (146 тыс. душъ слишкомъ) должны будутъ платить по 21 р. съ ревизской души однихъ банковыхъ платежей; получившіе $2\frac{1}{2}$ д. (261,6 тыс. душъ) по 15 руб.; получившіе $1\frac{1}{2}$ д. (100,5 тыс. душъ) 9 руб. и только получившіе $\frac{1}{2}$ дес. относительно небольшое количество (3 р.). Если принять во вниманіе, что въ среднемъ на дворъ слѣдуетъ считать 2 души, что эти суммы составятъ прибавокъ къ прежнимъ налогамъ разнаго рода, то нельзя же признать, что они достаточно велики.

Но мало этого: принятая нами норма представляетъ минимумъ желательнаго надѣла и чтобы судить, насколько этотъ минимумъ способенъ обезпечить населеніе и покрыть платежи за землю, необходимо сдѣлать нѣкоторыя вычисленія. Какъ сказано, принимая во вниманіе приростъ населенія, предположенный надѣлъ составитъ около трехъ десятинъ на наличную мужескую душу. Допустимъ, однако,

что имѣется 3 десятины одной пахатной земли, и посмотримъ, что дастъ намъ эта пашня при обычномъ здѣсь трехпольномъ хозяйствѣ. При этомъ ежегодно 1 десятина будетъ оставаться въ пару, 1 десят. будетъ находиться подъ рожью и 1 дес. подъ овсомъ. Принимая урожай ржи въ 6 четвертей на десятину, а овса въ 8 четвертей, т.-е. для обоихъ хлѣбовъ выше средняго для этихъ губерній (напр. по изд. центрального статистическаго комитета: „средній урожай за 5-лѣтіе 1883—87“), мы приходимъ къ слѣдующему выводу. Ржи получится 6 четвертей или 48 пудовъ, изъ коихъ 8 пудовъ пойдетъ на обсѣменение и останется 40 пудовъ. Овса 8 четвертей составятъ 40 пудовъ, изъ коихъ 10 пудовъ на обсѣменение и остатокъ составитъ 30 пудовъ. Если, слѣдовательно, нашъ однодушный хозяинъ, и не многосемейный, но женатый, и имѣеть, скажемъ, двоихъ малыхъ дѣтей, то хлѣба (ржи) едва достанетъ на продовольствіе, ибо на взрослога мужика никакъ нельзя положить менѣе 20 пудовъ ¹⁾ (хорошія помѣщицьи экономіи выдаютъ паекъ въ 24 пуда *муки* на рабочаго), да на бабу не менѣе 15 пудовъ (въ экономіяхъ отпускаютъ 18 пуд.), а на дѣтей осталось бы всего 5 пудовъ. Точно также и овса для продажи ничего не останется, ибо собранныхъ 30 пудовъ (сверхъ сѣмянъ) или 6 четвертей хватило бы только на то, чтобы давать лошади по одному гарнцу зерна въ день, а такая или даже значительно большая дача необходима, если, какъ это слѣдуетъ изъ принятой

¹⁾ Г. П. Голубевъ въ ст. «Подать и народное хозяйство» («Русск. Мысл.» 1893 г. июль) вычисляетъ потребленіе всего хлѣба въ переводѣ на рожь въ 22,3 пуда на душу населенія безъ различія возраста и пола. (?).

нами площади пашни, въ хозяйствѣ совѣмъ не имѣется луговъ и, слѣд., въ кормъ идетъ исключительно солома.

Предположивъ же уменьшеніе площади пашни (подъ дугъ), мы приходимъ къ выводу, что недостаетъ хлѣба на прокормленіе семьи. Соломы тоже получится не особенно обильно; самое большее—пудовъ 160 (100 пуд. ржаной и 60 п. овсяной), при чемъ вся яровая съ немалымъ прибавкомъ ржаной должна пойти въ кормъ лошади, взамѣнъ сѣна, и чтобы этотъ суррогатъ былъ сколько-нибудь сносенъ, необходимо скормить весь зерновой овесъ. На содержаніе же коровы или какого-либо иного скота, Кромѣ лошади, останется одна ржаная солома. Положеніе, слѣд., таково, что людямъ приходится питаться однимъ хлѣбомъ, и если возможно держать коровенку, то она, конечно, при соломенномъ кормѣ зимой и жалкомъ выгонѣ по пару лѣтомъ, будетъ давать крайне мало молока. Затѣмъ, для уплаты какихъ-либо налоговъ нѣтъ возможности рассчитывать на продажу полевыхъ продуктовъ, и если это будетъ сдѣлано, то кормъ лошади сдѣлается на столько скуднымъ, что она откажется работать. Равнымъ образомъ и на удовлетвореніе всѣхъ остальныхъ потребностей семьи, даже на покупку капи и хоть бы сала и соли, не говоря объ одеждѣ, нужно уже рассчитывать на посторонній заработокъ. Но какой это можетъ быть заработокъ? До сихъ поръ имъ служить въ значительной мѣрѣ работа въ частновладельческихъ хозяйствахъ, исполняя или за деньги. Но, понятно, чѣмъ меньше сдѣлается площадь частного владѣнія (а по нашему вычисленію она должна уменьшиться почти на половину), тѣмъ меньше бу-

детъ предлагаться такой работы. Значить, во всякомъ случаѣ, положеніе такого хозяина будетъ крайне печальное.

Но, конечно, мы взяли нѣсколько исключительное условіе,—хозяйство однодушника; хотя, благодаря частымъ семейнымъ раздѣламъ, число такихъ хозяйствъ безспорно увеличивается, но они все же не представляютъ господствующей формы. Измѣнится-ли, однако, чувствительно положеніе, если мы предположимъ двоедушника, какъ типическую семью для этой полосы, при условіи только, что распределеніе площади владѣнія между угодьями будетъ болѣе нормально? Выше мы считали всю землю подъ пашней, т.-е. ничего не отдѣлили ни для усадьбы, ни для выгоновъ, луговъ и огородовъ; а между тѣмъ, статистика показываетъ, что при всей жадности къ пашнѣ мужика въ этихъ черноземныхъ областяхъ, все же пашня составляетъ только 80% въ среднемъ всей площади владѣнія. Затѣмъ и по отношенію къ семейному составу мы должны уже взять среднюю норму типической для данной полосы крестьянской семьи. Статистика показываетъ, что рабочей возрастъ обнимаетъ у насъ едва 49% всего населенія, остальное падаетъ на дѣтей и стариковъ. При двоедушномъ надѣлѣ мы должны, поэтому, предположить, примѣрно, такой составъ семьи: мужъ, жена, старикъ или старуха и трое дѣтей; всего, слѣд., 6 человекъ. Такая семья будетъ даже малолюднѣе обычной крестьянской семьи въ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ средний дворъ, по даннымъ земской статистики, заключаетъ около 7 душъ.

Принимая, согласно сказанному, что 80% надѣла въ 6 десятинъ или 4,8 десятинъ составитъ

пашня, а остальное луга, выгоны и усадьба, допустимъ, что выгоновъ совсѣмъ или почти совсѣмъ нѣтъ, и ихъ замѣняетъ часть пашни, остающаяся на данный годъ въ пару, а изъ остающагося отъ пашни пространства — 1 десятина занимаетъ лугъ, а 0,2 десятины (480 квадратныхъ сажень) уходитъ на усадьбу съ дорогами, огородомъ, улицей и проч. Тогда, при прежнихъ урожаяхъ, получимъ (съ 1,6 десятины въ каждомъ изъ трехъ полей), за исключеніемъ посѣвнаго зерна: 64 пуда ржи, 48 пудовъ овса и соотвѣтственно соломы, круглымъ числомъ: 150 пудовъ ржаной и 100 пудовъ овсяной. Сверхъ того, десятина луга дастъ въ лучшемъ случаѣ 80 пудовъ сѣна ¹⁾, а небольшой огородъ—нѣкоторое количество овощей. При прежнихъ нормахъ для взрослыхъ — 20 пудовъ на мужика и по 15 на бабу и старика—останется на 3-хъ дѣтей 14 пудовъ ржи, что, разъ дѣти вышли изъ младенческаго возраста, окажется уже недостаточнымъ. Но допустимъ, что при помощи огородныхъ овощей и нѣкотораго количества молока удастся обойтись безъ покупки ржи. Затѣмъ на 200 дней зимы для корма скота будемъ имѣть (полагая, что лѣтомъ и лошадь, и корова будутъ кормиться на выгонѣ, частью по пару, частью на лугу по скося траву, хотя, разумѣется, это неправильно): 80 пудовъ сѣна, 100 пудовъ яровой соломы и 48 пудовъ овса. При правильномъ кормленіи, сѣна было бы недостаточно для одной коровы (16 фунтовъ въ день) и даже для лошади, которую вѣдь нужно кормить почти круглый годъ сѣномъ,

¹⁾ Эта средняя величина для луговъ Московской губерніи, по вычисленію покойнаго В. П. Орлова; для черноземныхъ мѣстностей она должна быть значительно повышена.

такъ какъ выгономъ она можетъ пользоваться рѣдко. Если же сѣно будетъ распределено поровну между лошадью и коровой, то уже и лошади нужно будетъ дать почти въ 1½ раза болѣе соломы, чѣмъ сѣна (на 40 пудовъ сѣна не менѣе 50 пудовъ соломы) и чтобы кормъ едѣлся хоть сколько-нибудь удовлетворительнымъ, сдобривать его овсомъ. Коровѣ же придется прибавить къ сѣну, по крайней мѣрѣ, двойное количество соломы, частью уже ржаной, такъ какъ овсяной не достанетъ—и, понятно, кормъ будетъ плохъ. Остается, правда, еще ржаная солома, но на такомъ кормѣ въ крайнемъ случаѣ можно продержать развѣ что пару овецъ, да и онѣ только-что не умрутъ съ голода ¹⁾. Полагая, что лошадь получаетъ, хотя бы только въ теченіи полугода болѣе сильной работы, придачу по 1 гарницу овса, потребуется такого 15 пудовъ и на продажу останется 30—33 пуда. Слѣдовательно, даже при относительно высокой цѣнѣ овса въ 40—50 коп. пудъ, получится 12—15 рублей, которыхъ недостаточно даже на уплату налоговъ, такъ какъ одни выкупные платежи за 2 надѣла поглотятъ почти всю эту сумму. Если же считать, что половина земли куплена теперь,—не по цѣнѣ, слѣдовательно, надѣла, а по 100 рублей за десятину,—то этого дохода, по вышеприведенной нормѣ, не хватитъ даже на уплату процентовъ на цѣну этой земли. А между тѣмъ, другихъ доходовъ отъ хозяйства почти нельзя и предположить. Держать не одну, а двѣ коровы—рѣшительно невозможно; одна же корова, при исклю-

¹⁾ Вѣрнѣе, овецъ совсѣмъ нельзя будетъ держать, такъ какъ остатокъ соломы пойдетъ на подстилку, на крыши и на топливо.

чительно соломенномъ почти кормѣ зимою, дать никакъ не болѣе 40 ведеръ молока въ годъ, изъ котораго, передѣлывая все безъ остатка на масло (причемъ семья будетъ питаться однимъ снятымъ молокомъ), получите около одного пуда масла, на сумму около 8 руб. Причисляя еще 5 руб., какъ максимумъ дохода отъ продажи теленка, все же получимъ всего дохода не болѣе 25—30 рублей, изъ которыхъ, за уплатой податей и налоговъ, на нужды хозяйства останется развѣ что 5 рублей, и то, если земля надѣльная, а не купленная по 100 рублей за десятину. Нечего, кажется, прибавлять, что на эти деньги нельзя одѣть семью и прикупить недостающей провизии: одной каши съ саломъ потребуется больше (по пяти фунтовъ на взрослога и 5 фунтовъ на всѣхъ дѣтей каши въ мѣсяцъ, а на годъ 6 пудовъ, да сала не менѣе 3 пудовъ; считая кашу по 1 руб., а сало по 6 руб.—получимъ уже 24 рубля). Слѣдовательно, и здѣсь никакъ нельзя обойтись безъ посторонняго заработка, а таковой долженъ быть притомъ мѣстный, т.-е. опять или испольная обработка помѣщичьей земли, или работа у того же помѣщика за деньги, или аренда земли на сторонѣ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что, разъ дѣти достигнуть такого возраста, что могутъ сколько-нибудь заработать на поденщинѣ или хоть помогать въ хозяйствѣ, то хлѣба окажется недостатокъ. Словомъ, наша семья ни при какихъ, самыхъ благоприятныхъ условіяхъ не можетъ ничего скопить, а развѣ что, съ бѣдой пополамъ, просуществовать, т.-е. не умереть съ голоду, питаясь чернымъ хлѣбомъ съ придачей небольшого количества картофеля и кануеты и умѣренной порціи каши, но не

видя круглый годъ мяса, даже не потребляя совершенно водки; дѣтямъ же, конечно, безъ исключенія придется изображать „мальчиковъ безъ штановъ“, такъ какъ и у старшихъ будетъ весьма необильно нарядовъ.

Остается, правда, еще одинъ источникъ дохода, котораго мы до сихъ поръ не касались; это такъ называемые кустарные промыслы. Но, не говоря о томъ, что въ рассматриваемой мѣстности кустарные промыслы никогда не были развиты сколько-нибудь значительно, мы думаемъ, что и вообще время развитія кустарныхъ промысловъ прошло, ибо только весьма немногія мастерства, не допускающія сколько-нибудь значительнаго примѣненія машинъ, могутъ еще держаться въ конкуренціи съ фабричнымъ производствомъ; а число такихъ производствъ съ каждымъ днемъ уменьшается. Потому и на этотъ видъ заработка надежды плохи. Для земледѣльца, притомъ, важно, чтобы кустарный промыселъ не отвлеклъ его отъ земледѣлія, а это условіе еще болѣе ограничиваетъ выборъ мастерства.

Въ результатѣ всѣхъ нашихъ расчетовъ оказывается, слѣдовательно, что положеніе не однихъ только малоземельныхъ, но и всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ не болѣе 6 десятинъ на дворъ (настолько плохо) даже въ лучшіе годы, при урожаѣ выше средняго, что только при возможности заработать довольно значительную сумму у сосѣда помѣщика, такой крестьянинъ въ состояніи кое-какъ просуществовать и оплатить лежащія на немъ налоги, если, Боже упаси, не случится какой бѣды, въ родѣ пожара, падежа лошади или коровы и т. п.: всякое такое несчастіе сразу ставитъ его въ полную невоз-

возможность даже просто прокормиться, и онъ если и не вполне голодаетъ, то и сытъ никогда не бываетъ.

А между тѣмъ, въ той же центральной черноземной полосѣ насчитывается 2.103 тысячи ревизскихъ душъ, т.-е. въ настоящее время не менѣе 5,8 милл. душъ обоого пола или около 1 милліона дворовъ крестьянъ, владѣнія которыхъ менѣе взятой нами нормы. При принятыхъ нами условіяхъ, т.-е. владѣя 6-ю десятинами, эта часть населенія могла бы только съ трудомъ существовать ¹⁾, даже имѣя довольно хорошіе заработки на сторонѣ; при дѣйствительно же существующихъ условіяхъ, въ лучшемъ случаѣ (принимая во вниманіе пониженіе прироста населенія съ уменьшеніемъ величины надѣла) развѣ что $\frac{1}{3}$ всего вышеприведеннаго числа, имѣющая надѣлъ отъ 3 до 4 десятинъ на ревизскую душу, — находится въ положеніи нашего второго хозяйства, остальные — въ несравненно худшемъ. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, что такое несчастіе, какъ неблагоприятное стеченіе метеорологическихъ условій, производящее недородъ хлѣбовъ, влечетъ за собою неминуемый голодъ. Какъ мы видѣли, довести эту группу населенія (61,4%) до положенія хотя бы нашего второго хозяйства помощью покупки земли на мѣстѣ, представляется совершенно невозможнымъ. Поэтому, давно уже въ числѣ мѣръ къ поднятію крестьянскаго благосостоянія рекомендуются переселенія. Посмотримъ же, каково значеніе этой мѣры.

¹⁾ Что положеніе дѣйствительно таково, какъ здѣсь указано, видно, напр. изъ доклада самарскаго статистика И. В. Красноперова въ стат. отдѣл. москов. юрид. общ. 22-го января 1892 года (Русск. Вѣд. № 28). И здѣсь, въ этой «многоземельной» губерніи 50% дворовъ вынуждены арендовать пашню и сѣнокосы.

III.

Выселеніе на окраины части малоземельныхъ крестьянъ. Послѣдствія переселеній для сибиряковъ и среднерусскихъ крестьянъ.

Эта мѣра, конечно, весьма важна и слѣдуетъ озаботиться организаціей переселеній. Но не нужно относиться къ этому дѣлу легкомысленно. Прежде чѣмъ организовать переселенія на широкую ногу, нужно разрѣшить не мало возникающихъ при этомъ вопросовъ.

Первый вопросъ: кого переселять? Было бы, конечно, во всехъ отношеніяхъ выгоднѣе, чтобы переселялись семьи болѣе состоятельныя, которыя могутъ сразу устроиться на мѣстѣ самостоятельными хозяйствами. Но такія семьи не желаютъ выселяться, и если, въ видѣ рѣдкаго исключенія, къ партіи переселенцевъ-голышей присоединится какой-нибудь богатѣй, то, хотя бы онъ и успѣлъ за время передвиженія заслужить въ своей партіи имя благодѣтеля (какъ увѣряетъ г. Исаевъ ¹⁾), такіе случаи бываютъ), все же, полагаемъ, было бы слишкомъ наивно думать, что такіе благодѣтели дѣйствуютъ вполне безкорыстно, изъ любви къ человѣчеству; гораздо чаще, безъ сомнѣнія, такой богатѣй окажется однимъ изъ Разуваевыхъ, который рассчиталъ, что этимъ путемъ онъ можетъ сдѣлать хорошій гешефтъ. Переселять, слѣдовательно, придется тѣхъ, которымъ плохо живется дома, кто успѣлъ уже разориться и рѣшается на переселеніе, потому что ничего не осталось терять. Чтобы эти переселенцы

¹⁾ Въ очеркахъ, печатавшихся въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

могли устроиться на новыхъ мѣстахъ сколько-нибудь сносно, нужно, слѣдовательно, государственное пособіе, проще говоря, прямо переселеніе на государственный счетъ. Таковое потребуетъ, однако, очень большихъ затратъ. Если изъ центральной черноземной области выселить только половину тѣхъ, которыхъ мы признали малоземельными (имѣющие менѣ 3 десятинъ на живую мужскую душу), то это составитъ уже 2,9 милліона человѣкъ или не менѣ 400 тысячъ семействъ ¹⁾ и, слѣд., расходъ на переселеніе ихъ, считая по 400 руб. на семью, составилъ бы 160 милліоновъ рублей. Къ этому нужно прибавить, что, вѣдь, и въ другихъ областяхъ найдется не мало такихъ обдѣленныхъ: извѣстно, что полтавцы, черниговцы, харьковцы, кіевляне и саратовцы и теперь уже составляютъ не малый процентъ переселенцевъ; а къ нимъ слѣдовало бы присоединить еще и польскихъ крестьянъ. Во всѣхъ перечисленныхъ мѣстностяхъ населенность (за исключеніемъ Саратовской губ.) ни чуть не ниже, а въ большинствѣ выше, чѣмъ даже въ наиболѣе густо населенныхъ частяхъ центральной черноземной полосы, а надѣлы, даже беря среднюю цифру, часто значительно ниже (напр., у полтавцевъ и у польскихъ крестьянъ). Слѣдовательно, приведенная цифра далеко еще не выражаетъ всей суммы потребныхъ на переселеніе затратъ.

Но, конечно, какъ бы ни былъ великъ расходъ, все же онъ долженъ быть произведенъ, если окажется, что это единственный путь, съ помощью котораго можно достигнуть поднятія народнаго бла-

¹⁾ По принятой выше нормѣ семейнаго состава (6 человѣкъ) даже почти полмилліона семей.

госостоянія и что этимъ путемъ цѣль дѣйствительно будетъ достигнута. Вотъ здѣсь-то и является второй вопросъ, и именно, *будетъ-ли этимъ путемъ достигнуто обезпеченіе выселенцевъ и остающагося на мѣстѣ населенія?* Вопросъ этотъ распадается, собственно, на два. Можно сомнѣваться въ пригодности этой мѣры для первой цѣли: вѣдь и въ Сибири, и Закавказьи бывають неурожаи и даже, если позволительно такъ выразиться, еще болѣе свирѣпыя, чѣмъ въ средней Россіи, или даже вообще въ Россіи. Кромѣ того, благосостояніе выселившихся можетъ быть достигнуто только при условіи, что производимые ими продукты, т.-е. прежде всего зерно, найдутъ себѣ сбытъ. Напомнимъ, что въ декабрѣ 1891 года, когда восточная окраина Европейской Россіи (въ числѣ другихъ областей) не знала, гдѣ достать хлѣба, изъ губерніи Енисейской сообщалось (въ корреспонденціи „Русск. Вѣд.“), что хлѣбъ тамъ няпочемъ, его дѣвать некуда; населеніе, конечно, не голодаетъ, но и далеко не благоденствуетъ. Но, кромѣ того, нельзя терять изъ виду, что это населеніе теперь несетъ ничтожныя, сравнительно съ населеніемъ коренной Россіи, налоги. Но, чѣмъ больше затратитъ государство на переселенія, тѣмъ выше, конечно, должны будутъ подняться налоги, все равно, въ какой формѣ. Этимъ мы не хотимъ сказать, что форма безразлична, но только то, что, чѣмъ болѣе возрастуть расходы государства, тѣмъ болѣе налоговъ разныхъ видовъ должно падать на каждую рабочую силу, а слѣдовательно, тѣмъ больше нужно имѣть денегъ. Потому-то, именно, доставить переселенцамъ благоденствіе возможно только при условіи, что продукты ихъ труда най-

дутъ себѣ сбыть ¹⁾. Это значить: для достиженія желаннаго результата нужно еще соединить эти области желѣзными дорогами со всемірнымъ рынкомъ, т.-е. съ западной Европой, черезъ Россію; а, какъ извѣстно, стоимость сибирской дороги исчислена въ 300 милліоновъ рублей. Эту сумму также нужно поставить въ счетъ переселенію, ибо расходы государства на дорогу должны быть покрыты налогами, такъ какъ, безъ сомнѣнія, въ первое время по постройкѣ дорога будетъ требовать значительныхъ приплатъ. Но, кромѣ того, съ заселеніемъ сибирскихъ или иныхъ окраинъ увеличится и расходъ на администрацію и судъ въ этихъ областяхъ, не говоря уже о томъ, что самая организація переселеній потребуетъ специальныхъ органовъ. Всѣ эти расходы опять падутъ на то же населеніе. Въ состояніи-ли будетъ населеніе вынести эти налоги?

Защитники переселенія въ Сибирь указываютъ обыкновенно на благоденствіе теперешняго сибирскаго населенія, какъ образецъ того, что можетъ дать Сибирь переселенцамъ. При этомъ, однако, забываютъ,—кромѣ указанной уже незначительности существующихъ теперь налоговъ,—еще и то обстоятельство, что новое населеніе, осѣдая среди стараго, необходимо будетъ уменьшать просторъ, кото-

¹⁾ Г. Остафьевъ («Особенности земледѣлія въ западной Сибири». Сел. Хоз. и Лѣсов., окт. 1891) указываетъ, между прочимъ, что, помимо суровости климата, и количество удобныхъ земель въ Сибири далеко не такъ велико, какъ думаютъ. Напримѣръ, Канскій округъ, съ площадью въ 9 милл. десятинъ и населеніемъ едва 57 тысячъ душъ (мужчинъ), имѣетъ свободной земли только 500 тысячъ десятинъ, т.-е. на 35.000 душъ по нормѣ, которую принимаетъ авторъ.

рымъ теперь пользуются сибиряки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и само не можетъ пользоваться такимъ просторомъ, а слѣдовательно, не достигнетъ при существующихъ условіяхъ и того благосостоянія, какимъ пользовалось сибирское населеніе до пришествія „рассейскихъ“ людей. Между тѣмъ, по единогласнымъ указаніямъ всѣхъ изслѣдователей (что, впрочемъ, понятно и само собою) основаніе новыхъ поселковъ требуетъ и бѣльшей экономической состоятельности, и бѣльшей осторожности со стороны переселенцевъ. Благодаря этому, появленіе «рассейскихъ» въ Сибири и осѣданіе ихъ среди кореннаго населенія поведетъ за собою неминуемо стѣсненіе въ хозяйствѣ сибиряковъ. Первымъ слѣдствіемъ этого стѣсненія будетъ то, что скотоводство, которое теперь является немаловажной поддержкой ¹⁾ сибирскаго хозяйства, сдѣлается невозможнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожится одинъ изъ элементовъ благосостоянія: теперь сибирякъ ѣстъ мясо чуть не каждый день, тогда онъ будетъ ѣсть его такъ же рѣдко, какъ теперь среднерусскій мужикъ. Подобнымъ образомъ, та шерсть, изъ которой сибирская баба ткотъ самотканое сукно, съ ликвидаціей овцеводства исчезнетъ изъ хозяйственнаго обихода, а слѣдовательно, исчезнетъ и возможность имѣть непокупную теплую одежду. Та же участь ждетъ, вѣроятно, и сибирское льноводство, гдѣ эта отрасль имѣетъ мѣсто. Послѣдствіемъ невозможности имѣть въ собственномъ хозяйствѣ (непокупные) матеріалы для кустарнаго производства различныхъ издѣлій, каковы:

¹⁾ Ср. В. А. Остафьевъ: «Бытовые формы сибирскаго крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія». Юр. Вѣстн. 1892, I.

шерсть, ленъ, пенька, а во многихъ мѣстностяхъ, вѣроятно, скоро и лёсъ ¹⁾), заставить чаще обращаться къ рынку, ради приобрѣтенія необходимыхъ предметовъ одежды и пр. Это значить: *натуральное хозяйство замѣнится денежнымъ, многими* и, въ силу этого, благосостояніе населенія будетъ въ болѣе большой зависимости отъ рынка, отъ того, насколько выгодно оно можетъ сбыть произведенный имъ продуктъ, т.-е. прежде всего зерновой хлѣбъ, ибо для остальныхъ продуктовъ, какъ только-что указано, останется мало мѣста. Возможность выгодной продажи хлѣба явится только съ облегченіемъ сношеній вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ. А желѣзныя дороги, въ свою очередь, разрушатъ послѣдніе остатки натурального хозяйства, такъ какъ сдѣлаютъ болѣе доступными произведенія фабрикъ и тѣмъ окончателно отнимутъ рынокъ у произведеній кустарничества.

Достигнетъ ли при наличности такихъ условій новое сибирское (переселенческое) населеніе благосостоянія—это вопросъ, который мы здѣсь оставимъ безъ отвѣта. Посмотримъ только, какъ всѣ описанныя явленія отразятся на среднерусскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Хозяйство среднерусскаго крестьянина есть хозяйство исключительно зерновое: онъ производитъ и продаетъ исключительно зерно. Хотя вышеприведенный расчетъ показаль, что изъ урожая, полученнаго крестьяниномъ съ надѣльной земли, онъ мо-

¹⁾ На безобразное уничтоженіе лёсовъ и мѣстами уже недостатокъ въ нихъ указываетъ г. Остафьевъ въ цитированной выше работѣ.

жетъ продать развѣ только незначительное количество ярового (овса), но, тѣмъ не менѣе, онъ живетъ и уплачиваетъ подати продажей зерна. Последнее онъ добываетъ путемъ полной обработки или аренды помѣщичьихъ земель. Это значить, вмѣстѣ съ тѣмъ, что *для нашего крестьянина чрезвычайно важно, чтобы цѣна зерна не падала слишкомъ низко*. Принято думать, и эта фраза повторяется нерѣдко и у насъ, что для крестьянскаго населенія низкія цѣны хлѣба даже желательны, ибо крестьянинъ, дескать, самъ часто покупаетъ хлѣбъ, а продаетъ его крупный землевладелецъ ¹⁾). Это положеніе, можетъ быть, въ значительной степени вѣрно для многихъ частей Германіи и Франціи и отчасти даже нечерноземной Россіи. Но оно совершенно невѣрно по отношенію къ черноземной Россіи: здѣсь, почти можно сказать обратно, что зерновой хлѣбъ единственный товаръ (за исключеніемъ рабочей силы), который продаетъ крестьянинъ, и этого товара онъ никогда не покупаетъ: если хлѣбъ у него не родился, то и купить ему его не на что, ибо нечего продать. У насъ, особенно въ средней черноземной полосѣ, мелкія, крестьянскія хозяйства даже въ болѣе большой мѣрѣ зерновыя, чѣмъ крупныя хозяйства. Последнія здѣсь нерѣдко имѣютъ винокуренные, крахмальные или свеклосахарные заводы или болѣе или менѣе значительное скотоводство (кое-гдѣ еще овцеводство и коннозаводство, а чаще крупный рогатый скотъ); потому они засѣваютъ относительно большія площади картофелемъ, свеклой или, наконецъ, кормовыми тра-

¹⁾ Это высказалъ напр. недавно г. Н. Голубевъ въ статьѣ, цитированной выше. «Русск. Мысль», май, июнь. 1893 г.

но и въ всѣхъ
мѣстахъ
иногда
Не только
Будемъ
и нелюбимъ
(хлѣбъ) можетъ
русск. и индустр.
хлѣба и нелюбимъ
ценно мѣла
Однако мало
Забавляю, чѣмъ
нелюбимъ хлѣба
на хлѣбъ при
хлѣба до сего
продажа хлѣба
хлѣба и нелюбимъ
и нелюбимъ,
на при выс
къ весной все, а
и нелюбимъ
на и нелюбимъ
хлѣба до сего
болѣе при
хлѣбахъ, не
при высокихъ
болѣе при
и нелюбимъ

Законъ агтами!!
?) / нелюбимъ хлѣба болѣе
новымъ и
Методу при, ни.
уменьшится
бюджетъ. Тамъ и
и нелюбимъ

вами. У крестьянъ же, если и сѣется какое-либо изъ названныхъ растений (впрочемъ, только картофель или свекла и никогда кормовыя травы), то въ ничтожномъ размѣрѣ, не на поляхъ, а въ огородахъ, и потому никакой роли эти культуры въ крестьянскомъ бюджетѣ не играютъ.

Поэтому-то для крестьянскаго хозяйства средней черноземной Россіи (особенно) пониженіе цѣны зерна будетъ пагубно, ибо значительно уменьшитъ его ресурсы. Безъ сомнѣнія, послѣдній неурожай не вызвалъ бы такого ужаснаго голода, если бы ему не предшествовалъ рядъ лѣтъ съ необыкновенно низкими хлѣбными цѣнами: пониженіе цѣны хлѣба заставляло крестьянъ, чтобы покрыть лежащія на нихъ платежи и произвести другіе денежные расходы, продавать гораздо больше хлѣба, чѣмъ они продали бы для той же цѣлы при болѣе высокихъ цѣнахъ; вслѣдствіе этого даже у наиболѣе состоятельныхъ не оказалось почти никакихъ запасовъ ко времени сбора новаго урожая.

Если это вѣрно, то является крайне серьезный вопросъ: каковы будутъ цѣны на хлѣбъ въ средней Россіи, когда, благодаря переселенцамъ, культурная площадь въ Сибири значительно расширится, а вмѣстѣ съ тѣмъ продажа зерна на европейскіе рынки явится единственнымъ почти источникомъ дохода и для сибирскаго населенія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть, кажется, сомнительнымъ: цѣны неминуемо должны понизиться и, можетъ быть, опять на нѣсколько лѣтъ упадутъ до того же или еще болѣе низкаго уровня, на какомъ они стояли въ теченіи послѣднихъ лѣтъ передъ послѣднимъ неуро-

жаемъ¹⁾. Это паденіе явится естественнымъ послѣдствіемъ переполненія рынковъ зерномъ при мало-мальски благопріятномъ урожаѣ, совершенно такъ, какъ расширеніе земледѣльческой площади въ западныхъ штатахъ Сѣверной Америки вызвало въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ рѣзкое пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ на всемірномъ рынкѣ. Только это паденіе будетъ гораздо болѣе пагубно для насъ, чѣмъ пониженіе цѣнъ въ прошломъ десятилѣтіи. Доходы крестьянскихъ хозяйствъ центральной черноземной полосы настолько понизятся, что хозяйства эти окажутся несостоятельными какъ передъ государствомъ — относительно платежа податей, такъ и передъ частными владѣльцами, у которыхъ они арендуютъ земли. Въ результатѣ — они лишатся, конечно, аренды, а безъ нея, какъ мы видѣли, они и при хорошихъ цѣнахъ существовать не могутъ.

И отъ этого краха не только не спасетъ увеличеніе надѣловъ на мѣстѣ, но еще усилитъ его, ибо это увеличеніе обозначаетъ, вѣдь, — по скольку дѣло идетъ о покупкѣ частновладѣльческихъ земель, — также значительное расширеніе площади пашни, такъ какъ у частныхъ владѣльцевъ пашня (особенно подъ хлѣбомъ) занимаетъ несравненно меньшій процентъ общей площади владѣнія, чѣмъ у крестьянъ. Потому увеличеніе надѣловъ будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивать массу поступающаго на рынокъ зерна и еще болѣе понижать его цѣну.

¹⁾ Возможность такого паденія доказываетъ состояніе цѣнъ пшеницы въ Лондонѣ (мартъ 1893 г.), когда въ Лондонѣ пшеница котируется 27 до 29 шиллинговъ за четверть (темно болѣе 1 руб. кредитн. за пудъ).

Имѣя въ виду всё эти послѣдствія переселенія на окраины, мы и сказали выше, что нужно относиться осторожно къ этой мѣрѣ.

Хотя мы говорили до сихъ поръ исключительно о центральной черноземной полосѣ, но почти все сказанное приложимо ко всей черноземной области. Мы встрѣчаемъ здѣсь почти вездѣ, за исключеніемъ, можетъ быть, заволжскихъ и нѣкоторыхъ южнорусскихъ губерній, зерновое хозяйство въ его наиболѣе рѣзкой и наименѣе раціональной формѣ—трехполья съ воздѣлываніемъ однообразныхъ злаковыхъ хлѣбовъ. Потому и здѣсь расширеніе земледѣльской площади въ крестьянскихъ хозяйствахъ или, все равно, появленіе на рынкѣ зерна изъ далекихъ окраинъ и необходимое послѣдствіе этихъ явленій—пониженіе цѣнъ—вызоветъ крушеніе крестьянскихъ хозяйствъ. Кроме того, нужно помнить, что, хотя по мѣрѣ удаленія отъ центра на востокъ и югъ, мы переходимъ въ области, болѣе слабо населенныя, и потому, казалось бы, здѣсь легче увеличить надѣлы прикупкой земли на мѣстѣ, безъ массовыхъ выселеній,—но въ дѣйствительности и здѣсь для этого встрѣтятся серьезныя затрудненія. Причиной этихъ затрудненій явится величина надѣла: по мѣрѣ удаленія отъ центра урожаи все болѣе понижаются и соразмѣрно этому долженъ повышаться надѣлъ. Такое пониженіе урожайности является именно слѣдствіемъ ухудшенія климатическихъ условий. Въ центральной полосѣ неурожай, подобный неурожаю 1891 года, представляетъ дѣйствительно исключительное явленіе, такъ какъ обыкновенно засухи не бываютъ ни столь продолжительны, ни столь интен-

сивны, какъ въ этомъ году¹⁾. Подвигаясь отъ этой полосы далѣе на востокъ и югъ, мы будемъ переходить постепенно въ области съ болѣе засушливымъ и болѣе непостояннымъ климатомъ. Это обстоятельство является стимуломъ къ увеличенію надѣловъ. Дѣйствительно, необеспеченность урожаевъ при современномъ состояніи земледѣльской культуры, вынуждаетъ имѣть извѣстный просторъ, допускающій, съ одной стороны, увеличеніе запашки, съ другой—нѣкоторое разнообразіе производства, въ видѣ хотя бы дикаго (не культурнаго) скотоводства, такъ какъ обиліе скота составляетъ единственную гарантію противъ періодическихъ голодовокъ. Съ увеличеніемъ же надѣльной нормы и здѣсь, въ виду приведенныхъ соображеній, конечно, окажется затруднительно приобрести необходимое для пополненія надѣловъ количество земли, а огромное расширеніе запашки и посѣва хлѣбовъ, которое вызоветъ увеличеніе надѣловъ, непременно повлечетъ за собою не только здѣсь, но и въ другихъ областяхъ пониженіе цѣнъ зерна и всё тѣ послѣдствія, которыя были указаны выше, т.-е. на первомъ мѣстѣ—крушеніе зерновыхъ крестьянскихъ хозяйствъ средней черноземной полосы.

IV.

Выводъ изъ предъидущаго. Необходимость перехода отъ натурального хозяйства къ мѣновому.

И такъ, ни путемъ покупки земли съ цѣлью уве-

¹⁾ По показаніямъ компетентныхъ лицъ (напр., И. А. Стебута въ статьяхъ о неурожаѣ въ Русск. Вѣд.), неурожай 1891 г. вызванъ былъ ненормальными условіями влажности цѣльныхъ трехъ лѣтъ (съ осени 1889 года).

личенія надѣловъ на мѣстѣ, ни путемъ переселенія избытка земледѣльческаго населенія на окраины государства—мы не рѣшимъ поставленной задачи, т.-е. не достигнемъ существеннаго и прочнаго поднятія благосостоянія нашего крестьянства. Лица, видящія въ этихъ мѣрахъ радикальныя средства для излѣченія нашихъ экономическихъ недуговъ, упускаютъ, именно, изъ виду вліянія рынка. До сихъ поръ еще, по традиціи, повторяется положеніе, что „земледѣлецъ“—и особенно, будто бы, мелкій земледѣлецъ— „не нуждается въ рынкѣ“. На самомъ же дѣлѣ, если и было когда такое время, что *крестьянинъ почти не нуждался въ рынкѣ*, то это было въ то время, когда этотъ крестьянинъ *не былъ мелкимъ земледѣльцемъ*, а имѣлъ возможность занимать довольно обширныя площади земли, которая, къ тому же, не имѣла рыночной цѣны. Въ то время крестьянинъ несъ ничтожныя налоги въ видѣ денежныхъ платежей, а если и исполнялъ, сверхъ того, немалое количество часто весьма тягостныхъ обязательствъ, то это были натуральныя повинности или платежи натурой, т.-е. отъ него требовалась или работа, или известная доля полученнаго имъ въ хозяйствѣ продукта.

Теперь положеніе совершенно иное: всѣ натуральныя повинности переложены въ денежные платежи, да и сборы натурой въ наибольшей части уничтожены и замѣнены денежными. Если такая замѣна подчасъ совершалась и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ ней не было надобности, то все же не въ этихъ ошибкахъ причина переворота, который есть ни что иное, какъ переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному.

У насъ весьма нерѣдко высказываются крайне странныя мнѣнія о причинахъ замѣны натурального хозяйства денежнымъ, особенно, если послушать такъ - называемыхъ народниковъ. „Это“, говорятъ намъ, „тлетворное вліяніе капитализма въ связи съ милитаризмомъ колеблетъ устой народной жизни и вызываетъ развитіе хищническихъ и индивидуалистическихъ инстинктовъ среди самого крестьянства“. Вся суть дѣла, будто бы, въ томъ, что распустили—дали волю, кровопійцѣ-кулаку, который пришелъ, соблазнилъ мужика блескомъ монеты и такимъ образомъ вырвалъ у него хлѣбъ, а потомъ отобралъ у него и монету, соблазнивъ кумачевой рубахой. Выраженныя въ такой, очищенной отъ громкихъ фразъ, формѣ, разсужденія эти, конечно, никого не могли-бы ввести въ заблужденіе. Но и прикрытыя различными восклицаніями—о важности сохранения крестьянскаго землевладѣнія и опасности нарожденія промышленнаго пролетаріата, эти разсужденія находятъ себѣ слушателей только потому, что въ нашемъ обществѣ не существуетъ яснаго представленія ни о причинахъ, вызывающихъ переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному, — особенно въ области земледѣлія въ настоящей исторической моментъ, ни,—въ связи съ этимъ,—сознанія неизбѣжности такого перехода. Это же обстоятельство ведетъ и къ тому, что расширенію площади крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства придается черезъ чуръ большое значеніе, а рядомъ съ этимъ—отрицается значеніе другихъ, совершенно, однако, неизбѣжныхъ мѣръ, безъ помощи которыхъ нельзя достигнуть прочнаго поднятія благосостоянія крестьянства. Возвратимся, поэтому, еще разъ къ во-

просу, котораго мы уже касались выше, говоря о положеніи сибирскихъ крестьянъ, именно: какъ слагается и чѣмъ вызывается переходъ отъ прежняго натурального хозяйства къ хозяйству денежному, мѣновому?

Въ прежнія времена единственной, можно сказать, причиной перехода отъ натурального хозяйства къ мѣновому было сгущеніе населенія въ странѣ или области, — сгущеніе, которое могло произойти въ значительной мѣрѣ только въ мѣстахъ, допускавшихъ разнообразіе занятій и промысловъ. Таковы были, прежде всего, приморскія области и рѣчные долины, гдѣ природныя условія вызывали, кромѣ земледѣлія, еще рыболовство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчали сношенія съ болѣе или менѣе отдаленными странами. Если къ этому присоединялись еще значительныя минеральныя богатства, то являлись всѣ условія, увеличивающія *ѣмкость* страны, ея способность вмѣщать то или другое количество населенія.

Такимъ образомъ, при прежнихъ условіяхъ, имѣвшихъ мѣсто еще лѣтъ 50—60 тому назадъ во всей Европѣ, только страны, снабженныя отъ природы особенными дарами, могли сдѣлаться густонаселенными странами, обнаруживали большую ѣмкость; большинство же странъ и областей, — гдѣ отсутствіе другихъ видовъ труда, рядомъ съ невозможностью отдаленныхъ сношеній, заставляло все населеніе заниматься земледѣліемъ и въ немъ искать главнаго источника средствъ существованія, — оставалось на уровнѣ слабонаселенныхъ. Здѣсь, въ этихъ послѣднихъ странахъ, какъ только населенность переходила за извѣстный, весьма невысокій предѣлъ,

населеніе тотчасъ начинало чувствовать „утѣсненіе“ въ землѣ и „брело врознь“, говоря словами нашихъ лѣтописцевъ. Если мы и теперь не находимъ другого средства поднять благосостояніе нашего крестьянства, какъ содѣйствовать ему разбрѣдаться въ поискахъ новыхъ земель, то это значитъ, что мы признаемъ, что и теперь мы не далеко ушли отъ той стадіи экономического развитія, на которой стояли наши предки въ XIII и XIV вѣкахъ. Такъ-ли это, однако?

Мы только-что сказали, что только тѣ страны могли обладать значительной ѣмкостью, въ которыхъ существовали условія для разнообразныхъ занятій населенія и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладали хорошими путями сообщенія въ видѣ рѣкъ и морей. Дѣйствительно, при отсутствіи послѣдняго условія, не только уменьшалось количество отраслей труда въ данной области, но и сношенія даже относительно близкихъ областей крайне затруднялись, благодаря несовершенству сухопутнаго транспорта. Вслѣдствіе этого разнообразныя занятія должны были скучиваться на возможно-малой площади, что, въ концѣ концовъ, — сводилось къ соединенію чуть не всѣхъ видовъ производства въ предѣлахъ одной семьи или общины. Это именно и было то положеніе, при которомъ существовало натуральное хозяйство, стремившееся удовлетворить всѣ потребности семьи трудомъ членовъ ея. На этой стадіи прогрессъ въ сферѣ экономической жизни совершается крайне медленно; можно почти сказать — является полный застой; развитіе производства требуетъ, съ одной стороны — спеціализаціи самого рабочаго, съ другой — улучшенія орудій производства; здѣсь же ни

то, ни другое совершенно немыслимо, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ требуется расширеніе района сбыта продукта, а необходимое условіе такого расширенія — удобные пути сообщенія — отсутствуетъ. Словомъ, экономическое развитіе задерживалось чрезвычайно сильнымъ врагомъ, долгое время казавшимся почти непобѣдимымъ.

Врагомъ этимъ было пространство вообще и въ частности особенно протяженность суши. И вотъ, этотъ-то врагъ теперь, можно сказать, побѣжденъ. Его побѣдилъ паръ, примѣненный къ передвиженію товаровъ. Въ этомъ смыслѣ введеніе желѣзныхъ (паровыхъ) дорогъ имѣетъ первенствующее значеніе, такъ какъ водный транспортъ и при парусныхъ судахъ лучше удовлетворялъ потребностямъ обмѣна отдаленныхъ странъ, чѣмъ сухопутный (конный) транспортъ по обыкновеннымъ грунтовымъ и шоссейнымъ дорогамъ.

Является, слѣдовательно, вопросъ, возможно-ли сохраненіе натурального хозяйства въ области земледѣлія (мы здѣсь говоримъ пока только о немъ) теперь, т.-е. при условіи той легкости сношеній, которую доставляютъ желѣзныя дороги?

Повторяемъ, поставить этотъ вопросъ вынуждаетъ насъ то непониманіе причинъ крушенія натурального хозяйства, которое еще такъ часто обнаруживается у насъ. Недавно еще напомнилъ объ этомъ въ своей книгѣ г. Николай — онъ ¹⁾. Этотъ авторъ, претендующій представиться читателямъ въ качествѣ послѣдователя Маркса, объясняетъ крушеніе натурального земледѣльческаго хозяйства разви-

¹⁾ Очерки преобразовательнаго общественнаго хозяйства. Спб. 1893.

тіемъ капитализма и, спеціально по отношенію къ Россіи, развитіемъ московскихъ прядильно-ткацкихъ фабрикъ. При этомъ г. Ник. — онъ, опровергая г. Чупрова, утверждаетъ „съ полной увѣренностью“, что „подъ влияніемъ развитія сѣти желѣзныхъ дорогъ фабричное производство, именно въ капиталистической его формѣ, выиграло несравненно больше, нежели земледѣліе“. Такое утвержденіе показываетъ, прежде всего, что авторъ совершенно не понимаетъ значенія условій сбыта продуктовъ для прогресса земледѣльческаго производства, къ которому только и можно отнести цитированное мѣсто изъ книги г. Чупрова (хотя послѣдній говоритъ о „громоздкихъ продуктахъ“ вообще, а не о земледѣльческихъ произведеніяхъ).

Для земледѣльца улучшеніе условій транспорта играетъ ту же роль, какъ и разнообразіе занятій окружающаго его населенія. Послѣднее же обозначаетъ существованіе близкаго рынка для его продуктовъ; а это, вмѣстѣ съ тѣмъ, вынуждаетъ и его, наравнѣ со всѣми другими производителями, переходить отъ производства для удовлетворенія потребностей своей семьи къ производству для рынка. Въ свою очередь, необходимость производить для рынка не просто поощряетъ, но прямо-таки *вынуждаетъ прогрессъ земледѣльческой техники*. Нужно именно помнить, что *натуральное хозяйство* есть всегда *нераціональное земледѣльческое хозяйство*. Натуральное хозяйство никогда не выполняетъ одного изъ важнейшихъ правилъ раціональнаго земледѣлія, которое гласитъ: *производи только тѣ растенія, которыя соответствуютъ мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ*. Это правило не можетъ соблю-

даться натуральнымъ хозяйствомъ, такъ какъ при этомъ съ одной стороны, нѣкоторые продукты получались бы въ излишнемъ, сравнительно съ потребностями хозяйства, количествахъ и, не находя сбыта, служили бы бременемъ для хозяйства, а слѣд., производство ихъ являлось бы бесполезной растратой рабочей силы; съ другой стороны, рядомъ съ этимъ бесполезнымъ избыткомъ, явился бы недостатокъ въ продуктахъ, безусловно необходимыхъ для хозяйства, которыхъ оно, притомъ, при отсутствіи рынка, не можетъ добыть какимъ-либо образомъ извнѣ. Эти-то обстоятельства вынуждаютъ хозяина производить тѣ продукты, которые не соответствуютъ мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ и ограничивать производство такихъ, требованія которыхъ наиболѣе соответствуютъ этимъ условіямъ, иначе говоря—вести нераціональное хозяйство. Примѣровъ такой нераціональности еще много можно указать у насъ. Такъ, на черноземѣ воздѣлывается у насъ гречиха, очень требовательная относительно влаги, въ которой здѣсь почти всегда недостатокъ; воздѣлывается, а еще болѣе воздѣлывался здѣсь въ прежнее (крѣпостное) время, ленъ на волокно, хотя и для него климатъ здѣсь слишкомъ сухъ.

Мы сказали, что натуральное хозяйство исчезало въ прежнія времена почти исключительно подъ давленіемъ сгущенія населенія, которое могло произойти только въ странахъ, географическое положеніе коихъ было довольно исключительно. Важнѣйшее преимущество этого положенія заключалось, именно, въ удобствѣ и легкости сношеній: море и вообще водный путь являлись въ исторіи человѣчества чрезвычайно долгое время единственной, сколько-нибудь сно-

ной дорогой, по которой могли передвигаться болѣе или менѣе значительные грузы. Но это положеніе рѣзко измѣняется съ устройствомъ паровыхъ желѣзныхъ дорогъ. Благодаря имъ, сухопутный транспортъ дѣлается на столько легче и дешевле, сравнительно съ прежнимъ, что во многихъ случаяхъ перетягиваетъ къ себѣ все грузы съ судоходныхъ рѣкъ и только море удерживаетъ еще свое значеніе, если не наиболѣе удобнаго, то все же наиболѣе дешеваго пути для доставки товаровъ.

Но, какъ скоро желѣзныя дороги прорѣзали континенты и доставили возможность удаленнымъ отъ моря и лишеннымъ водныхъ путей континентальнымъ странамъ сбывать избытки производимыхъ ими продуктовъ въ другія страны и получать необходимые имъ предметы, не производимые дома, то и континентальныя страны, независимо даже отъ густоты ихъ населенія, должны перейти отъ натурального хозяйства къ денежному. Этотъ переходъ вызывается тѣмъ, что избытки тѣхъ продуктовъ, производство которыхъ наиболѣе соответствуетъ мѣстнымъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ,—избытки, въ прежнее время не находившіе никакого сбыта, теперь находятъ хотя и отдаленный, но выгодный рынокъ. И наоборотъ: тѣ продукты, производство которыхъ, въ силу несоответствія ихъ требованій мѣстнымъ естественнымъ условіямъ, обходилось прежде дорого и которые, поэтому, производились въ хозяйствѣ только вслѣдствіе невозможности добыть ихъ со стороны, теперь получаютъ несравненно дешевле изъ другихъ странъ, гдѣ производство ихъ болѣе уместно.

Но, кромѣ того, и другія обстоятельства ведутъ

къ необходимости перехода отъ натурального хозяйства къ денежному. Подробнѣе мы надѣемся остановиться на нихъ современемъ; здѣсь же замѣтимъ только, что и въ снабженіи населенія обработанными продуктами происходитъ съ облегченіемъ сношеній—полный переворотъ ¹⁾). При прежнихъ условіяхъ эти обработанные предметы получались, подобно всѣмъ другимъ предметамъ потребления, почти исключительно путемъ производства въ собственномъ хозяйствѣ; во всякомъ же случаѣ, это были произведенія ручного труда, приготовляемыя въ большинствѣ тѣми же земледѣльцами. Словомъ, это были именно произведенія „кустарнаго промысла“, которому населеніе посвящало свободное отъ земледѣльческихъ занятій время. При этомъ и большая часть матеріаловъ, обрабатываемыхъ кустарями, составляла произведенія собственнаго хозяйства земледѣльца. Точнѣе говоря, населеніе довольствовалось произведеніями изъ тѣхъ матеріаловъ, какіе были подъ рукой, за невозможностью добыть другіе: гдѣ культивировалась пенька, носили посконныя рубашки; гдѣ росъ ленъ—холстовыя (полотняныя). (Изъ этихъ матеріаловъ изготовлялось не только бѣлье, но и верхнее платье). Съ развитіемъ сношеній, благодаря улучшенію транспорта, является возможность получать обработанные продукты, составляющіе произведенія фабрикъ, слѣдовательно, машин-

¹⁾ Тѣмъ не менѣе, это явленіе не составляетъ первичнаго факта, являющагося причиной перехода къ денежному хозяйству, какъ думаетъ г. Николай—онъ; оно можетъ быть только послѣдствіемъ возможности сбыта сырья и сокращенія производства матеріаловъ для домашняго приготовленія обработанныхъ продуктовъ, ибо безъ этого не на что было бы покупать фабричныя издѣлія.

ной обработки, часто болѣе совершенной и обыкновенно болѣе дешевой, чѣмъ ручная работа. Въ виду этого, прежде всего, часть произведеній кустарнаго промысла, обмѣнивавшаяся раньше на другія подобныя же произведенія, не находитъ теперь сбыта, и это ведетъ, въ свою очередь, къ уменьшенію заготовки того матеріала, изъ котораго выдѣлывался данный продуктъ. Сверхъ того, часто оказывается, что площадь земли, посвящавшаяся ранѣе на производство матеріала для кустарнаго промысла, теперь выгоднѣе занять подъ культуру растенія, находящаго легкой сбытъ на рынкѣ (напр., распашка овечьихъ выгоновъ для культуры хлѣбовъ); или, наконецъ, самый матеріалъ, обрабатывавшійся кустарями, получаетъ легкой сбытъ на сторону и выгоднѣе оказывается сбывать сырье и покупать готовый продуктъ изъ того же матеріала или изъ подходящаго суррогата; такова причина паденія льноткацкаго производства въ нашихъ льноводныхъ мѣстностяхъ, гдѣ мѣсто льняного полотна въ потребленіи населенія заняли хлопчатобумажныя издѣлія.

Не останавливаясь здѣсь на другихъ причинахъ перехода отъ натурального хозяйства къ денежному, мы полагаемъ, что и сказаннаго достаточно, чтобы имѣть право сдѣлать выводъ, что этотъ переходъ является неизбѣжнымъ результатомъ экономическаго развитія и не можетъ быть остановленъ никакими искусственными мѣрами, сколько бы ни плакали гг. народники о разрушеніи устоевъ народной жизни.

А если это такъ, то естественно спросить: какъ же должна измѣниться техника земледѣлія, чтобы результаты ея соответствовали новымъ условіямъ хозяйства?

V.

Съ переходомъ къ денежному хозяйству земледѣліе должно сдѣлаться рациональнымъ.

Уже изъ сказаннаго выше видно, что развитіе сношеній вызываетъ значительныя перемѣны въ земледѣліи. Мы видѣли, что культура однихъ растений расширяется, культура другихъ, наоборотъ, ограничивается или даже совсѣмъ оставляется. Нерѣдко ликвидируются цѣлыя отрасли хозяйства; такъ, овцеводство или вообще скотоводство сокращается или уничтожается съ цѣлью расширенія производства зерна. Первымъ слѣдствіемъ происходящихъ измѣненій является крайнее однообразіе земледѣльческаго производства. Желая производить только тѣ продукты, которые находятъ наиболѣе легкій сбытъ на рынкѣ, и культивировать только тѣ растенія, которыя доставляютъ наибольшее количество или наиболѣе цѣннаго рыночнаго товара, земледѣлецъ, въ концѣ концовъ, сосредоточиваетъ свое вниманіе на небольшой группѣ растеній, требованія которыхъ, по имѣющимся опытнымъ даннымъ, въ наибольшей степени отвѣчаютъ мѣстнымъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ. Особенно ярко это однообразіе выражается въ странахъ съ рѣзко выраженнымъ континентальнымъ климатомъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и большая часть Россіи и С. А. Соединенныхъ Штатовъ: пшеничныя фермы „запада“ Штатовъ, какъ и многія или даже большинство нашихъ степныхъ хозяйствъ, какъ извѣстно, не малое время производили исключительно пшеницу, да и теперь еще, по крайней мѣрѣ наши хозяйства,

производить нерѣдко исключительно зерно, хотя и не одну только пшеницу.

Такая односторонность земледѣльческаго производства не можетъ, однако, продолжаться долго, ибо является крайне пагубной для хозяйства. Причина этого та, что, не смотря на то, что данныя культуры соответствуютъ среднимъ климатическимъ условіямъ страны, всегда есть возможность неурожая, такъ какъ погода даннаго года отнюдь не совпадаетъ съ средними климатическими условіями мѣста и отклоненія тѣмъ рѣзче, чѣмъ далѣе область отодвинута въ глубь континента. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ однообразнѣе культура, тѣмъ пагубнѣе неурожай, ибо онъ охватываетъ тогда всѣ или слишкомъ значительную часть культуръ и хозяйство лишается почти всего дохода, не только чистаго, но и валового. Но мало этого: отношенія хозяйства къ рынку играютъ здѣсь огромную роль. При натуральномъ или близкомъ къ нему хозяйствѣ, колебаніе урожая не приносило такого вреда, какъ при хозяйствѣ денежномъ и именно въ этотъ переходный періодъ—огромнаго однообразія въ посѣвахъ. Въ періодъ натурального хозяйства, прежде всего, не было и самаго этого однообразія въ такой мѣрѣ, какъ въ это время; а главное, не было сбыта. При отсутствіи сбыта избытки урожайныхъ годовъ сохранялись въ хозяйствѣ и частью служили продовольственнымъ запасомъ, частью поступали въ продажу по высокимъ цѣнамъ, такъ какъ отсутствіе путей сообщенія дѣлало невозможнымъ подвозъ продуктовъ изъ отдаленныхъ областей и вызывало огромное повышеніе цѣнъ въ неурожайные годы. Благодаря высокимъ цѣнамъ, малый урожай продуктовъ, воздѣлываемыхъ на продажу, оказы-

вался нерѣдко выгоднѣе большаго урожая, который почти всегда вызывалъ огромное паденіе цѣнъ.

Съ развитіемъ путей сообщенія условія рѣзко измѣняются: съ одной стороны, избытки урожайныхъ годовъ находятъ сбытъ и часто по весьма выгоднымъ цѣнамъ; но, съ другой стороны, даже въ годы полнаго неурожая въ данной мѣстности, хлѣбъ легко можетъ быть подвезенъ въ какомъ угодно количествѣ даже изъ очень отдаленныхъ областей, и потому цѣна его не поднимается до такой высоты, до какой она достигала прежде въ неурожайные годы, и можетъ стоять даже на низшемъ уровнѣ, чѣмъ въ урожайный годъ. Является, словомъ, *постоянство цѣнъ*, амплитуда колебаній ихъ въ сторону повышенія и пониженія постепенно уменьшается. Казалось бы, такое положеніе вещей вполне желательно, ибо постоянство цѣнъ дѣлаетъ возможнымъ для каждаго предпринимателя съ большею точностью опредѣлить заранее сумму его дохода и расхода. На самомъ дѣлѣ, однако, это постоянство оказывается губельно для земледѣльческихъ хозяйствъ въ тотъ періодъ развитія, который мы здѣсь разсматриваемъ, т. е. въ моментъ перехода отъ натурального хозяйства къ хозяйству мѣновому. Повышеніе цѣны продуктовъ во время неурожая, имѣвшее мѣсто прежде, компенсировало уменьшеніе количества продажнаго продукта и, благодаря этому, денежный доходъ хозяйства въ неурожайные годы не только не падалъ, а часто даже повышался. Когда же цѣны дѣлаются болѣе постоянными и неурожай не сопровождается болѣе или менѣе рѣзкимъ повышеніемъ цѣны, то производитель въ неурожайный годъ несетъ неминуемо убытокъ, ибо вынужденъ продать свой малый урожай

по той же или только немного высшей цѣнѣ, какъ продавалъ большой урожай въ годъ изобилія. Выходитъ, слѣд., что уменьшеніе колебаній въ цѣнахъ продуктовъ ведетъ къ увеличенію колебаній въ доходахъ хозяина.

Такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянство цѣнъ является необходимымъ слѣдствіемъ улучшенія транспортныхъ условій и устранить этотъ факторъ хозяинъ не въ силахъ, то ему остается только приспособить свое хозяйство такимъ образомъ, чтобы это обстоятельство, по возможности, меньше вредило ему и, если возможно, даже обратилось на пользу хозяйства. И это оказывается дѣйствительно возможно. Доходъ его зависитъ, вѣдь, отъ двухъ факторовъ: съ одной стороны—отъ цѣны продукта, съ другой—отъ количества его. Если, слѣд., цѣна продукта становится постоянной, то нужно постараться, чтобы и количество его колебалось возможно мало изъ года въ годъ. Хотя достигнуть полной равномерности урожая въ мы пока еще не умѣемъ, однако, все же возможно сдѣлать колебанія ихъ несравненно меньшими, чѣмъ тѣ, какія имѣютъ мѣсто при первобытныхъ приѣмахъ культуры, которые практикуются въ натуральномъ хозяйствѣ. Но, кромѣ того, задача, вѣдь, состоитъ собственно въ томъ, чтобы сумма ежегоднаго дохода колебалась изъ года въ годъ возможно менѣе, при чемъ совершенно безразлично для хозяина, будетъ-ли эта цѣль достигнута уравненіемъ урожая въ или иными какими-либо мѣрами. Такое постоянство доходовъ оказывается уже гораздо легче достижимо, и, что особенно важно, мѣры, которыя нужно примѣнить для этого, не только не препятствуютъ достиженію воз-

можно большаго постоянства урожаевъ, но, наоборотъ, облегчаютъ эту послѣднюю задачу, можно даже сказать, что обѣ цѣли — постоянство урожаевъ и постоянство доходовъ — достигаются при помощи однихъ и тѣхъ же приемовъ.

Эти приемы можно характеризовать общимъ именемъ — измѣненія земледѣльской техники. По скольку дѣло идетъ объ увеличеніи постоянства урожаевъ, измѣненіе состоитъ, главнымъ образомъ, въ измѣненіи культурныхъ приемовъ въ узкомъ смыслѣ, т.-е. въ улучшеніи обработки, удобрения и ухода за растеніями; но, по скольку имѣется въ виду достигнуть равномерности въ доходахъ, однихъ указанныхъ мѣръ недостаточно: *необходимо еще увеличеніе разнообразія въ производимыхъ продуктахъ*. Какъ было сказано, именно въ этотъ переходный періодъ однообразіе производства достигаетъ своего максимума. Но однообразіе требованій, предъявляемыхъ растеніями къ почвѣ и особенно къ климату (погодѣ), ведетъ къ тому, что производство дѣлается крайне рискованнымъ: земледѣліе теряетъ характеръ разумнаго, организованнаго хозяйственнаго предпріятія и обращается въ какую-то азартную игру, могущую въ благоприятный годъ внезапно обогатить хозяина, а въ неблагоприятный разорить. Чтобы устранить этотъ элементъ азарта и достигнуть большаго постоянства дохода, необходимо, какъ сказано, увеличить разнообразіе воздѣлываемыхъ растеній и улучшить приемы воздѣлыванія почвы.

На первый взглядъ можетъ показаться, что введеніе въ культуру новыхъ растеній противорѣчитъ выставленному выше требованію рачительности въ земледѣліи. Однако, такое заключеніе будетъ вѣрно

только въ томъ случаѣ, если вновь вводимыя растенія менѣе или вообще мало соотвѣтствуютъ мѣстнымъ естественнымъ условіямъ по требованіямъ, предъявляемымъ ими къ почвѣ и климату. На самомъ же дѣлѣ можетъ быть даже обратное, т.-е. новыя растенія лучше мирятся съ условіями климата и почвы, чѣмъ тѣ растенія, на которыхъ сосредоточилъ хозяинъ свое исключительное вниманіе въ періодъ наибольшаго однообразія въ культурѣ. Нужно, именно, помнить, что періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, слѣдуетъ непосредственно за періодомъ натурального хозяйства, во время котораго всегда и вездѣ воздѣлывается ограниченное количество растеній, во-1-хъ, по невѣжеству населенія; во-2-хъ, потому, что производство имѣетъ цѣлью непосредственное удовлетвореніе потребностей производителя и сбытъ на сторону играетъ незначительную роль и, въ-3-хъ, наконецъ, и потому, что многія растенія или вообще продукты, которые земледѣлецъ могъ бы и сѣмѣль бы произвести, не производятся въ виду невозможности сбыть ихъ.

Вотъ почему всегда возможно введеніе въ культуру новыхъ растеній при соблюденіи вышеприведеннаго правила рачительности. Но, кромѣ того, уже самый фактъ господства въ теченіи нѣкотораго времени однообразныхъ культуръ въ извѣстной мѣрѣ содѣйствовалъ измѣненію естественныхъ условій страны: почва истощилась, потому требуется усиленное удобреніе; поля заросли сорными травами, которыя могутъ быть легче всего уничтожены введеніемъ въ культуру такъ-называемыхъ очищающихъ почву растеній; естественные луга вполне или отчасти обращены въ пашни, потому условія содержанія скота

ухудшились; наконецъ, и климатъ могъ отчасти измѣниться подъ вліяніемъ неумѣренной вырубкѣ лѣсовъ и распашки береговъ овраговъ, что содѣйствуетъ скорѣйшему стоку водъ и, слѣд., большей сухости климата.

Но даже и введеніе въ культуру такихъ растений, которыя менѣе отвѣчаютъ почвѣ и климату области, чѣмъ культивированныя ранѣе, можетъ оказаться не только не противорѣчающимъ требованіямъ рациональности, но, наоборотъ, прямо вызываться этими требованіями. Дѣло въ томъ, что вышеприведенное требованіе *технической рациональности* должно уступать требованіямъ *рациональности экономической*. Это значитъ: можно и должно культивировать такія растения, которыя хорошо мирятся съ условіями почвы и климата данной страны, но только *до тѣхъ поръ и въ томъ размѣрѣ*, пока и по скольку это выгодно. Поэтому, земледѣлецъ хозяйничалъ экономически рационально, когда онъ, при затруднительности транспорта, производилъ, прежде всего, все необходимое для удовлетворенія собственныхъ потребностей; на рынокъ же доставлялъ только такіе продукты, которые, благодаря ихъ высокой цѣнѣ и другимъ качествамъ, способны были оплатить дорогой и неудобный транспортъ. Точно также экономически рационально поступитъ онъ, когда, съ улучшеніемъ условій сношенія и переходомъ къ денежному хозяйству, введетъ въ культуру растения, хотя и не вполне отвѣчающія естественнымъ условіямъ его хозяйства, но дающія продуктъ, находящій себѣ при новыхъ условіяхъ обезпеченный сбытъ, и уравнивающія его доходъ въ различные годы. Словомъ, даже и при этомъ (какъ сказано,

совершенно невѣроятномъ) условіи, — необходимости введенія не вполне соответствующихъ природнымъ условіямъ страны растений, — все же метаморфозъ, который долженъ совершиться въ земледѣліи, слѣдуетъ назвать переходомъ къ болѣе рациональному хозяйству.

Хозяйства нашей черноземной полосы, а особенно хозяйства крестьянскія, находятся именно въ томъ періодѣ, когда однообразіе культуръ достигло крайняго предѣла и когда переходъ къ болѣе рациональному земледѣлію со введеніемъ въ культуру новыхъ растений или перенесеніемъ культуры другихъ съ огородовъ на поля, — слѣдался неизбеженъ.

VI.

Какое измѣненіе въ экономическомъ положеніи крестьянъ вызоветъ переходъ къ плодосмѣнному сѣвообороту?

Такимъ образомъ, въ культуру должно быть введено разнообразіе, а, кромѣ того, обработка и удобреніе должны слѣдаться болѣе тщательными. Это и достигается введеніемъ такъ-называемаго плодосмѣннаго сѣвооборота, т.-е. такого чередованія полевыхъ растений, при которомъ однообразныя растенія (напр., злаковые хлѣба) никогда или почти никогда не слѣдуютъ непосредственно другъ за другомъ, а чередуются съ растеніями другихъ типовъ и семействъ, предъявляющими иныя требованія и нѣкоторымъ образомъ подготовляющими почву къ принятію злаковыхъ растений. Таковы именно кормовыя травы, особенно изъ семейства бобовыхъ

(клеверъ, люцерна, вика и т. п.) и корнеплоды (свекла, морковь) или клубненосныя растенія (картофель).

Чтобы выразить болѣе конкретно, какое вліяніе на доходность окажетъ измѣненіе культуры, попробуемъ сосчитать, что могъ бы получить владѣлецъ участка въ шесть десятинъ при болѣе рациональномъ сѣвооборотѣ, чѣмъ обыкновенное трехполье.

Предположимъ возможно простой, напр., слѣдующій шестипольный сѣвооборотъ: 1) паръ, 2) озимь, 3) картофель, 4) овесъ съ клеверомъ, 5) клеверъ, 6) озимь. Допустимъ, что и здѣсь, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ, пашня занимаетъ только 80% площади владѣнія, хотя, имѣя въ посѣвѣ клеверъ и картофель, можно бы значительно сократить площадь подъ лугомъ и выгономъ, присоединивъ соответствующую часть къ полямъ (пашнѣ). Допустимъ далѣе, что паръ нашъ удобряется и, благодаря этому, урожай ржи послѣ пара повышается до 60 пудовъ по расчету на десятину, вмѣсто прежнихъ 48 пудовъ; пусть, затѣмъ, урожай на участкѣ послѣ клевера останется на той же высотѣ, какъ при трехпольѣ (48 пуд. съ дес.), хотя и здѣсь правильнѣе было бы допустить нѣкоторое повышеніе урожая, благодаря вліянію корневыхъ остатковъ клевера и чистоты почвы отъ сорныхъ травъ. Предполагая такіе урожаи, мы, очевидно, скорѣе уменьшаемъ, чѣмъ преувеличиваемъ вліяніе удобрения, такъ какъ имѣются свидѣтельства, указывающія, что навозъ и на черноземѣ производитъ несравненно болѣе сильное дѣйствіе. Примемъ затѣмъ, что картофель даетъ 60 четвертей=600 пудовъ съ десятины, что тоже немного; овесъ дастъ теперь уже

не 40, а 60 пудовъ съ десятины; наконецъ, клевера получится не менѣе 160 пудовъ съ десятины. Тогда нашъ хозяинъ будетъ имѣть: ржи съ удобренныхъ 0,8 дес.—48 пуд., съ неудобренныхъ 0,8 дес. (послѣ клевера)—болѣе 38 пуд., а всего—86 пуд.; овса съ 0,8 дес.—48 пуд. картофеля—480 пуд., клевера—128 пуд., и (согласно прежнему предположенію) 80 пуд. сѣна съ луга. При семьѣ въ 6 человекъ (3 взрослыхъ и 3 дѣтей) на прокормленіе для взрослыхъ по прежней нормѣ нужно 50 пуд. и, за отчисленіемъ на посѣвъ около 13 пуд., останется на дѣтей 23 пуда, т.-е. количество, достаточное даже въ томъ случаѣ, если дѣти находятся въ возрастѣ подростковъ 10—15 лѣтъ. Но затѣмъ, имѣется еще 480 пудовъ картофеля, изъ которыхъ 80 пойдутъ на посѣвъ, а 400 пуд. остается на потребленіе и на продажу. Для нашей семьи, имѣющей, къ тому же, еще огородъ, достаточно на потребленіе оставить 10 четвертей (100 пуд.) картофеля; но мы оставимъ для хозяйства 200 пуд. и предположимъ, что только 200 пуд.=20 четвертей продаются по 1 руб., за четверть. Овса получилось, правда, нѣсколько менѣе, чѣмъ прежде: всего, за отчисленіемъ 8 пудовъ на посѣвъ, 40 пудовъ. Слѣдовательно, если бы мы поступили такъ, какъ поступали ранѣе, т.-е. оставили на кормъ лошади 15 пуд., то 25 поступило бы въ продажу. Здѣсь, однако, можно будетъ совсѣмъ избѣгнуть продажи овса, какъ мы сейчасъ увидимъ. Счетъ кормовъ даетъ: сѣна клевернаго—128 п. и лугового—80 п., а всего—208 пуд.; соломы яровой—около 80 пуд., ржаной—около 200 пуд. Если предположить, что лошадь кормится круглый годъ сѣномъ, по 10 фунтовъ въ день, то и тогда останется на другой

скотъ около 120 п. ($208 - 90 = 118$), а это такое количество, которымъ можно прокормить уже одну очень хорошую корову—пудовъ 20 вѣса, такъ какъ на зиму (200 дней) ей нужно (по 20 ф. въ день)—всего 100 пуд. сѣна, замѣняя часть сѣна овсяной соломой (2 пуда соломы за 1 пудъ сѣна), скормимъ только 60 пуд. и будемъ имѣть еще остатокъ въ 60 пуд. сѣна и 200 пуд. ржаной соломы, что вполне достаточно на содержаніе 5 овецъ, особенно имѣя возможность сдобрить кормъ избыткомъ зерна (овса). Содержимая при этихъ условіяхъ крупная корова дастъ не менѣе 80 ведеръ молока, изъ котораго можно получить 2 пуда масла—на 16 рублей. Затѣмъ, избытокъ картофеля вмѣстѣ съ пахтаньемъ и частью зерна и отрубей дастъ возможность откормить 2 свиньи, изъ которыхъ одна пойдетъ на сало для собственнаго хозяйства, а другая на продажу. Кладя ее по низшей цѣнѣ, 3 руб. пудъ, при 5 пуд. вѣса получимъ 15 руб. И такъ, и теперь уже мы имѣемъ доходъ въ 51 р., не продавая совсѣмъ зерна. Кунить придется по прежнему расчету 6 пуд. каши по 1 р.—на 6 руб., и еще 5 руб. необходимо затратить на сѣмена клевера; остается 40 рублей, которыми, конечно, можно уже уплатить подати (примѣрно, 25 руб.) и кое-что сдѣлать для хозяйства, тѣмъ болѣе, что, кромѣ сала и мяса отъ барановъ (и свиней), будемъ имѣть еще шерсть и шкуры, теленка и возможный приплодъ свиней и овецъ. Весь скотъ (за исключеніемъ лошади) лѣтомъ долженъ быть на выгонѣ и съ этой стороны будетъ немного стѣсненъ (хотя и будетъ пользоваться такими угодьями, какъ никогда при трехпольѣ); съ весны, до заказа луговъ, пришлось бы пасти на лугахъ; затѣмъ, по пару до подъема его

послѣ снятія сѣна съ луговъ и клевернаго участка; затѣмъ, нѣкоторое время на скошенномъ клеверѣ и опять на лугу; и наконецъ, по снятіи ярового, на овсяномъ жнивьѣ съ молодымъ клеверомъ—отличный кормъ. Но можно и избѣжать пастбы по пару: стоитъ только отдѣлать нѣкоторое количество луга подъ постоянный выгонъ; это, конечно, нѣсколько уменьшить сборъ сѣна, но, принимая во вниманіе, что такимъ образомъ дава будетъ возможность совсѣмъ не травить съ весны остальной лугъ, убытокъ будетъ не великъ и вполне покроется доходомъ отъ болѣе равномернаго кормленія скота.

Итакъ, взявши вездѣ минимальные урожаи, мы приходимъ къ выводу, что владѣлецъ шести десятинъ при нашемъ сѣвооборотѣ можетъ быть настоящимъ хозяиномъ и почти не нуждаться въ постоянномъ заработкѣ, а по скольку онъ будетъ имѣть его, онъ можетъ вводить улучшения въ свое хозяйство и сдѣлать нѣкоторый запасъ про черный день—неурожая.

Но сверхъ того, и самый неурожай не могъ бы принять такой рѣзкой формы, какую онъ имѣетъ теперь. Такъ, И. А. Стебутъ свидѣтельствуетъ (№ 335 „Русск. Вѣдом.“ 1891 г. „По поводу неурожая текущаго года“), что онъ получилъ въ мѣстности, наиболѣе пострадавшей отъ засухи въ голодный (1891) годъ (Ефремовскій уѣздъ, Тульской губерніи) съ десятины: 41 пудъ ржи, 75 пуд. овса и 51 четверть картофеля, при чемъ ранніе сорта послѣдняго дали до 75 четвертей, а только поздніе—46 четвертей. Это значитъ: при такомъ хозяйствѣ запасъ овса въ нынѣшнемъ году былъ бы не ниже принятаго нами для средняго года; ржи же получилось бы (считая

круглымъ числомъ 40 п. съ десятины) 64 п., т.-е. ровно столько, сколько при трехпольѣ оставалось въ хорошій средній годъ за отчисленіемъ сѣмянъ. Сборъ же картофеля, хотя немного упалъ противъ принятаго нами для шестипольнаго сѣвооборота, но, все же, составить чистый барышъ противъ трехполья въ нормальный годъ; а такъ какъ, сверхъ того, въ 1891-мъ году цѣна картофеля была въ среднихъ губерніяхъ не 1 руб., а 2 руб. и выше за четверть, то денежная выручка, въ концѣ концовъ, почти не уменьшилась бы ¹⁾. По всей вѣроятности, можно было бы даже удержать почти весь скотъ, хотя, конечно, кормиться ему пришлось бы скудиѣе. Во всякомъ же случаѣ здѣсь еще не могло бы быть и рѣчи о голодѣ и самое большее потребовалось бы, можетъ быть, отсрочить взносъ государственныхъ податей, а никакъ не напрягать всѣ силы государства, чтобы сохранить жизнь 20 милліоновъ населенія и не дать этому населенію распродать за безцѣнокъ или поѣсть весь свой скотъ, въ виду невозможности прокормить его. Массовая выпродажа скота не могла бы имѣть мѣста при условіи посѣва кормовыхъ травъ уже потому, что (по даннымъ Департамента Земледѣлія) эти травы дали въ 1891 году средній урожай сѣна часто вдвое и втрое превышающій урожай суходольныхъ и степныхъ луговъ въ центральномъ районѣ (относительно восточнаго имѣется слишкомъ мало данных): въ Воронежской

¹⁾ Получивъ 48 четвертей съ десятины или 38 четвертей съ своего участка и оставивъ на сѣмена 8 четвертей, крестьянинъ могъ бы продать 10 четвертей и получить тѣ же 20 рублей, что и прежде, и для хозяйства осталось бы все же 20 четвертей, т.-е. прежнее количество.

губерніи, напр., 50 пуд. съ десятины—противъ 25 на суходольныхъ и 10 пудовъ на степныхъ лугахъ; въ Орловской—130 пуд. и въ Курской—105 пуд. противъ 40 на суходольныхъ въ обоихъ случаяхъ; кромѣ того, соответственно болѣе высокому урожаю зерна, сравнительно съ трехпольемъ, и урожаемъ соломы былъ бы обильнѣе, чѣмъ теперь. Не мѣшаетъ, можетъ быть, прибавить еще къ сказанному о хозяйствѣ при 6-польѣ, что навоза будетъ вполне достаточно для удобренія полей. У насъ на этотъ счетъ высказываются часто крайне странныя мнѣнія и приводятся удивительные расчеты. Такъ, воронежскій статистикъ, г. Щербина, вычисливъ, что въ Воронежскомъ уѣздѣ приходится по $\frac{1}{2}$ головы крупнаго скота на 1 десятину пашни, заключаетъ, что у крестьянъ скота въ 12 разъ менѣе, чѣмъ требуется для правильного удобренія, ибо для этого, дескать, нужно бы „не менѣе 6 головъ крупнаго скота на 1 десятину пашни“. Къ довершенію комизма, въ выноскѣ приводятся цифры скота въ Англии и другихъ странахъ (по Янсону), изъ коихъ оказывается, что и въ Англии на 1 десятину пашни приходится только 2,27 головъ, т.-е. по расчету г. Щербины, и здѣсь втрое менѣе скота, чѣмъ нужно для удобренія полей. Почтенный статистикъ смѣшалъ то, что говорится иногда о числѣ головъ скота на 1 десятину пашни и отнесъ эту цифру къ десятинѣ пашни, т.-е. въ данномъ случаѣ, при трехпольѣ, прямо утроилъ потребность въ навозѣ имѣеть еще нѣкоторое значеніе для нечерноземныхъ мѣстностей, но ровно никакого для черноземовъ, не говоря уже о томъ, что самое исчисленіе въ головахъ скота слишкомъ грубо: ко-

рова въ 10 пудовъ вѣса, конечно, не равна коровѣ въ 20 пудовъ, ибо и корма послѣдняя сѣдаетъ больше и соответственно больше произведетъ и навоза. О потребности въ навозѣ на черноземѣ мы имѣемъ компетентное свидѣтельство И. А. Стебута, который говоритъ ¹⁾: „Черноземныя почвы средней полосы Россіи могутъ производить средній въ десятилѣтней сложности урожай ржи въ 10 четвертей съ десятины, если, при тщательной обработкѣ, удобряются каждыя 10—12 лѣтъ хлѣвнымъ навозомъ въ среднемъ количествѣ 2.400 пудовъ на десятину“. Мы думаемъ, — съ чѣмъ, вѣроятно, согласится и И. А. Стебуть, — что будетъ если не лучше, то и не хуже, если вмѣсто внесенія заразъ 2400 пуд. навоза и повторенія удобренія только черезъ 10—12 лѣтъ, вносить 1.000—1.200 пудовъ каждыя 5—6 лѣтъ. Въ нашемъ случаѣ скармливается зимой до 500 пуд. сухого корма (сѣна и соломы) и сверхъ того 40 пудовъ зерна и около 100 пуд. картофеля, потому получится одного зимняго навоза не менѣе 1.000—1.200 пудовъ, да еще нѣкоторое количество отъ настѣбнаго корма, т.-е. во всякомъ случаѣ достаточно, чтобы удобрить 0,8 десятины парового поля, и если при этомъ не получится 10 четвертей въ среднемъ, то ужъ, конечно, получится $7\frac{1}{2}$ четв. посредственнаго зерна (вѣсомъ 8 пуд. четверть), какъ мы предположили. Слѣдуетъ прибавить, что И. А. Стебуть считаетъ что при этомъ клеверъ совсѣмъ не сѣется ²⁾, а, ме-

¹⁾ Статьи о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Москва. 1883 г. стр. 294.

²⁾ Тщательная обработка, на которую указываетъ И. А. въ приведенной выпискѣ, также не представляетъ ничего трудно достижимаго, ибо подъ ней разумѣется только плужная, не особенно

жду тѣмъ, посѣвъ клевера замѣняетъ отчасти удобреніе, производя такъ-называемое обогащеніе, по Пабсту равное 480—660 пудовъ навоза на десятину (Людоговскій, стр. 333); значить, тѣмъ паче, удобренія у насъ будетъ достаточно, хотя бы часть навоза и употреблялась на топливо (въ видѣ кизяковъ).

Итакъ, хозяйство при 6 поляхъ и предположенномъ сѣвооборотѣ ¹⁾ было бы несравненно выгоднѣе трехполья во всѣхъ отношеніяхъ. При этомъ владѣлецъ такого малаго участка, почти не отчуждалъ бы изъ хозяйства зерна, развѣ что урожай будутъ значительно выше предположенныхъ нами. Главными же продуктами, доставляемыми имъ на рынокъ, будутъ, во всякомъ случаѣ, картофель, а можетъ быть, и другіе корнеплоды (какъ свекла), и затѣмъ, продукты скотоводства: масло, мясо свиное и баранье или живыя животныя. — Это обстоятельство весьма важно: *только при такомъ измѣненіи хозяйства средней полосы, открытіе доступа на русскій рынокъ продуктамъ сибирскаго земледѣлія и увеличеніе распахки въ восточной полосѣ Россіи не поведетъ за собою крушенія среднерусскихъ хозяйствъ.* Если крестьянинъ этой полосы не будетъ продавать совсѣмъ зерна или, во всякомъ случаѣ, можетъ добыть

глубокая (до 4 вершк.) пахота, какъ въ вѣднѣи И. А., который, впрочемъ, получаетъ урожай выше 10 четвертей въ среднемъ.

¹⁾ Сѣвооборотъ вовсе не идеальномъ, ибо онъ могъ бы быть значительно улучшенъ, напр., введеніемъ 7-го клина (взаимнѣ луга) и оставленіемъ $\frac{1}{2}$ клевернаго поля на 2-й годъ для выгона, съ посѣвомъ затѣмъ хотя бы преса или яровой пшеницы; на другой половинѣ, по клеверу, сѣлась бы рожь, а затѣмъ овесъ. Такое измѣненіе возможно, потому что урожай будутъ, вѣроятно, выше предположенныхъ нами.

себѣ необходимы ему деньги помимо такой продажи, то ему, конечно, мало дѣла до того, какую цѣну имѣть зерно на рынкѣ. Теперь, производя исключительно зерно, онъ только продажей этого зерна и можетъ добыть столько денегъ, сколько онъ непременно долженъ заплатить въ видѣ податей и налоговъ, и потому каждое пониженіе цѣны заставляетъ его отчуждать изъ хозяйства пропорціонально большее количество зерна, часто даже въ ущербъ собственному питанію ¹⁾. Когда же главнымъ источникомъ полученія денегъ едѣлается для него продажа продуктовъ скотоводства и заводскихъ матеріаловъ, то онъ, даже имѣя излишекъ зерна, не продастъ его, когда цѣны будутъ стоять очень низко, а сбережетъ. Если мы припомнимъ, что рожь въ средней Россіи, наприм. въ Ельцѣ (по Вѣстн. Финанс.), вплоть до обнаруженія неурожая 1891 года (въ іюнѣ мѣсяцѣ) продавалась не дороже 60 коп. пудъ, а въ декабрѣ уже по 1 руб. 20 к.—1 р. 40 к. пудъ, то мы поймемъ, какое огромное значеніе имѣетъ указываемое измѣненіе въ системѣ хозяйства. Очевидно, всѣ тѣ избытки, которые крестьяне продали въ предшествовавшій голоду годъ и которые, къ слову сказать, своей массой, какъ говорится, давили рынокъ и понижали цѣну хлѣба,—всѣ эти избытки остались бы въ крестьянскихъ амбарахъ и могли спа-

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что расчеты г. Голубева въ цитированной выше статьѣ, показывающіе, будто весь поступающій на рынокъ хлѣбъ составляетъ продуктъ крупныхъ хозяйствъ, основаны на недоразумѣніи: авторъ отождествляетъ производство крупныхъ хозяйствъ съ урожаемъ на владѣльческихъ земляхъ, забывая, что значительная часть этихъ земель находится въ арендѣ (денежной или исполнительной) у крестьянъ.

сти крестьянъ отъ необходимости покупать обратно за двойную и тройную цѣну свой же хлѣбъ. Никакими элеваторами, ни сельскими или волостными хлѣбозапасными магазинами, ни собираніемъ земскихъ и государственныхъ податей зерномъ (что кстати сказать, само по себѣ, наравнѣ съ страхованіемъ урожаяевъ, едва-ли выполнимо), ни иными, болѣе или менѣе фантастическими мѣрами, рекомендуемыми теперь съ разныхъ сторонъ, нельзя въ такой высокой степени гарантировать населеніе отъ повторенія голодовокъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, достигнуть большей равномерности цѣны, какъ такимъ переходомъ къ болѣе рациональному хозяйству.

VII.

Нѣчто объ интенсивности.

Прогрессъ частновладѣльческихъ хозяйствъ.

Если, какъ мы показали, проектированная нами новая форма хозяйства способна обезпечить въ достаточной мѣрѣ семью въ 6 человекъ при наличности всего 6 десятинъ во всѣхъ видахъ угодій, то, само собою разумѣется, это или подобное хозяйство, тѣмъ паче, можетъ дать обезпеченіе при большемъ надѣлѣ. А между тѣмъ, въ центральной черноземной полосѣ имѣется немало такихъ крестьянскихъ хозяйствъ: по статистикѣ поземельной собственности въ этой полосѣ 1.322 тыс. ревизскихъ душъ получили надѣлы 4—6 и болѣе десятинъ на душу. Конечно, статистика указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что это именно населеніе наиболѣе сильно плодилось, по крайней мѣрѣ за первыя 20 лѣтъ послѣ ревизіи,

(это значитъ, кстати сказать, на нашемъ крестьянствѣ оправдалось положеніе Мальтуса, что размноженіе останавливается только недостаткомъ пищи). Но, какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что это населеніе и теперь еще имѣетъ на каждыя 2 наличныя мужскія души (взрослыхъ, дѣтей и стариковъ безразлично) не менѣе 6 десятинъ, а часто и болѣе; и, слѣд., семья въ 6 душъ, а для большихъ надѣловъ въ 7—8 душъ, свободно могла бы существовать при условіи перехода къ плодосѣвному сѣвообороту и не только не голодать, а даже имѣть нѣкоторые запасы. Все это вѣрно, говорятъ намъ, но предполагаемая такимъ сѣвооборотомъ высота интенсивности не соответствуетъ нашимъ условіямъ.

Это утвержденіе повторялось и повторяется чрезвычайно часто, обставляется иногда даже quasi-научными доводами, представляя, однако, плодъ чистаго недоразумѣнія. Дѣйствительно, во многихъ учебникахъ сельскохозяйственной экономіи, а также въ такихъ сочиненіяхъ, какъ у Ропера (наука о народномъ хозяйствѣ) можно найти положеніе, что всякой ступени общественнаго развитія, выражающейся, главнымъ образомъ, въ густотѣ населенія, соответствуетъ извѣстная степень интенсивности хозяйства. Положеніе это, однако, и никогда не было вполнѣ вѣрно, а при современныхъ условіяхъ и совсѣмъ уже не имѣетъ никакого значенія. Оно не было вѣрно, потому что, опредѣляя интенсивность земледѣлія суммой прилагаемаго на единицу площади капитала¹⁾, не различали основного капи-

¹⁾ Самый терминъ «интенсивность» опредѣлялся, впрочемъ, разными авторами чрезвычайно различно.

тала отъ оборотнаго и утверждали, что всякое повышение интенсивности ведетъ къ повышенію стоимости производства продукта. Между тѣмъ, очевидно, затрата основнаго капитала, который долженъ возвратиться въ продуктахъ во много лѣтъ, можетъ въ гораздо меньшей мѣрѣ вліять на стоимость производства, чѣмъ затрата капитала оборотнаго, который долженъ быть возвращенъ въ цѣнѣ продукта даннаго года. Затѣмъ, упускалось изъ виду различное значеніе интенсивности и формы приложенія капитала для хозяйствъ различной величины, хотя и говорилось при этомъ (обыкновенно въ другихъ мѣстахъ того же сочиненія), что въ мелкихъ хозяйствахъ увеличеніе интенсивности можетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, идти далѣе, чѣмъ въ крупныхъ хозяйствахъ. Въ дѣйствительности, для мелкихъ хозяйствъ, крестьянскихъ, удобнѣе увеличивать интенсивность усиленнымъ приложеніемъ живого труда, такъ какъ рабочая сила хозяина, не будучи использована въ данный моментъ, пропадаетъ безплодно.

Наконецъ, для современныхъ условій, разбираемое положеніе потеряло въ значительной степени свое значеніе еще и по слѣдующимъ причинамъ. При дурныхъ путяхъ сообщенія хозяинъ долженъ былъ работать, главнымъ образомъ, для мѣстнаго рынка; избытки, сверхъ потребностей этого рынка, не находили сбыта. Поэтому, если онъ произвелъ эти избытки помощью усиленнаго приложенія капитала (увеличенія интенсивности), то затрата эта часто не окупалась. Теперь, при условіяхъ легкости сношеній, даваемой развитіемъ путей сообщенія, избытки всегда, можно сказать, найдутъ сбытъ, лишь

бы продуктъ былъ дешевле. Дешевизна же продукта обусловливается, на первомъ мѣстѣ, рациональностью производства, т.-е. соотвѣтствіемъ его мѣстнымъ условіямъ, главнымъ образомъ, климату ¹⁾.

Въ виду этихъ соображеній, мы и считаемъ, что указаніе на интенсивность не имѣетъ значенія. Переходимъ, поэтому, къ другимъ возраженіямъ.

Еще въ 1881 году Кавелинъ писалъ: „Говорятъ, земледѣліе находится у крестьянъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Это справедливо. Но развѣ у однихъ крестьянъ? За рѣдкими исключеніями, оно тащется въ заржавѣлой рутинной колеѣ также въ помѣщичьихъ и купеческихъ хозяйствахъ, у арендаторовъ и съемщиковъ“. „Почему же на крестьянъ преимущественно указывается, какъ на небрежныхъ и нерадивыхъ хозяевъ? Они ведутъ свои хозяйства, правда, не лучше, но зато и не хуже огромнаго большинства крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ“. Съ другой стороны, извѣстный А. Н. Энгельгардтъ ²⁾ также объясняетъ крестьянъ отъ обвиненія въ рутинности: рассказавъ о покупкѣ земли крестьянами одной изъ близкихъ къ его имѣнію деревонъ, онъ указываетъ, что крестьяне стали послѣ того трюить паръ и прибавляетъ: „Вотъ и смотрите, толкуйте о косности мужика. Нѣтъ, въ хозяйственномъ дѣлѣ онъ не такъ косенъ, какъ это кажется на первый взглядъ. Когда увидитъ дѣло и *найдетъ возможность* его примѣнить—примѣнить“.

Послѣдній авторъ, однако, частью самъ себя

¹⁾ Подробнѣе эти положенія развиты въ моей книгѣ: «Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство».

²⁾ «Изъ деревни». Вѣст. Европы, 1887. т. 3.

опровергаетъ: говоря все о той же покупкѣ, онъ приходитъ къ выводу, что крестьяне теперь, съ увеличеніемъ площади владѣнія, могли бы ввести, примѣрно, такой сѣвооборотъ, какой практикуется въ имѣніи автора уже въ теченіи многихъ лѣтъ (съ посѣвомъ клевера и льна) и приносятъ весьма хорошіе результаты (въ теченіи 12 — 13 лѣтъ урожай ржи болѣе чѣмъ удвоился). „Однако, я сомнѣваюсь,—прибавляетъ онъ,—чтобы крестьяне ввели травосѣяніе,—по крайней мѣрѣ, не думаю, чтобы они это тотчасъ сдѣлали: слишкомъ большая ломка въ крестьянскомъ хозяйствѣ“. Авторъ, правда, ошибся въ своемъ предположеніи, потому что уже годъ спустя онъ сообщилъ, что крестьяне, о которыхъ шла рѣчь, стали сѣять клеверъ ¹⁾ и намѣревались дѣйствительно ввести такой сѣвооборотъ, какъ у него. Но дѣлать изъ этого выводъ, что „общинное землевладѣніе не препятствуетъ очень значительнымъ улучшеніямъ хозяйства“, едва-ли правильно. Къ этому мы возвратимся ниже, а теперь остановимся сначала на указаніи Кавелина, будто крестьянскія хозяйства ведутся не хуже помѣщичьихъ. Это утвержденіе было невѣрно уже въ то время, когда онъ его высказалъ (въ 1881. г.) и еще менѣе вѣрно теперь. Г. Распониинъ ²⁾ собралъ разсѣянные въ земскихъ статистическихъ сборникахъ данныя о частновладѣльческихъ хозяйствахъ по 1886 г. включительно и пришелъ къ выводу, что (наилучшимъ образомъ ведутся наиболѣе крупныя хозяйства и хуже всего

¹⁾ См. письмо А. Н. Энгельгардта къ А. В. Совѣтову въ Труд. В. Эк. Общ. № 1 за 1889 г.

²⁾ Въ статьѣ: «Частновладѣльческое хозяйство въ Россіи». Юрид. Вѣст., т. XXVI. 1887 г.

хозяйства крестьянскія. Мы не будем приводить данных о живомъ и мертвомъ инвентарѣ, собранныхъ названнымъ авторомъ, такъ какъ преимуществва крупныхъ хозяйствъ въ этомъ отношеніи легко объяснимы бѣдностью крестьянъ. Другое дѣло по отношенію къ измѣненію сѣвооборота: здѣсь, обыкновенно, не требуется крупныхъ затратъ и потому, причину отсталости крестьянъ нужно искать не въ бѣдности, а въ чемъ-либо другомъ. Въ отношеніи сѣвооборота особенно важны тѣ измѣненія, которыя вызываются расширеніемъ культуры корнеплодовъ и введеніемъ травосѣянія. Г. Распопинъ указываетъ, что въ теченіи 11 лѣтъ съ 1871—1872 по 1882—1883 гг. „количество переработанной на заводахъ свеклы съ 7,5 милл. берковцевъ возрасло до 22,9 милл. берк.“, т.-е. увеличилось болѣе чѣмъ вътрое (на 205%). Подобнымъ же образомъ, количество перекуренного на вино картофеля съ 6.183 тыс. пуд. въ 1867—1869 гг. возрасло къ 1881—1882 г. до 43 милл. пудовъ, т.-е. за 14 лѣтъ—на 610%. Въ это время, говоритъ авторъ, винокурение изъ картофеля „быстро распространяется по сѣверо-западному краю, центральному промышленному и центральному черноземному районамъ, въ приволжскихъ губерніяхъ и даже переходитъ за Волгу“. Тоже, наконецъ, оказывается и относительно травосѣянія: „Травосѣяніе, введенное въ сѣвооборотъ, приобрѣло уже полное право гражданства въ московскомъ промышленномъ районѣ, находить не малое примѣненіе въ имѣніяхъ центральной черноземной полосы“. „По даннымъ, опубликованнымъ Департаментомъ земледѣлія на основаніи отвѣтовъ, полученныхъ отъ хозяевъ, видно, что по нѣкоторымъ гу-

берніямъ травосѣяніе существуетъ у $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ всѣхъ корреспондентовъ“. „Въ степной полосѣ въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ отводятъ (подъ травы) около 500 десятинъ. Во многихъ имѣніяхъ южной Россіи совершился еще небывалый въ исторіи сельскаго хозяйства фактъ прямого перехода отъ крайне экстенсивной переложной системы хозяйства къ многопольной, минуя трехполье“ (курсъ автора) ¹⁾.

Послѣ 1886 года, къ которому относятся послѣднія данныя, имѣвшіяся въ распоряженіи г. Распопина, процессъ перехода къ улучшеннымъ системамъ полеводства въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ совершался, безъ сомнѣнія, еще болѣе быстро, чѣмъ въ предъидущій періодъ. Г. Распопинъ совершенно вѣрно замѣчаетъ (на основаніи наблюденій надъ распространеніемъ культуры картофеля), что *даже самый неурожай ведетъ не къ разстройству или застою въ крупномъ земледѣліи, но къ прогрессу его, къ переходу къ высшимъ системамъ полеводства*“ (курсивъ автора). Тоже совершалось и подъ вліяніемъ кризиса, который переживало земледѣліе, особенно средней и восточной черноземной полосы, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ масса вопросовъ, относящихся до организаціи новыхъ сѣвооборотовъ (въ различныхъ сельскохозяйственныхъ изданіяхъ), такъ и еще болѣе, можетъ быть, то оживленіе, которое произошло за это время въ періодической специальной печати ²⁾. За послѣд-

¹⁾ Необходимость такого перехода доказана въ моей книгѣ: «Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство».

²⁾ Тоже слѣдуетъ и изъ газетныхъ сообщеній о необыкновенномъ оживленіи въ торговлѣ сельскохозяйственными сочиненіями со времени обнаруженія послѣдняго неурожая.

нее время, правда, появлялись изрѣдка извѣстія о попыткахъ введенія различныхъ улучшеній и въ крестьянскую земледѣльческую культуру; въ частности особенно нѣкоторыя земства рекламировали свои работы въ этомъ направленіи: московское земство, напр., стремилось ввести у крестьянъ посѣвы клевера и, по заявленіямъ нѣкоторыхъ членовъ въ губернскомъ земскомъ собраніи 1891—92 гг., дѣйствовало въ этомъ направленіи довольно успѣшно¹⁾; но у насъ пока нѣтъ опредѣленныхъ указаній относительно этого факта: неизвѣстно, наприм., введенъ-ли здѣсь клеверъ въ сѣвооборотъ или культивируется на отдѣльныхъ участкахъ, что весьма важно было бы знать, чтобы судить, насколько значительно происшедшее измѣненіе культуры. Во всякомъ случаѣ, однако, всѣ, сдѣлавшіеся извѣстными до сихъ поръ, случаи улучшенія земледѣльческой техники въ крестьянскихъ хозяйствахъ, относятся, особенно что касается измѣненій въ сѣвооборотахъ, едва-ли не безъ исключеній къ нечерноземной полосѣ²⁾.

¹⁾ Г. В. В. (Воронцовъ), тщательно собравшій въ своемъ новомъ сочиненіи «Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ» (Сиб. 1892 г.) всѣ извѣстные случаи этого рода, приводитъ только довольно неопредѣленное указаніе, что въ Русскомъ уѣздѣ кое-гдѣ «трехполье начинаетъ уступать мѣсто шестиполью и семиполью» (I. с. 194).

²⁾ Г. В. В. въ названномъ сочиненіи причисляетъ къ такимъ улучшеніямъ даже сохраненіе толоки въ степныхъ мѣстностяхъ, съ чѣмъ мы согласиться не можемъ.

Относительно нечерноземной полосы съ общиннымъ землевлдѣніемъ такихъ извѣстій имѣется нѣсколько; какъ кажется, первое сообщеніе о переходѣ крестьянъ къ многополью подъ вліяніемъ введенія посѣвовъ клевера сдѣлано г. Бычковымъ въ брошюрѣ: «Дементьевская община и травосѣяніе» изъ Новгородской

Въ черноземной полосѣ рутина господствуетъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ съ необыкновеннымъ упорствомъ. Тѣмъ не менѣе, мы вполне согласны съ покойнымъ А. Н. Энгельгардтомъ, что дѣло здѣсь не въ косности мужика, а въ томъ, „найдетъ-ли онъ возможность“ примѣнить дажное улучшеніе въ своемъ хозяйствѣ.

VIII.

Причины косности крестьянскаго хозяйства. Мнѣніе объ этомъ Кавелина.

Почему же, однако, мужикъ не находитъ возможности примѣнить у себя улучшенія, которыя видитъ у помѣщиковъ? Кавелинъ, въ названной работѣ (Крестьянскій вопросъ), пытается выяснитъ—„отчего хозяйство пошатнулось“ у крестьянъ, хотя они, въ противоположность помѣщикамъ, „несомнѣнно выиграли“ вслѣдствіе освобожденія, —находитъ, что это не можетъ быть объяснено невѣжествомъ крестьянъ. „Свѣдѣнія ихъ въ агрономіи не Богъ вѣсть какія“; —говоритъ онъ, — „но, вѣдь, нѣтъ такого мужика, который-бы не зналъ, что суглинокъ и супесокъ нужно хорошо удобрять, а черноземъ пахать поглубже; что для удобрения надо держать побольше скота и т. п.“ „Отчего же теперь и отъ этой азбуки сельскаго хозяйства крестьяне, какъ будто, отстали, —скота и лошадей противъ прежняго у нихъ убавилось на добрую половину, а мѣстами и гораздо болѣе того, даже тамъ, гдѣ на недостатокъ земли

губ., на нѣкоторыхъ другихъ мы остановимся ниже подробнѣе. О брошюрѣ г. Бычкова мы въ свое время даемъ отзывъ въ газетѣ «Земство».

Handwritten notes at the bottom of the page, partially illegible.

и угодевъ нельзя пожаловаться?" Объясненіе этого явленія почтенный изслѣдователь видитъ въ слѣдующемъ: „Главная, коренная причина всему“, — думаетъ онъ, — „тягость налоговъ, наша финансовая политика. Въ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ государственннй бюджетъ утроился, денежные земекія повинности учетверились“... „Тяжкое бремя податей, взваленное на крестьянъ, вынудило ихъ сбывать за что попало не только свои произведенія, но и необходимыя орудія производства—скоть и лошадей“. „Пока ярмо податей не будетъ облегчено и финансовая политика не измѣнится, до тѣхъ поръ нечего и думать объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія и хозяйства“. „До тѣхъ же поръ возбужденіе вопроса объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія и хозяйства будетъ походить на горькую иронию или свидѣтельствовать о наивномъ незнаніи самыхъ простыхъ вещей“. „Чтобы начать улучшенія сельскаго хозяйства надо напередъ озаботиться о томъ, чтобы оно могло существовать; а теперешнія его условія ведутъ къ систематическому его уничтоженію у крестьянъ“. „Съ чего начинается всякій хозяинъ, собирающійся хоть сколько-нибудь осмысленно вести свое хозяйство?“ спрашиваетъ Кавелинъ далѣе и указываетъ, что самымъ первымъ актомъ устройства хозяйства является „округленіе владній“. У насъ, прибавляетъ онъ, „такое округленіе недоступно не только домохозяевамъ, но и цѣлымъ селеніямъ. Положенія 19 февраля лишили крестьянъ права требовать уничтоженія черезполосицы съ владѣльцами. А при черезполосицѣ не только правильное, но часто и никакое вообще хозяйство невысказано“. Кавелинъ полагалъ, что сельскохозяйственные непо-

рядки, протекающіе изъ черезполосицы и передѣловъ общинныхъ земель, „съ успѣхами земледѣлія и съ поднятіемъ образованія между крестьянами *непретменно и легко* будутъ замѣнены болѣе правильнымъ и болѣе благопріятнымъ для сельскаго хозяйства земельнымъ устройствомъ“. „Но пока стѣснительный для крестьянъ законъ, запрещающій имъ требовать разверстки земель съ посторонними владѣльцами, не будетъ отмѣненъ, до тѣхъ поръ о сколько-нибудь правильномъ крестьянскомъ хозяйствѣ нечего и говорить“.

Мы привели эти разсужденія Кавелина, чтобы показать, какъ даже наиболѣе спокойные и наиболѣе серьезные изслѣдователи крестьянскаго вопроса, въ числѣ которыхъ, безъ сомнѣнія, Кавелину принадлежитъ почетное мѣсто, какъ даже такіе изслѣдователи односторонне и, можно сказать, легкомысленно относились и относятся до сихъ поръ къ вопросу объ измѣненіи земледѣльческой культуры, отводя ему послѣднее мѣсто въ ряду улучшеній и уповавъ, что оно придетъ само собою.

Выставляя главной причиной бѣдности податную тягость, Кавелинъ уже съ самаго начала дѣлаетъ ошибку, беря для сравненія бюджеты 50-хъ и 80-хъ годовъ, тогда какъ, очевидно, рѣчь могла идти только о сравненіи бюджетовъ послѣднихъ (передъ появленіемъ статьи Кавелина въ 1881 году) двадцати лѣтъ, т. е. 1861 года. Затѣмъ, говорить объ обремененіи податями можно было далеко не относительно всѣхъ крестьянъ: извѣстно, что даже между различными группами бывшихъ помѣщичьихъ существуетъ и еще болѣе существовала въ этомъ отношеніи чрезвычайно рѣзкая разниа. Такъ, го-

вора вообще, крестьяне нечерноземной полосы были обложены несравненно тяжелѣе, чѣмъ крестьяне полосы черноземной: у первыхъ часто доходность земли стояла ниже выкупныхъ платежей ¹⁾, у послѣднихъ этого, можно сказать, нигдѣ не встрѣчалось. Далѣе, среди тѣхъ же бывшихъ помѣщичьихъ, рѣзко выдѣляется по тяжести обложенія группа дарственниковъ, у которыхъ (при четвертномъ или нищенскомъ надѣлѣ) на десятину надѣла падаетъ нерѣдко вдвое и втрое болѣе платежей, чѣмъ у получившихъ полные надѣлы. Затѣмъ, кромѣ помѣщичьихъ, существуетъ, вѣдь, еще огромная, по численности равная имъ, группа бывшихъ государственныхъ крестьянъ, получившихъ если не всегда, то въ значительномъ большинствѣ случаевъ, болѣе чѣмъ достаточные надѣлы, и про которую никакъ уже нельзя сказать, что она обременена платежами. Но,—что самое главное,—если бы Кавелинъ былъ правъ, что безъ пониженія „податной тягости“ невозможны никакія улучшения, а между тѣмъ, пониженіе это, какъ мы видѣли, оказывается невозможнымъ, то это значило бы, что невозможно и никакое улучшеніе крестьянскаго хозяйства и на немъ слѣдуетъ, какъ говорится, поставить крестъ. Мы думаемъ, что положеніе не настолько безнадежно.

Но пойдемъ далѣе. Мы не привели указаній Кавелина относительно финансовой политики, во-1-хъ, потому, что намѣрены позже подробно разобрать этотъ вопросъ отдѣльно, а во-2-хъ, потому, что

¹⁾ А между тѣмъ въ этой полосѣ, какъ замѣчено уже выше, мы встречаемъ несравненно болѣе улучшеній въ крестьянскихъ хозяйствахъ, чѣмъ въ черноземной.

указанія его сводятся въ сущности къ тому, будто финансовая политика виновата въ крушеніи кустарныхъ промысловъ, тогда какъ мы уже показали, что причины этого явленія совершенно иного рода, независимыя отъ финансовой политики. Указаніе Кавелина на вредъ чрезполосности крестьянскихъ земель съ частновладельческими заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, полного вниманія и мы ниже возвратимся къ этому вопросу. Но и здѣсь проявляется односторонность заключеній автора, ибо это указаніе имѣетъ значеніе почти исключительно по отношенію къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ. Кстати замѣтимъ, что обвиненія, взводимыя на помѣщиковъ, будто они стремились устроить такую чрезполосность ради того, чтобы современемъ легче было прижать крестьянъ, — въ значительной мѣрѣ невѣрны или преувеличены. Известны случаи изъ показаній самихъ крестьянъ, когда подобное явленіе произошло именно по ихъ настоянію, такъ какъ они желали получить новыя, еще не выпаханныя земли. Другіе случаи чаще, кажется намъ, объяснимы непониманіемъ обѣими сторонами тѣхъ неудобствъ, которыя связаны съ чрезполосицей, чѣмъ какими-либо злыми намереніями.

IX.

Общинное землепользованіе, какъ тормазъ развитію крестьянскаго хозяйства. Опроверженіе разсужденій А. С. Поснинова объ общинѣ.

Но всего болѣе поражаетъ въ разсужденіяхъ Кавелина то, что онъ (вмѣстѣ, впрочемъ, со многими другими авторами) высказываетъ убѣжденіе,

что неудобства черезполосицы и передѣловъ общинныхъ земель будутъ уничтожены самими крестьянами, какъ только явится въ томъ необходимость. А между тѣмъ, Кавелина даже нельзя считать безусловнымъ приверженцемъ общины. Такъ, въ цитированной работѣ находимъ такое мѣсто: „общинное землевладѣніе, въ томъ видѣ, какъ мы его теперь знаемъ, есть уродливая помѣсь порядковъ, существовавшихъ въ старинныхъ свободныхъ поземельныхъ крестьянскихъ товариществахъ, съ тѣми, какіе возникли съ прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ и закрѣпощеніемъ ихъ двойною крѣпостью—помѣщичьяго права и подушныхъ налоговъ и повинностей; способъ же пользования землею, господствующій нынѣ при общинномъ владѣніи, созданъ при условіяхъ первобытнаго земледѣлія и поддерживается теперь низкимъ уровнемъ сельскохозяйственныхъ знаній, невѣжествомъ и бѣдностью нашего сельскаго люда“.

Называя далѣе общинное землевладѣніе въ те-перешнемъ его видѣ „тяжкимъ ярмомъ на шеѣ крестьянина“ и указывая, что его „неумолимо подтачиваетъ изо-дня въ день потребность индивидуальной личной независимости и свободы“, Кавелинъ, все же, считаетъ возможнымъ вѣровать въ свободную эволюцію общины. Мы не будемъ, однако, разбирать избыточность или несбыточность этой надежды. Укажемъ только, что до сихъ поръ не видно никакихъ признаковъ такой эволюціи, а между тѣмъ, все рѣзче и рѣзче обнаруживаются неудобства, связанные съ общинной формой землепользованія. Полагаемъ, что вышеприведенный расчетъ и все, сказанное по поводу его, доказываетъ достаточно убедительно невозможность существованія крестьянской

семьи даже при среднемъ надѣлѣ, при условіи сохраненія тѣхъ приемовъ земледѣльческой культуры, какіе практикуются въ крестьянскихъ хозяйствахъ; да и самый фактъ недавняго голода свидѣтельству-етъ о томъ же. А между тѣмъ, не только о переходѣ къ плодосмѣну крестьянъ мы ничего никогда не слыхали, особенно что касается черноземной по-лосы, но и самыя элементарныя требованія упорядоченія культуры до сихъ поръ здѣсь (на черно-земѣ) далеко не удовлетворяются.

Къ числу такихъ элементарныхъ улучшеній слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, отнести удобреніе навозомъ, значеніе котораго понятно каждому крестьянину и не только по отношенію къ суглинку, какъ думаетъ Кавелинъ, но и по отношенію къ черно-зему, по крайней мѣрѣ въ центральной полосѣ. Почему же, однако, оно не примѣняется? Мы видѣли уже, что утвержденіе, будто для этого у крестьянъ слишкомъ мало скота, основано на непониманіи дѣла; да, кромѣ того (что почти всегда забываютъ наши статистики въ своихъ разсужденіяхъ), средняя статистическая цифра числа головъ скота, вѣдь, не показываетъ, что у каждаго крестьянина имѣется именно столько головъ: если маломощные хозяева могутъ не удобрять полей потому, что у нихъ мало навоза, то этого нельзя сказать о тѣхъ, которые имѣютъ 4—5 головъ и болѣе скота на дворѣ: почему же не удобряютъ эти сильные хозяева?

Признавая вполне вліяніе въ этомъ направле-ніи указанной Кавелинымъ черезполосицы крестьянскихъ земель съ владѣльческими, а, слѣдовательно, и необходимость ея уничтоженія, мы не можемъ,

однако, признать, что стоит только уничтожить эту черезполосицу или еще и облегчить податную тягость, и дѣло развитія земледѣлія пойдетъ само собою. Мы думаемъ, что и та черезполосица, которая возникаетъ благодаря господствующимъ въ общинахъ порядкамъ раздѣла земли, равно какъ и многія другія вліянія, связанныя съ общиннымъ землепользованіемъ и частью случайно, вслѣдствіе историческихъ причинъ, существующія въ нашихъ общинахъ, являются тормазами земледѣльческаго прогресса и должны быть устранены государственнымъ вмѣшательствомъ.

Высказывая эту мысль, мы рискуемъ навлечь на себя обвиненіе въ стремленіи обезземелить крестьянъ помощью уничтоженія общины. Просимъ, однако, не снѣшивать заключать о нашихъ стремленіяхъ, прежде чѣмъ мы выскажемъ ихъ въ болѣе опредѣленной формѣ. Замѣтимъ прежде всего, что можно настаивать на негодности практикуемыхъ въ нашей общинѣ порядковъ *землепользованія* и не быть противникомъ даже и *общиннаго землевладѣнія*, не говоря уже о крестьянскомъ землевладѣніи вообще, — примѣромъ чему можетъ служить тотъ же Кавелинъ.

Но обратимся къ сущности дѣла. Сказавъ, что общинные распорядки мѣшаютъ развитію земледѣлія, мы не говоримъ ничего новаго, такъ какъ объ этомъ много разъ уже было говорено. Однако, въ известной части печати и общества существуетъ убѣжденіе, что это мнѣніе является, съ одной стороны, отраженіемъ стремленія тѣхъ лицъ, которыя желаютъ разрушенія общины ради своекорыстныхъ цѣлей или, съ другой стороны, логической ошибкой тѣхъ, которые считаютъ крупное земледѣльческое

хозяйство единственно раціональнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывается обыкновенно, что мнѣніе о вредѣ общиннаго хозяйства для земледѣльческой культуры опровергнуто изслѣдованіемъ г. Посникова ¹⁾. Нужно думать, слѣдовательно, что въ этомъ сочиненіи мы найдемъ болѣе или менѣе полное собраніе аргументовъ въ пользу положенія, что развитіе земледѣльческой техники не задерживается общинными порядками землепользованія.

Понимая эту ссылку именно въ такомъ смыслѣ, остановимся нѣсколько на приведенныхъ названныхъ авторомъ аргументахъ. Какъ извѣстно, г. Посниковъ сравниваетъ общинное хозяйство, съ одной стороны — по отношенію къ черезполосицѣ — съ хозяйствомъ крестьянъ собственниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, главнымъ образомъ; съ другой — по отношенію къ временности владѣнія — съ хозяйствомъ англійскаго фермера. Однако, уже тотчасъ послѣ изданія второго выпуска труда г. Посникова, г. Русаковъ въ небольшомъ рефератѣ ²⁾, читанномъ въ московскомъ юридическомъ обществѣ, указалъ, что методъ г. Посникова страдаетъ большими недостатками, такъ какъ, заключая, что временность владѣнія не можетъ препятствовать улучшеніямъ въ общинномъ хозяй-

¹⁾ Общинное землевладѣніе. 2 выпуска. Одесса. 1876—78 гг. Третій выпускъ, хотя и обѣщанный авторомъ, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не появлялся въ печати. Первый же выпускъ правильнѣе было бы назвать апологіей арендной формы землепользованія. Ссылка на сочиненіе г. Посникова въ указанномъ въ текстѣ смыслѣ еще недавно сдѣлана г. Гурвичемъ въ цитируемой ниже статьѣ.

²⁾ Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ руками этого реферата и цитируемъ на память.

ствѣ изъ того, что она не препятствовала англійскому фермеру вводить улучшения, г. Посниковъ отождествляетъ дѣйствіе одной причины съ дѣйствіемъ многихъ. По просту говоря, г. Посниковъ хочетъ увѣрить насъ, что такъ какъ каждый изъ факторовъ, препятствующихъ улучшенію общиннаго хозяйства, не производить, отдѣльно взятый, такого вреднаго вліянія, чтобъ останавливать улучшения, то это значитъ, что и всѣ четыре фактора (временность владѣнія, череполосица, принудительная обработка и дробимость земли) вмѣстѣ не могутъ задерживать развитіе земледѣлія. Многое еще слѣдуетъ добавить къ указаніямъ г. Русанова. Такъ, нужно сказать, что сравненіе, напр., положенія общинника съ фермеромъ неправильно въ томъ отношеніи, — во-1-хъ, что берутся страны, совершенно различныя и по естественнымъ и по экономическимъ условіямъ. Было бы, напримѣръ, уже правильнѣе, вмѣсто фермеровъ собственно Англій, взять фермеровъ Ирландіи, ибо англійскія фермерскія хозяйства, относительно крупны ¹⁾, особенно, если принять во вниманіе, что крупность хозяйства измѣряется, вѣдь, не одной цифрой площади, а и суммой затратъ капитала; наши же крестьянскія хозяйства, будучи часто и по площади владѣнія cadaго домохозяина менѣе англійской фермы, — по суммѣ затратъ прямо уже должны быть отнесены къ мелкимъ. Но относительно ирландскихъ хозяйствъ г. Пос-

¹⁾ По Caird'у, средняя величина фермъ въ Великобританіи въ 1878 г. была 56 акровъ, т.-е. около 21 десятины; но наибольшая часть площади, 73%, была занята фермами болѣе 100 акровъ, изъ коихъ фермы въ 100—300 акровъ имѣли средній размѣръ 173,8 акра, т.-е. болѣе 64 десятины. (См. Каблуковъ: Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ).

никовъ приводитъ только немногія отрывочныя указанія, и основываетъ всю свою аргументацію почти исключительно на данныхъ, относящихся до англійскихъ фермъ Во-вторыхъ, наибольшая часть указаний на инициативу фермеровъ въ дѣлѣ хозяйственныхъ улучшеній относится къ тому періоду, когда запрещенъ былъ ввозъ хлѣба и, слѣд., искусственно поддерживались высокія цѣны на него, условіе немаловажное, какъ гарантія дохода. Въ-третьихъ, англійскіе землевладѣльцы хотя и не любятъ связывать себя опредѣленными контрактами, особенно на продолжительные сроки, и потому фермы часто держатся безъ всякихъ контрактовъ, съ правомъ землевладѣльца каждый годъ уничтожить аренду, но все же такіе контракты мѣстами существуютъ и, какъ указываетъ господинъ Посниковъ, многія улучшения могли быть произведены именно только при наличности этого условія. Кромѣ того, и при арендѣ съ правомъ владѣльца ежегодно отказать фермеру (такъ называемый tenant at will), лендлорды не склонны часто мѣнять фермеровъ. Это объясняется тѣмъ, что самая форма (система) хозяйствованія болѣе соответствуетъ здѣсь мелкимъ (относительно) или среднимъ хозяйственнымъ единицамъ, такъ какъ все здѣшнее хозяйство основано на скотоводствѣ, притомъ скотоводство давно уже ведется чрезвычайно интенсивно; а это значитъ, что каждая голова скота представляетъ значительную цѣнность и, слѣдовательно, требуется очень тщательный уходъ за этимъ капризнымъ относительно производительности живымъ капиталомъ, чтобы онъ давалъ надлежащій доходъ. А чѣмъ хозяйство крупнѣе, тѣмъ, разумѣется, менѣе возможно хозяину услѣдить за всѣми дета-

лими ухода и, слѣдовательно, больше риска не получить надлежащаго дохода. Но англійскій ленд-лордъ, вѣдь, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень крупный землевладелецъ и, слѣдовательно, при отсутствіи фермеровъ долженъ былъ бы вести хозяйство въ огромномъ размѣрѣ; если бы онъ вздумалъ изгнать своихъ фермеровъ и хозяйничать лично или черезъ управляющихъ на площади въ нѣсколько тысячъ акровъ, то очень скоро убѣдился бы, что выгоднѣе взять меньшую ренту съ арендаторовъ-фермеровъ. Личное хозяйствованіе затрудняется здѣсь еще и самой высотой интензивности: чѣмъ она выше, тѣмъ болѣе капитала на единицу площади требуется для веденія хозяйства ¹⁾. Словомъ, всѣ тѣ условія, которыя существовали и существуютъ въ Англии, не существуютъ въ Россіи: если англійскій лендлордъ долженъ остерегаться прогнать своихъ фермеровъ — изъ опасенія, что фермы останутся пустовать, а ему самому не подъ силу будетъ вести хозяйство, то такого опасенія совсѣмъ не существуетъ у общины по отношенію къ тому члену ея, который произвелъ улучшеніе земли. Здѣсь, наоборотъ, именно тѣ лица, которыя желаютъ занять мѣсто этого неосторожнаго прогрессиста-общинника, и будутъ стараться изгнать его съ занимаемаго имъ участка и имѣютъ право и возможность сдѣлать это. Опасеніе, что не хватитъ силъ или инвентаря для обработки лишней площади, также не можетъ имѣть мѣста, по крайней мѣрѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Мысль о такомъ недостаткѣ высказана была относительно об-

¹⁾ Къ тому же, самъ г. Посниговъ указываетъ, что нигдѣ землевладѣльцы не стѣснены такъ законодательствомъ, какъ въ Англии.

щины г. Кейслеромъ ¹⁾. Этотъ почтенный изслѣдователь и извѣстный знатокъ общины ²⁾ утверждаетъ, что „въ большинствѣ случаевъ“ дворы, надѣлы которыхъ увеличивается при передѣлѣ земли, „лишены необходимаго для увеличивающагося хозяйства инвентаря“, который, по мнѣнію автора, „можетъ быть приобретень лишь постепенно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ“. Это, пожалуй, въ значительной мѣрѣ вѣрно для нечерноземной полосы, гдѣ примѣняется удобреніе, такъ какъ здѣсь у вновь надѣленныхъ обыкновенно не хватаетъ навоза. При всемъ томъ, и въ этомъ случаѣ послѣдствіемъ недостатка инвентаря будетъ только то, что новый владѣлецъ не можетъ вести хозяйство такъ хорошо, какъ прежній (такой смыслъ и имѣетъ это указаніе у г. Кейслера), но не уничтожаетъ у плохого хозяина стремленія воспользоваться хорошо удобреннымъ или обработаннымъ участкомъ сосѣда ³⁾. Для черноземной же полосы, гдѣ удобреніе совсѣмъ не примѣняется, гдѣ, поэтому, рѣчь можетъ быть только о рабочей силѣ и прежде всего о рабочемъ скотѣ, — этотъ аргументъ и вовсе не имѣетъ значенія. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только посчитать, сколько потребуется дней работы для обработки при трехпольѣ 6-ти десятинъ (скажемъ двухъ надѣловъ). Приво-

¹⁾ Сельская община и ея современное положеніе. «Вѣстн. Евр.», т. VI. 1887 г.

²⁾ Г. Кейслеръ, авторъ большого сочиненія: «Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland», von Joh. v. Keussler. St.-Petersburg. Verlag von Ricker. 1876—1887.

³⁾ Прямое указаніе на такое стремленіе см., напр., въ книгѣ В. Е. Постникова (не смѣшивать съ разбираемымъ авторомъ), «Южно-русское крестьянское хозяйство». Москва, 1891 г.

димъ этотъ расчетъ въ выноскѣ ¹⁾. Требуется, какъ оказывается, 20 дней на обработку поля и четыре дня на возку хлѣба при одной лошади. Такъ какъ эта работа распределяется, примѣрно, на 160 дней, то это значитъ, что нашъ крестьянинъ, работая только на своихъ 6 десятинахъ, вмѣсто того, чтобы 6 дней дѣлать и 7-й отдохнуть, поступаетъ какъ разъ обратно: отдыхаетъ 6 дней и 7-й день работаетъ. Очевидно, если при передѣлѣ его надѣлъ удвоится, то онъ будетъ имѣть еще достаточно времени для отдыха: ему пришлось бы работать 2 дня въ недѣлю. Въ дѣйствительности, конечно, отдыхъ не распределяется равномерно по недѣлямъ, такъ какъ работы скучиваются на извѣстные, довольно короткіе періоды, что происходитъ, прежде всего, влѣдствіе однообразія культуры. Тѣмъ не менѣе, приведенное вычисленіе показываетъ, что недостатокъ инвентаря не можетъ побудить членовъ общины отказаться отъ желанія увеличить свой надѣлъ, такъ какъ достаточно имѣть хотя бы только одну лошадь, чтобы имѣть возможность, при существующей техникѣ, обработать довольно значительное пространство.

Но далѣе, и принципиально сравненіе общиннаго хозяйства съ аренднымъ неправильно, ибо хотя въ

¹⁾ На вспашку подъ озимъ съ боронованіемъ 1,6 десят.—4 дня, на двоеіе—4 дня и на посѣвъ и запашку—4 дня; всего на озимъ 12 дней работы лошади и человека. На вспашку подъ ярь 1,6 десят. и заѣлку сохой не болѣе 8 дней. Затѣмъ остается только свозка урожая. Урожай ржи (77 пуд. зерна и 150 пуд. соломы)—около 14 копень—потребуется для свозки при не очень большомъ разстояніи поля не болѣе двухъ дней, а свозка свса (64 п. зерна и 100 пуд. соломы) около 14 копень, но 1½ конны на возъ, и того менѣе,—во всякомъ же случаѣ не болѣе двухъ дней.

томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ срочнымъ пользованіемъ, но разница положенія арендатора и общинника громадна. Во-первыхъ, *при арендѣ срочность и самый срокъ пользованія есть результатъ соглашенія* участвующихъ въ договорѣ сторонъ и, сообразно сроку и вообще условіямъ аренды, устанавливается и плата за пользованіе; а когда арендаторъ—крупный капиталистъ, какъ въ Англии, то не можетъ быть и рѣчи о томъ, что плата вынуждается необходимостью для фермера арендуемаго участка. Наоборотъ, при общинѣ—*срокъ* пользованія или совершенно не опредѣляется, или же *опредѣляется*, независимо отъ согласія отдѣльнаго члена, *волею большинства*; недовольный установленнымъ срокомъ не можетъ, подобно фермеру, уйти и искать себѣ земли въ другомъ мѣстѣ, на условіяхъ, болѣе соответствующихъ его желаніямъ. Плата же за пользованіе въ нашей общинѣ не зависитъ даже и отъ воли цѣлой общины, а опредѣляется совершенно внѣшними условіями. Во-вторыхъ, опредѣленіе срока пользованія признается англійскими фермерами недостаточнымъ для обезпеченія культуры и они требуютъ, а кое-гдѣ уже добились, системы вознагражденія уходящаго фермера за неиспользованныя имъ улучшенія почвы. Введеніе системы такихъ вознагражденій при нашемъ общинномъ хозяйствѣ совершенно невозможно, по той простой причинѣ, что тотъ, къ кому переходитъ улучшенный участокъ, обыкновенно не имѣетъ для этого средствъ, да и у общины нѣтъ для этого никакихъ ресурсовъ. Конечно, г. Понниковъ правъ, говоря, что въ общинѣ *могутъ быть* производимы земельныя улучшенія общица и за такія улучшенія никто изъ членовъ общины не въ правѣ

требовать вознагражденія; при всемъ томъ, остается еще не мало и такихъ улучшеній, которыя общинникъ могъ бы произвести лично и произвелъ бы во многихъ случаяхъ, если бы была надежда получить за это вознагражденіе и если бы, кромѣ того, не срочность только пользованія, а всѣ общинные порядки вообще не стѣсняли его въ производствѣ такихъ улучшеній.

Мы, впрочемъ, совершенно согласны съ почтеннымъ изслѣдователемъ, что при русскихъ общинныхъ порядкахъ черезполосица не можетъ принять тѣхъ вредныхъ формъ, которыя особенно тягостны при мелкой личной собственности и выраженіемъ которыхъ является право переѣзда нѣкоторыхъ владѣльцевъ черезъ участки сосѣдей или право оборота плуга на землѣ сосѣда. Мы не можемъ только согласиться съ авторомъ, что этотъ видъ черезполосицы, вкупѣ съ правомъ пастьбы скота, составляютъ единственный источникъ принудительной обработки. Въ тѣхъ иностранныхъ примѣрахъ, которыми пользовался авторъ, конечно, только эти двѣ причины выставались источникомъ принудительной обработки, ибо тамъ дѣло шло, вѣдь, не объ общинникахъ, а о личныхъ собственникахъ. Но, говоря объ общинѣ, слѣдуетъ и имѣть въ виду общинное владѣніе. А тогда окажется, что, кромѣ права выгона и черезполосности участковъ, слѣдуетъ принять во вниманіе и тотъ факторъ, который авторъ называетъ временностью владѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что угроза передѣла также является однимъ изъ элементовъ, вызывающихъ принудительную обработку, конечно, если подъ послѣдней не разумѣть одно ковыряніе земли сохой. Если бы какой-нибудь общинникъ вздумалъ посѣять въ

озимомъ полѣ вмѣсто ржи пшеницу, которая, однако, въ данномъ мѣстѣ удается только по удобренію, то онъ часто не могъ бы сдѣлать этого въ виду того, что при передѣлѣ земля перейдетъ къ другому, и онъ не успеетъ, такимъ образомъ, использовать вложенное удобреніе. Подобнымъ образомъ, если бы растеніе, которымъ онъ желаетъ занять поле, требовало глубокой обработки, то и тогда онъ, въ силу тѣхъ же соображеній, долженъ отказаться отъ него. Словомъ, онъ почти вынуждается держаться въ точности того сѣвооборота и тѣхъ культурныхъ растений, которые приняты всѣми членами общины.

Заговоривши о сѣвооборотѣ, замѣтимъ кстати еще одно обстоятельство. Г. Посниковъ указываетъ, между прочимъ, что англійскіе землевладѣльцы вводятъ въ арендные контракты многія стѣснительныя условія и, въ томъ числѣ, обязательный для фермера сѣвооборотъ; авторъ замѣчаетъ, однако, что собственники часто смотрятъ сквозь пальцы на нарушеніе этого условія. Здѣсь возникаетъ интересная параллель между положеніемъ англійскаго фермера и русскаго общинника: лендлордъ ставитъ фермеру обязательный сѣвооборотъ, имѣя въ виду сохранить или увеличить плодородіе своей почвы и, разумѣется, смотритъ сквозь пальцы на отступленія отъ сѣвооборота, когда видитъ, что этимъ не нарушаются его интересы, т.-е. новый сѣвооборотъ не влечетъ за собою истощенія полей. Община вынуждаетъ каждого изъ своихъ членовъ придерживаться не только даннаго сѣвооборота, но и данныхъ, довольно дурныхъ, не превосходящихъ средній уровень примѣняемыхъ всѣми остальными членами, пріемовъ обработки: она смотритъ, однако, сквозь пальцы (по

крайней мѣрѣ очень часто) на ухудшеніе обработки, но жестоко наказуетъ за улучшеніе, лишая такого либерала плодовъ его труда при передѣлѣ. Это-ли еще не принудительная обработка!

Г. Посниковъ приводитъ, правда, примѣръ одной общины (дер. Котлово), гдѣ существуетъ полная свобода сѣвооборота, по его мнѣнію только оттого, что у этой общины имѣется отдѣльный выгонъ, вслѣдствіе чего пастъба по пару и по жнивью совсѣмъ не практикуется.

Авторъ, однако, забылъ сказать намъ, какъ практикуются и практикуются-ли вообще въ этомъ селѣ передѣлы. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что въ то время, когда г. Посниковъ писалъ свое сочиненіе, было собрано еще очень мало свѣдѣній объ общинѣ и не возникало почти вопроса, могутъ-ли существовать общины, которыя не практикуютъ передѣловъ; теперь мы знаемъ массу такихъ фактовъ и въ правѣ предположить, что имѣемъ и здѣсь дѣло съ случаемъ подобнаго рода. Что такіе случаи представляютъ дѣйствительно массовое явленіе показываютъ особенно ясно изслѣдованія г. Романова относительно Тамбовской губерніи: г. Романовъ указываетъ, что въ этой губерніи во многихъ общинахъ (можно сказать, у значительнаго большинства) государственныхъ крестьянъ не практиковалось не только передѣловъ, но и переверстокъ со времени выдачи владѣнныхъ записей вплоть до восьмидесятыхъ годовъ, когда произведены во многихъ случаяхъ передѣлы по валичнымъ душамъ. При такихъ условіяхъ, — особенно пока не возбуждалось и самого вопроса о передѣлѣ, — могла, конечно, возникнуть та свобода въ пользованіи надѣльными участками, какую ука-

зываетъ г. Посниковъ, подобно тому, какъ возникло такъ называемое пестрополье на земляхъ крестьянъ Курской губерніи, равно какъ на слишкомъ отдаленныхъ участкахъ въ Тамбовской и друг. черноземныхъ губерніяхъ. Несомнѣнно, однако, что (въ противоположность пестрополью) въ указанномъ г. Посниковымъ случаѣ, гдѣ культура поднялась, благодаря введенію многими крестьянами въ сѣвооборотъ корнеплода (рѣпы), должны произойти большія замѣнительства при передѣлѣ, подобно тому какъ въ указанныхъ г. Романовымъ случаяхъ у государственныхъ крестьянъ, послѣ двадцатилѣтняго владѣнія безъ переверстокъ, передѣлъ вызывалъ нерѣдко кровавыя побоища. Кромѣ того, и самый фактъ, конечно, совершенно исключительный, не потому, однако, что всѣ остальные общины не имѣютъ выгоновъ, а потому, что и при наличности постоянного выгона существуютъ условія, препятствующія такой свободѣ пользованія.

Повторяемъ, г. Посниковъ, правъ, говоря, что личная мелкая собственность была соединена на западѣ Европы со многими, столь же большими, а иногда и еще бѣльшими неудобствами, чѣмъ тѣ, какія существуютъ при общинномъ землевладѣніи и даже при современномъ русскомъ способѣ общиннаго землепользованія. Но это, во-первыхъ, не доказываетъ, что современный общинный порядокъ хорошъ и не требуетъ никакого посторонняго воздѣйствія для того, чтобы сдѣлаться лучшимъ; къ тому же, указаніе Кавелина и другихъ, что община *можетъ* уничтожить черезполосицу, ни на чемъ не основано; аналогія же съ западной Европой, гдѣ столь хулимыя г. Посниковымъ порядки составляютъ, вѣдь,

плодъ самостоятельнаго развитія и распаденія общины, по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ,—не общается съ этой стороны ничего хорошаго.

Но затѣмъ, во-вторыхъ, если даже признать доказаннымъ, что въ западной Европѣ существовала во многихъ случаяхъ черезполосица при условіи довольно высокой земельной культуры, то и тогда изъ этого еще нельзя вывести, что та же черезполосность въ Россіи также мало повредитъ введенію улучшенной культуры. Кромѣ указаннаго уже отличія въ силу существованія у насъ общиннаго владѣнія, слѣдуетъ имѣть въ виду еще разницу русскіхъ, особенно черноземныхъ областей—съ Германіей по отношенію величины поселковъ, которая играетъ здѣсь не малую роль. Германія, какъ извѣстно, была въ большей своей части когда-то страной лѣсовъ, благодаря чему поселки здѣсь относительно мелки. Насколько велика можетъ быть въ этомъ отношеніи разница, показываютъ данныя о величинѣ поселковъ въ различныхъ областяхъ Россіи. По статистикѣ поземельной собственности (вып. V, стр. XLIX): „На одно селеніе приходится въ среднемъ: въ литовской области—12 жилыхъ строеній и 91 житель, въ Вѣлоруссіи—17 строеній и 104 жителя“. „Такая дробность поселковъ“—замѣчаетъ составитель—„зависитъ какъ отъ племенныхъ особенностей населенія, такъ и отъ географическаго типа страны, обильной лѣсами и хорошо вообще орошенной. Въ центральной земледѣльческой области крестьянскія селенія въ 6 разъ крупнѣе, чѣмъ въ литовской (на одно селеніе 72 жилыхъ строенія и 447 жителей), а въ Московской области въ 2½ раза (30 строеній и

144 жителя)“. Указаніе почтеннаго статистика о вліяніи, будто бы, племенныхъ особенностей на расселеніе не выдерживаетъ критики, ибо онъ самъ тутъ же приводитъ, что въ лѣсистой и лѣсной полосѣ Московской области (совершенно отличной, какъ извѣстно, по этнографическому составу, отъ Вѣлоруссіи и Литвы) поселки незначительно разнятся по величинѣ отъ поселковъ Литовской и Вѣлорусской областей, составляя для лѣсистой 21 строеніе и 87 жителей, а для лѣсной—25 строеній и 111 жителей. Приведенныя выше цифры показываютъ величину поселковъ для всей центральной земледѣльческой области; въ черноземныхъ же частяхъ ея поселки значительно крупнѣе, именно: въ черноземной незалежной—69 строеній и 400 жителей, а въ черноземной полузалежной—116 строеній и 729 жителей. Наконецъ, въ нижневожской области приходится на одно селеніе въ среднемъ 116 строеній и 638 жителей, при чемъ и здѣсь въ черноземныхъ частяхъ селенія крупнѣе: для черноземной нестепной—123 строенія и 685 жителей, а для степной черноземной—163 строенія и 1.019 жителей.

Эти цифры ¹⁾, безъ сомнѣнія, болѣе доказательны, чѣмъ тѣ, которыя приводитъ г. Посниковъ (по Васильчикову) и въ которыхъ значеніе крупныхъ поселковъ скрадывается тѣмъ, что взяты слишкомъ обширныя и разнохарактерныя по составу области; напр., всѣ великорусскія губерніи (31) соединены въ одну группу, у которой и выходитъ въ среднемъ менѣе 29 дворовъ на селеніе. Основывался на этихъ

¹⁾ Хотя и онѣ теперь уже устарѣли, такъ какъ со времени изслѣдованія прошло болѣе 15 лѣтъ.

огульных цифрахъ, г. Посниковъ утверждаетъ, что: „такія огромныя села совсѣмъ не составляютъ... преобладающей формы поселеній, а встрѣчаются только мѣстами, притомъ часто въ округахъ вовсе не земледѣльческихъ, или же, если и занимающихся земледѣлемъ, то нерѣдко эти огромныя села владѣютъ самымъ незначительнымъ надѣломъ“. Въ то время, когда г. Посниковъ писалъ свое сочиненіе, не было еще издано ни „Статистики поземельной собственности“ (изд. центр. стат. комит.), ни земскихъ статистическихъ изслѣдованій въ черноземныхъ областяхъ. Послѣ же появленія послѣднихъ въ значительномъ количествѣ, г. Посниковъ, вѣроятно, и самъ согласится, что, по крайней мѣрѣ относительно черноземной полосы, позволительно утверждать какъ разъ обратное тому, что высказано было имъ въ вышеприведенной выпискѣ. Дѣйствительно, уже приведенныя выше данныя убѣждаютъ насъ, что крупныя поселки составляютъ господствующій типъ поселеній въ черноземной полосѣ; разсматривая же земскіе статистическіе сборники, мы придемъ къ выводу, что такіе поселки господствуютъ именно тамъ, гдѣ населеніе ничѣмъ, кромѣ земледѣлія, не занимается и что, наконецъ, скучены въ большихъ поселкахъ именно государственные крестьяне, т.-е. тѣ, которые получили наивысшіе надѣлы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только заглянуть въ любой изъ земскихъ статистическихъ сборниковъ, относящихся къ черноземной области. Такъ, на первой страницѣ таблицъ по Воронежскому уѣзду находимъ волость Можайскую, состоящую изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ въ 12 селеніяхъ, въ которыхъ 2.434 двора, т.-е. по 203 двора на селеніе.

Но третья часть всѣхъ дворовъ (830) находится въ одномъ селеніи (Красный логъ); кромѣ того, еще 2 селенія имѣютъ свыше 200 дворовъ (268 и 350), остальные менѣе (отъ 45 до 173); надѣлы въ этой волости отъ 8 до 21 десятины на хозяйство, въ среднемъ 12,1 десят. Слѣдующая по очереди волость, Московская, состоитъ изъ 20 деревень съ 2.063 дворами; здѣсь, однако, есть и государственные, и помещичьи крестьяне, и послѣдніе поселены въ сравнительно малыхъ деревняхъ; тогда какъ изъ 11 селеній государственныхъ крестьянъ, имѣющихъ отъ 10,2 до 15 десят. надѣльной земли на хозяйство, 7 селеній имѣютъ болѣе 100 дворовъ каждое и въ томъ числѣ 4 болѣе 200 дворовъ (231, 292, 358 и 431). Затѣмъ вездѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ государственныхъ крестьянъ (а въ другихъ мѣстахъ, какъ сейчасъ увидимъ, и удѣльныхъ), повторяется то же явленіе; по сводной таблицѣ для государственныхъ крестьянъ всего уѣзда на каждое селеніе ихъ приходится 183 двора съ надѣломъ по 13,6 десят. на дворъ.

Не всѣ земскіе сборники даютъ возможность вычислить подобныя цифры, но во всѣхъ нихъ безъ исключенія¹⁾, разъ дѣло идетъ о черноземной полосѣ, можно встрѣтить указанія на существованіе огромныхъ селъ. Между прочимъ, г. Романовъ²⁾ указываетъ, что „изъ всего числа крестьянскихъ дворовъ“ Тамбовской губ. 33,1% „составляютъ селенія

¹⁾ Мы приводимъ здѣсь исключительно цифры относительно неурожайныхъ губерній. Въ названномъ сочиненіи В. Е. Посникова приведены данныя такого же рода о южныхъ губерніяхъ.

²⁾ Сборн. стат. свѣд. по Тамб. губ. т. XVI. Сводъ данныхъ о крестьянскомъ населеніи и пр.

болѣе 300 дворовъ каждое“. По отдѣльнымъ уѣздамъ цифра эта колеблется отъ 9,3% до 58,6%, причемъ низшія цифры (9,3 до 27,9%) падаютъ на нечерноземные уѣзды, черноземные же имѣютъ минимумъ 28,3% и максимумъ, какъ сказано, 58,6% (Борисоглебскій уѣздъ).

Ниже мы приведемъ еще нѣсколько данныхъ этого рода, а теперь замѣтимъ только, что, очевидно, по мѣрѣ увеличенія числа надѣльныхъ дворовъ или душъ и величины надѣла на дворъ или душу, влияние черезполосицы дѣлается все сильнѣе и вредъ отъ нея увеличивается.

Въ концѣ концовъ мы приходимъ, слѣдовательно, къ выводу, что приведенные г. Посниковымъ аргументы ни въ какомъ случаѣ не доказываютъ безвредности для земледѣльской культуры общинныхъ порядковъ. Впрочемъ, и самъ авторъ, повидимому, стремился болѣе доказать, что всѣ формы безурядицъ въ землепользованіи, какія существуютъ въ общинѣ, могутъ встрѣчаться и при частномъ мелкомъ землевладѣніи и потому нѣтъ основанія стремиться ввести такое взаимнѣ общиннаго.

Х.

Указанія на улучшенія въ культурѣ при общинномъ землепользованіи не опровергають, а подтверждаютъ вредъ такового.

Выше мы замѣтили уже, что относительно нечерноземной полосы имѣются сообщенія о переходѣ къ болѣе рациональному сѣвообороту. Въ этихъ сообщеніяхъ идетъ обыкновенно рѣчь о введеніи травосѣянія (посѣва клевера), при чемъ этотъ фактъ

считается или выдается за доказательство того, что общинное хозяйство не препятствуетъ культурнымъ улучшеніямъ. Обыкновенно, однако, такое заключеніе далеко не оправдывается сообщаемыми фактами; скорѣе наоборотъ: самые эти факты служатъ наилучшимъ подтвержденіемъ того, что община является значительнымъ тормазомъ для введенія улучшеній. Мы остановимся здѣсь только на одномъ такомъ сообщеніи, именно статьѣ г. В. Гурвича ¹⁾. Г. Гурвичъ сообщаетъ о травосѣянніи на крестьянскихъ земляхъ Кашинскаго уѣзда (Тверск. губ.), которое авторъ наблюдалъ при подворномъ статистическомъ изслѣдованіи уѣзда въ 70 общинахъ, что „составляетъ около 10% всѣхъ общинъ уѣзда“. Но и изъ этого числа 19 сѣютъ на приусадебныхъ земляхъ, потому мы оставимъ ихъ въ сторонѣ, такъ какъ ниже будемъ имѣть случай говорить объ этихъ земляхъ отдѣльно; затѣмъ 25 общинъ сѣютъ только на отдѣльныхъ, вѣтсѣвооборотныхъ участкахъ (пустошахъ) „или же, хотя на полевыхъ участкахъ, но на такихъ, которые находятся въ отдаленности отъ большихъ полей“, — другими словами, — не подлежатъ пастбѣ на нихъ скота. Остальныя сѣютъ на полевой землѣ, но только 10 во всѣхъ трехъ поляхъ, а остальныя „пока“, говоритъ авторъ, въ одномъ полѣ. Но затѣмъ оказывается, что и изъ этихъ 10 у одной уже травосѣянне разстроилось, вслѣдствіе того, что мало-сильные хозяева, не сѣявшіе клеверъ, стравливали его своимъ скотомъ. Точно также разстроилось уже, просуществовавъ 2 года, травосѣянне въ одной изъ

¹⁾ «Общинное землевладѣніе и интензивная культура». «Юр. Вѣстн.» 1890 г. №№ 2-й и 4-й.

общинъ, сѣющихъ клеверъ на отдѣльномъ полѣ, какъ только это поле понадобилось ввести въ общій сѣвооборотъ. Въ числѣ „общинъ“ послѣдняго рода оказывается, кромѣ того, одна совсѣмъ „не община“, а деревня, въ которой „форма землевладѣнія подворная, но черезполосная“.

На сколько эти факты могутъ опровергнуть мнѣнiе, что община препятствуетъ развитiю земледѣльческой культуры, видно отчасти уже изъ сказаннаго, но кромѣ того надо имѣть въ виду еще слѣдующее.

По сообщенiю самого г. Гурвича, въ Кашинскомъ уѣздѣ уже въ 1848 году были помѣщики, которые сѣяли клеверъ; слѣдовательно, крестьяне уже очень давно имѣли случай ознакомиться съ культурой этого растенiя. И теперь „громадное большинство общинъ, сѣющихъ клеверъ, состоитъ изъ крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ“. Затѣмъ, оказывается, что, хотя данная по уѣзду не вполне еще разработана, — тѣмъ не менѣе, авторъ утверждаетъ, что посѣвъ клевера на купленныхъ земляхъ „практикуется... въ широкой степени“. Наконецъ, условiя на аренду частновладѣльческихъ земель „полны самыхъ тщательныхъ указанiй“ относительно сѣвооборота, при чемъ „часто встрѣчаются и указанiя на обязательство сѣять клеверъ“. Крестьяне и охотно арендуютъ участки владѣльцевъ клеверъ, платя иногда „до 40 рублей за десятину перваго укоса“.

Все это показываетъ, что крестьяне не только давно знаютъ, какъ обращаться съ клеверомъ, но и давно уже оцѣнили его достоинство. А между тѣмъ, только въ послѣднее десятилѣтiе (съ 1880 года) распространенiе посѣвовъ клевера дѣлается болѣе или менѣе замѣтнымъ. Да и что же это за посѣвы!

Мы видѣли, что ровно половина всѣхъ общинъ сѣетъ на отдѣльныхъ запольныхъ участкахъ, такихъ, на которыхъ выгонъ скота невозможенъ; а это уже само по себѣ свидѣтельствуетъ, что общинное землепользованiе съ выгонами по пару и жнивью стѣсняетъ распространенiе этихъ посѣвовъ. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ рассказываетъ о посѣвахъ во всѣхъ трехъ поляхъ, это отнюдь не должно понимать въ томъ смыслѣ, будто все поле (озимое) данного года занимается клеверомъ. Нѣтъ; подъ этимъ слѣдуетъ только разумѣть, что въ каждомъ изъ полей отведены для этого ничтожные клочки. Въ одномъ изъ наиболѣе давно практикующихъ такіе посѣвы селенiй (Фаладино-Аладино), напр., подъ клеверомъ находится около 9% площади посѣвовъ (13¹/₂ дес. клевера перваго и втораго укоса на 41 дворъ). Такая ничтожная величина посѣва обуславливается здѣсь вовсе не тѣмъ, что большее количество корма не могло бы быть использовано, а только тѣмъ, что пастба не допускается только на этой ничтожной части всего поля, да кромѣ того, и рискъ потерять плоды своихъ трудовъ по улучшенiю земли былъ бы слишкомъ великъ. Передѣлы же, какъ увѣряетъ насъ авторъ сообщенiя, практиковались, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и послѣ введенiя травосѣяния. Къ сожалѣнiю, авторъ умалчиваетъ, какъ же поступили крестьяне съ участками, занятыми клеверомъ? По аналогiи съ встрѣчающимися въ другихъ случаяхъ фактами (напр., при удобренiи части полей въ черноземной полосѣ), мы должны думать, что клеверница были оставлены за ихъ прежними владѣльцами; это, разумѣется, возможно только до тѣхъ

порь, пока эти клеверища составляют ничтожную часть общей площади, и было бы совершенно невозможно, если бы вся причитающаяся на надѣль даннаго двора доли полевой земли въ извѣстномъ клину сѣвооборота была занята клеверомъ. Вотъ эта-то невозможность удержать за собою улучшенный клеверомъ участокъ и побуждаетъ вести травосѣяніе въ такомъ микроскопическомъ размѣрѣ ¹⁾.

Но точно также и случай или два, въ которыхъ, по указанію г. Гурвича, травосѣяніе послѣ введенія должно было быть оставлено, убѣждаетъ насъ, что община является помѣхой улучшенію. Въ одномъ случаѣ, какъ сказано, посѣвъ брошенъ, потому что несѣяшіе малосильные хозяева стравливали клеверъ; въ другомъ—помѣхой послужило введеніе отдѣльнаго прежде поля въ общій сѣвооборотъ, т. е. въ обоихъ случаяхъ общинное землепользованіе. Замѣтимъ еще, что разбираемый случай указываетъ, между прочимъ, что одно многоземелье, или иначе—увеличеніе надѣловъ, не облегчитъ введеніе улучшеній; въ числѣ практикующихъ травосѣяніе общинъ немного относительно хорошо обеспеченныхъ государственныхъ крестьянъ (10 изъ 70), да и имѣю-

¹⁾ Въ случаѣ, рассказанномъ г. Энгельгардтомъ (см. выше), нельзя говорить о травосѣяніи на общинныхъ земляхъ, такъ какъ тамъ дѣло идетъ о покупной землѣ и хотя въ покупкѣ участвовали всѣ домохозяева общины, но, какъ извѣстно изъ массы сообщеній о подобныхъ покупкахъ, крестьяне и въ этихъ случаяхъ пользуются покупной землей на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ надѣльной, хотя и владѣютъ черезполосно. Обыкновенно здѣсь не практикуется не только коренныхъ передѣловъ, съ уменьшеніемъ долей отдѣльныхъ пайщиковъ пропорціонально уменьшенію числа душъ въ семьѣ, но даже и переворотокъ, т. е. отвода долей прежняго размѣра на новыхъ мѣстахъ.

щихъ полный надѣль (4 дес.) бывшихъ помѣщичьихъ только 20 общинъ; всѣ остальные принадлежатъ къ имѣющимъ надѣль ниже высшей нормы (4 десятины).

XI.

Хозяйство на усадебныхъ земляхъ также подтверждаетъ вредъ передѣловъ. Смѣшеніе понятій: «общинное землевладѣніе» и «общинное землепользованіе». Новѣйшіе защитники общины.

Мы не ставимъ своей задачей разборъ всѣхъ приведенныхъ pro и contra общины мнѣній, такъ какъ это потребовало бы цѣлаго тома, даже если бы ограничиться только разсмотрѣніемъ наиболѣе выдающихся изъ нихъ. Считаемъ, однако, необходимымъ остановиться еще на одномъ аргументѣ, который приводился въ доказательство того, что общинное владѣніе или, точнѣе, общинное землепользованіе съ періодическими передѣлами по душамъ не препятствуетъ введенію болѣе интенсивныхъ культуръ въ родѣ огородныхъ, промышленныхъ и садовыхъ растений. Такъ, напр., г. Соколовскій ¹⁾ желаетъ почерпнуть доказательство этого положенія въ порядкѣ пользования усадебными и приусадебными землями. Опираясь, главнымъ образомъ, на свѣдѣнія, добытыя земскими статистическими изслѣдованіями, особенно довольно старымъ уже изслѣдованіемъ покойнаго В. И. Орлова, г. Соколовскій указываетъ, что приусадебныя земли также передѣляются во многихъ случаяхъ, какъ и полевые, тѣмъ не менѣе, на нихъ разводятся то огородныя

¹⁾ «О формахъ владѣнія усадебной землей у великорусскихъ крестьянъ и ея культурѣ». Труды Вол. Эк. Общ. 1886 г. № 4 и 5-й.

овоци, то промышленныя растенія (конопля, табакъ, подсолнечникъ), то, наконецъ, даже плодовые сады.

Разсматривая приводимые авторомъ факты и самыя матеріалы, изъ коихъ они заимствованы, мы не можемъ согласиться съ выводомъ почтеннаго изслѣдователя. Во-первыхъ, оказывается, что, хотя передѣлы усадебныхъ земель, — огородовъ и даже дворовыхъ мѣстъ, — дѣйствительно практикуются во *многихъ* случаяхъ, однако *далеко не вездѣ*. Последнее обстоятельство авторъ старается объяснить давленіемъ администраціи и вліяніемъ ст. 110 положенія, по которой усадьбы признаются личной семейной собственностью крестьянъ. На дѣлѣ, однако, статья эта, какъ признаетъ и самъ г. Соколовскій, гораздо чаще совершенно неизвѣстна крестьянамъ и земскіе статистики указываютъ, что во многихъ случаяхъ совсѣмъ не возбуждалось даже вопроса о передѣлахъ усадебныхъ мѣстъ собственно, т.-е. двора, да и пріусадебныя земли (огороды) тоже часто не подвергаются совсѣмъ передѣламъ; можно даже сказать, что это имѣло мѣсто во всѣхъ случаяхъ, когда у общины была какая-нибудь возможность отводить новымъ дворамъ усадьбы (напр., на выгонахъ и т. п. мѣстахъ), не нарушая правъ старыхъ домохозяевъ. Въ-третьихъ, авторъ отождествляетъ, повидимому, семейныя раздѣлы съ общинными передѣлами, что очевидно неправильно. При раздѣлѣ усадьбы между членами одной семьи, конечно, не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо вознагражденіи прежняго владѣльца, большею частью отца, со стороны новыхъ владѣльцевъ — дѣтей. Въ-четвертыхъ, авторъ считаетъ фактическій раздѣлъ (перемежеваніе участковъ) равнозначущимъ раздѣлу, такъ сказать, идеальному, при

которомъ вновь образованная семья, вмѣсто части пріусадебной земли, удовлетворяется, напр., полевой землей въ томъ или другомъ размѣрѣ, или даже деньгами. Разсказавъ одинъ случай такого уравненія (с. Ундоры, Симбирской губерніи и уѣзда), авторъ торжественно заключаетъ: «Принципъ общиннаго землевладѣнія былъ такимъ образомъ возстановленъ». Да, скажемъ мы, принципъ общиннаго землевладѣнія такимъ образомъ дѣйствительно возстановляется, но нарушается принципъ общиннаго землепользованія.

Пользуемся этой неточностью или обмолвкой автора, чтобы остановить вниманіе читателя на разницѣ терминовъ «землевладѣніе» и «землепользованіе», слишкомъ часто еще смѣшиваемыхъ. Если прислушаться къ спорамъ по поводу общины, то очень часто, — чтобы не сказать всегда, — можно придти къ выводу, что вся война между защитниками общины и противниками ея сводится, если не исключительно, то главнымъ образомъ къ тому, что одни говорятъ о неудобствахъ и вредѣ общиннаго *землепользованія*, при томъ именно даннаго рода землепользованія, а другіе возражаютъ указаніемъ на необходимость удержанія общиннаго *землевладѣнія*, въ виду приверженности крестьянъ къ этой формѣ *владѣнія* и тѣхъ опасностей, какія представляетъ частное землевладѣніе. Принципъ общиннаго землепользованія состоитъ въ правѣ каждаго родившагося въ общинѣ работника получить извѣстное пространство земли, съ цѣлью именно приложенія своей рабочей силы. Очевидно, что для осуществленія этого права необходимо реальный отводъ (или захватъ) извѣстнаго участка, на которомъ работникъ и прилагаетъ свою

рабочую силу ¹⁾). Такимъ образомъ, самый размѣръ права каждаго общинника измѣряется его рабочей силой. Но вполне соответственно рабочей силѣ право общиннаго землепользованія осуществляется только на той стадіи развитія, когда площадь владѣнія общины на столько обширна, что всякій можетъ захватывать земли столько, сколько осилить обработать. Это, слѣдовательно, тотъ періодъ, который называется періодомъ захватнаго владѣнія (точнѣе — пользованія), и который удерживается въ настоящее время въ чистомъ видѣ едва-ли не въ одной Сибири только, да и тамъ, подъ давленіемъ переселенцевъ, быстро переходитъ въ російскій способъ пользованія съ передѣлами земли по той или другой нормѣ. При передѣлахъ принципъ общиннаго землепользованія сохраняется до нѣкоторой степени только до тѣхъ поръ, пока практикуется такъ-называемая потягольная развертка, т. е. пропорціональная (хотя и не вполне соответственная, какъ было при захватномъ пользованіи) рабочимъ силамъ хозяйства. Напротивъ, развертка по ревизскимъ или даже наличнымъ душамъ, не отвѣчаетъ вполне принципу „каждому по силамъ“, и „по мѣрѣ силъ и средствъ рабочихъ“ какъ характеризовалъ форму захватнаго владѣнія одинъ изъ первыхъ изслѣдователей сѣверной общины ²⁾, каковая характеристика есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, характеристика общиннаго принципа зем-

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ, слѣд., общинный принципъ не можетъ противопоставляться «трудовому началу», каковое противоположеніе, какъ извѣстно, проводится г-жей А. Ефименко въ ея работахъ объ общинѣ.

²⁾ Л.—шъ. «Сельская община въ Олонецкой губерніи». «От. Зап.» 1874 г. № 2-й.

лепользованія. Замѣтимъ, что уже Кавелинъ говорилъ („Крестьянскій вопросъ“) по существу то же самое, смѣшивая только термины „владѣніе“ и „пользованіе“. Онъ говоритъ именно: „мы ложно понимаемъ общинное землевладѣніе. Всѣ почему-то увѣрены, что оно опредѣляетъ право крестьянъ на землю; а между тѣмъ... общинное землевладѣніе устанавливаетъ не право на землю, а только извѣстный способъ владѣнія и пользованія ею“. Здѣсь именно произошло смѣшеніе терминовъ: *общинное землевладѣніе*, конечно, устанавливаетъ, — въ противность утвержденію Кавелина. — *право на землю*, и именно *право владѣнія* ¹⁾ и въ этомъ смыслѣ не имѣетъ никакого отношенія къ способу пользованія. Собственно о правѣ *владѣнія* отдѣльнаго члена при первобытномъ строѣ и рѣчи быть не можетъ, ибо здѣсь, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Кавелинъ, „право на землю было одною изъ принадлежностей правъ члена общества: съ нимъ оно возникало, съ нимъ и оканчивалось“. Это слѣдуетъ, между прочимъ, изъ того, что выселяющіеся никогда не получали никакого вознагражденія отъ общины за землю, которую они оставляютъ, — что непременно должно бы имѣть мѣсто, если бы за ними признавалось право владѣнія землею, а не право пользованія только ею во время фактическаго ихъ пребыванія въ общинѣ ²⁾). Тене-

¹⁾ Намъ безъизвѣстно, что юристы отличаютъ право владѣнія отъ права собственности; но именно по отношенію къ землѣ существуетъ чрезвычайная неясность въ различіи терминовъ и подъ именемъ «землевладѣнія» разумѣется чаще всего право собственности на землю.

²⁾ И теперь еще общины часто лишаютъ владѣльцевъ выселяющихся въ города. См. В. Е. Постниковъ. «Южнорусское крестьянское хозяйство». Москва. 1891.

решній способъ пользованія, съ передѣлами, Кавелинъ признаетъ продуктомъ крѣпостнаго права и стѣсненія свободы переселеній, возникшаго благодаря этому праву. Прибавимъ, что по скольку этотъ способъ пользованія проявляется у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, онъ есть также результатъ государственныхъ мѣропріятій.

Пока передѣлы происходятъ хотя и насильственно, но все же раздѣлъ производится потягольно, т. е. пропорціонально рабочей силѣ, до тѣхъ поръ принципъ общиннаго землепользованія нарушается—только по столько, по скольку данная пропорція земли не вполне соотвѣтствуетъ рабочей силѣ той или другой семьи, что зависитъ уже не отъ воли общины, а отъ внѣшнихъ причинъ, каковы: стѣсненіе землепользованія и тяжесть налоговъ, дѣлающая изъ землепользованія не право, а обязанность.

Но уже въ 70-хъ годахъ В. И. Орловъ засвидѣтельствовалъ, что „тамъ... гдѣ платежи, лежащіе на землѣ, слишкомъ высоки, подушная разверстка уступаетъ мѣсто потягольной, а тамъ, гдѣ доходность земли не ниже лежащихъ на ней платежей, является подушная разверстка“¹⁾. Съ тѣхъ поръ,

¹⁾ Это извѣстіе вполне подтвердилось послѣдующими изслѣдованіями въ другихъ губерніяхъ. Г. В. В. («Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики». Т. I) совершенно неправильно называетъ потягольную разверстку разверткой «по производительной нормѣ» и еще болѣе неправильно—развертку по ревизскимъ душамъ—разверткой «по потребительной нормѣ». Последнее, впрочемъ, онъ самъ сознаетъ; однако, онъ находитъ, что переходъ отъ тягольной къ ревизской разверсткѣ слѣдуетъ считать этапомъ въ процессѣ «эволюціи идеи равенія». «Считая землицей, божьей, государевой», говоритъ почтенный философъ народничества, «зная, что ея размѣрами опредѣляется благосостояніе семьи,

какъ извѣстно, платежи были понижены и во многихъ случаяхъ весьма значительно, а потому мы можемъ предположить съ большимъ вѣроятіемъ, что даже и въ Московской и вообще въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ и практиковалась потягольная разверстка въ значительномъ числѣ случаевъ, она уже почти совершенно исчезла; въ черноземныхъ же губерніяхъ она, какъ извѣстно, никогда не имѣла большого распространенія. (Впрочемъ, подобіе ея указывалось, напр., Трироговымъ въ статьѣ „Община—типъ“ („От. Зап.“ 1879 № 9), гдѣ сообщаются факты изъ жизни общинъ Саратовской губерніи¹⁾); въ понятіе о рабочей силѣ входило въ данномъ случаѣ не только число лицъ рабочаго возраста, но и количество рабочихъ животныхъ, что можно въ извѣстной мѣрѣ признавать наиболѣе соотвѣтствующимъ первобытному представленію о рабочей силѣ). Не входя здѣсь въ изслѣдованіе причинъ этого, довольно общезвѣстнаго факта, мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать тотъ выводъ, что чисто-общинное землепользованіе во многихъ, или, скорѣе, въ большинствѣ случаевъ давно уже не примѣняется даже къ полевымъ землямъ. Способы же раздѣла пріусадебныхъ участковъ, гдѣ допускается почти всегда замѣна ол-

крестьяннигъ естественно приходитъ къ мысли о распредѣленіи этого божьяго дара между всѣми, пропорціонально потребностямъ каждаго».

¹⁾ Въ земскихъ статист. сборникахъ, которые для черноземной полосы начали появляться только въ 80-хъ годахъ, встрѣчаются указанія, что кое-гдѣ *прежде* развертывали земли потягольно, но когда платежи понизились, а главное—арендная плата сильно возрасла, то этотъ способъ разверстки былъ оставленъ и замѣненъ разверсткой по ревизскимъ душамъ—чаще всего, а иногда и по папичнымъ душамъ одного или обонхъ людей.

ного рода угодьями другими, а нерѣдко и прямая плата за пользованіе излишнимъ, не соответствующимъ расчету пространствомъ земли, — совсѣмъ уже не могутъ быть названы общинной формой землепользованія. Очевидно, плата деньгами (да даже и замѣна огородной земли полевой) есть ничто иное, какъ признаніе за получающимъ деньги права владѣнія, права на полученіе ренты; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ данномъ случаѣ, платежъ ренты представляетъ, такъ сказать, отрицаніе права рентьера на пользованіе землею или отказъ его отъ этого права ¹⁾. Принципъ общиннаго землепользованія, словомъ, рѣзко нарушается. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что входитъ въ обычай или устанавливается закономъ платить вновь нарождающимся членамъ соответствующую ихъ идеальной долѣ въ общинномъ владѣніи ренту, не уступая фактически никакой доли общинной земли въ ихъ пользованіе. Къ какому результату приведетъ такая мѣра? Окажется, что одна часть сообщинниковъ является просто землевладѣльцами-рентьерами, а другая — настоящими земледѣльцами-хозяевами, частью собственниками, частью арендаторами. Стѣдовательно, вмѣсто равенства правъ всѣхъ членовъ, явится полное противоположеніе правъ и интересовъ различныхъ группъ.

Что такой классъ рентьеровъ можетъ вырождаться изъ нашихъ общинниковъ, это доказываютъ и нѣкоторые уже констатированные факты. Г. Кейслеръ

¹⁾ Въ цитируемомъ г. Слонимскимъ (охрана крестьянскаго землевладѣнія стр. 11), рѣшеніи сената сдача общинникомъ своей земли въ аренду толкуется даже какъ противорѣчащая общинному владѣнію. Здѣсь тоже принципъ владѣнія, кажется намъ, недостаточно ясно отдѣленъ отъ принципа пользованія.

въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи объ общинѣ ¹⁾ пришелъ даже къ выводу, что у насъ складывается особый видъ общины съ общиннымъ пользованіемъ на подворномъ правѣ, причѣмъ фактически пользуется землею только извѣстное число дворовъ, съ опредѣленнымъ размѣромъ владѣнія (пользованія) каждый; новые же члены обеспечиваются или должны будутъ обеспечиваться въ будущемъ или покупкой для нихъ земли, или денежнымъ вознагражденіемъ. Фактически является, слѣдовательно, аренда общинныхъ земель, что не только не соответствуетъ принципу общиннаго землепользованія, но грозитъ превратить нынѣшнихъ общинниковъ значительной частью въ арендаторовъ, ибо нужно имѣть въ виду, что сдающіе надѣлы не будутъ имѣть основанія понизить свои требованія и тогда, когда выкупъ окончится, и такимъ образомъ, они явятся въ роли рентьеровъ относительно своихъ сообщинниковъ, которые будутъ играть роль арендаторовъ.

Возвращаясь къ г. Соколовскому, замѣтимъ, что, помимо указаннаго, авторъ, приравнивая передѣлы усадебныхъ земель къ передѣламъ полевыхъ, упускаетъ изъ виду сроки передѣловъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ приведенные имъ факты передѣловъ усадебъ въ черноземной (да въ значительной степени и въ нечерноземной) полосѣ совершенно непригодны для доказательства его положенія, ибо здѣсь (на черно-

¹⁾ Joh. v. Keussler. Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland. 3 тома. Спб. 1876—87. Въ названномъ выше сочиненіи В. Е. Постникова находимъ факты, подтверждающіе какъ этотъ взглядъ Кейслера, такъ и образованіе группы общинниковъ-рентьеровъ. См. также Борисовъ: «Изслѣдованіе 7 волостей Тульского уѣзда».

земль) весьма часто еще передѣлы, или скорѣе, переверстки полевой земли происходятъ ежегодно или очень часто; передѣлы же усадебъ, по всѣмъ общинамъ до сихъ поръ свѣдѣніямъ, совершаются, безъ всякаго исключенія, крайне рѣдко, если имѣютъ вообще мѣсто, а не замѣняются платой, — что, какъ мы только что объяснили, никакъ нельзя отождествлять съ фактическимъ раздѣломъ. Такіе передѣлы имѣютъ мѣсто чаще всего послѣ большихъ пожаровъ, уничтожающихъ до тла цѣлыя селенія и притомъ, какъ приводитъ и г. Соколовскій, вызываются въ это время отчасти требованіемъ соответствующихъ властей — выполнить указанія строительнаго устава относительно расположенія построекъ. Кромѣ того, самый способъ замѣны всей или части причитающейся двору приусадебной (огородной) земли полевой, долженъ усиливать стремленіе къ передѣлу, ибо вводитъ черезполосицу въ такія интенсивныя угодыя, какъ огородъ или садъ и, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ передѣлъ избирается какъ меньшее изъ двухъ золъ.

Въ концѣ концовъ, мы приходимъ къ заключенію, прямо противоположному заключенію г. Соколова. Мы думаемъ, что самый фактъ помѣщенія интенсивныхъ культуръ исключительно на огородахъ говоритъ за то, что передѣлы, всегда болѣе частыя относительно полевой, чѣмъ относительно огородной земли, препятствуютъ улучшенію земельной культуры въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Только давленіемъ современнаго порядка общиннаго землепользованія можно объяснить, напр., тотъ фактъ, что крестьяне Курской и другихъ губерній, въ мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ свеклосахарными заводами,

разводятъ свеклу исключительно на огородахъ (конопляникахъ). Этотъ фактъ нельзя объяснить даже привычкой, рутинной (какъ это можно сказать относительно конопли), ибо до основанія заводовъ крестьяне здѣсь совсѣмъ не разводили свеклы и самой культурѣ ея они научились у крупныхъ землевладельцевъ-заводчиковъ, у которыхъ свекла, безъ исключенія, всегда сѣется въ правильномъ плодосмѣнномъ сѣвооборотѣ. Потому, съ самаго начала крестьяне, безъ сомнѣнія, видѣли, что правильнѣе было бы сѣять свеклу на полевыхъ участкахъ, и если они, тѣмъ не менѣе, не дѣлаютъ этого, то это объяснимо только тѣмъ, что необходимыя для такого посѣва — обработку и удобреніе, рискованно производить на полевой землѣ, которой каждый день можно лишиться, даже полностью, чего никогда не бываетъ относительно огородной; кромѣ того, этому препятствовала и болыная отдаленность полевыхъ земель и невозможность веденія правильнаго сѣвооборота, обусловливаемая также общиннымъ пользованіемъ.

Нужно сказать, что и извѣстный апологетъ общины, г. В. В., въ своемъ новомъ трудѣ ¹⁾ для доказательства положенія, что общинные порядки не препятствуютъ прогрессу земледѣльческой техники, пользовался, главнымъ образомъ, аргументами г. Посникова и фактами, приведенными г. Гурвичемъ и другими, подобными же. Во всей аргументаціи автора интересна только попытка, что называется, — вывернуть дѣло наизнанку. „Приведенными случаями и соображеніями, — говоритъ авторъ (стр. 203), —

¹⁾ «Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ». Спб. 1892.

обнаруживается лицевая сторона того свойства общины, которое до сихъ поръ было намъ извѣстно лишь своей изнанкой; мы говоримъ о стѣсненіи индивидуальной дѣятельности. При полной свободѣ сѣвооборота, травосѣяніе и многопольное хозяйство явилось бы на крестьянской землѣ, можетъ быть, раньше, чѣмъ мы это наблюдаемъ въ настоящее время. Но его распространеніе совершалось бы медленно и даже когда большинство даннаго поселенія приняло новый сѣвооборотъ—отсталое меньшинство извѣстное время держалось бы трехполья“. Повидимому, въ глазахъ автора, эта отсталость меньшинства представляетъ на столько важное обстоятельство, что для уничтоженія его можно согласиться на то, чтобы большинство повременило нововведеніями десятокъ-другой лѣтъ. „При обязательномъ сѣвооборотѣ,—говоритъ г. В. В.,—достаточно (??!) убѣдить большинство членовъ общины въ выгодахъ извѣстнаго преобразования и послѣднее можетъ вестись повсемѣстно“. Прежде всего замѣтимъ, что изъ приведенныхъ сейчасъ фактовъ видно, что и при согласіи большинства членовъ общины меньшинство можетъ препятствовать нововведенію, какъ это дѣлали, напр., маломощные крестьяне, по указаніямъ г. Гурвича, стравливавшіе клеверъ. Слѣдовательно, убѣдить большинство еще недостаточно для того, чтобы дѣйствительно всѣ общинники приступили къ улучшенію, и, мало этого, не приступившіе къ нему могутъ воспрепятствовать и большинству ввести его. А далѣе, спрашивается, если бы даже предположеніе автора было вѣрно, то сколько же времени нужно для убѣжденія большинства? Конечно, если для этого требуется 1—2 года, то съ

этимъ еще можно мириться, но мы видимъ на дѣлѣ, что при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для этого требуются цѣлыя десятилѣтія, а за это время, при продолжающемся рутинномъ веденіи дѣла, и убѣждающіе, и убѣждаемые могутъ (или, скорѣе, должны) разориться. При свободѣ же распоряженія оказалось бы, что принявшіе новые порядки богатѣютъ, а остающіеся при старыхъ порядкахъ—бѣднѣютъ. Это, безъ сомнѣнія, явилось бы несравненно сильнѣйшимъ аргументомъ, чѣмъ всякія убѣжденія. Во всемъ мірѣ считается банальной истиной, что лучшимъ способомъ для убѣжденія массъ является демонстрація *ad oculos*. Но наши народники все еще сохраняютъ вѣру въ то, что мы, русскіе, и особенно „общинная Русь“—представляемъ совсѣмъ особенный народъ, для котораго примѣръ другихъ народовъ не доказателенъ. Г. В. В., напр., цитируетъ брошюру проф. Тарасова („Интенсивное хозяйство и сельскохозяйственная политика“), гдѣ, между прочимъ, указано, что даже бельгійское правительство, въ видахъ пропаганды извѣстныхъ улучшеній, вынуждено устраивать демонстративныя поля, не смотря на то, что „убѣжденія“ исходятъ здѣсь не отъ полуграмотныхъ или вовсе безграмотныхъ, а отъ специалистовъ дѣла, и обращаются къ несравненно болѣе культурному населенію, чѣмъ наши крестьяне, и послѣ этого все же находятъ возможнымъ утверждать, что для нашихъ общинниковъ достаточно убѣжденія.

Какое значеніе можетъ имѣть наглядность въ дѣлѣ введенія улучшеній показываетъ слѣдующій характерный фактъ. „Село Большія Копани, Днѣпровскаго у.“—говоритъ В. Е. Постниковъ (1. с. р.

365) — „поражаетъ обиліемъ своихъ садовъ, виноградниковъ и деревьевъ при усадьбахъ... и такое необычное развитіе садоводства, начавшееся не болѣе, какъ 30 лѣтъ назадъ, обязано своимъ возникновеніемъ мѣстному крестьянину, обучавшемуся садоводству... у колониста Вибе. Онъ первый развелъ у себя садъ и сначала жители села относились... недоброжелательно къ его предпріятію. Проходя мимо его усадьбы, каждый считалъ своимъ долгомъ сорвать съ дерева вѣтку, вообще какъ можно болѣе напакостить, грозили даже собраться цѣлымъ обществомъ и уничтожить его садъ; но... скоро къ нему стали обращаться сосѣди за совѣтомъ и указаніемъ, просили у него отростковъ и стали сами по его примѣру заводить сады. Теперь у каждаго почти крестьянина въ В. Копаняхъ есть небольшой садъ“.

Этотъ случай ярко рисуетъ намъ значеніе личной инициативы и вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе права полного распоряженія участкомъ. Очевидно, если бы улучшеніе касалось полевой земли, а не усадебной, то оно не могло бы имѣть успѣха при правѣ общины запретить его и при томъ отношеніи къ дѣлу односельцевъ инициатора, какое существовало въ данномъ случаѣ. Улучшеніе не могло бы распространиться просто потому, что инициаторъ дѣла былъ бы лишень возможности наглядно показать своимъ односельцамъ его результатъ.

Но, сверхъ того, та обязательность принятія извѣстнаго улучшенія всѣми членами общины, которую г. В. В. ставитъ въ заслугу общиннымъ порядкамъ, далеко не всегда можетъ оказаться благодѣтельной. Весьма возможны случаи, когда благодѣтельная для большинства мѣра окажется гибельной

для меньшинства или, по крайней мѣрѣ, далеко не выгодной. Представьте себѣ, что община декретировала, чтобы каждый хозяинъ занялъ извѣстную часть поля рѣпой, свеклой или инымъ корнеплодомъ. Большинство общины, имѣющее въ составѣ семей значительное число малолѣтковъ и подростковъ, извлекаетъ изъ этой культуры большіе барыни, такъ какъ, съ одной стороны, эксплуатируетъ неполно-возрастныхъ членовъ семьи, съ другой — получаетъ значительное количество корма для молочнаго скота, содержамаго, главнымъ образомъ, въ видахъ правильного питанія подрастающаго поколѣнія. Меньшинство, имѣющее иной семейный составъ, съ меньшимъ числомъ дѣтей и подростковъ, будучи вынуждено примѣнять при культурѣ корнеплода трудъ взрослыхъ членовъ семьи и не нуждаясь ни въ такомъ количествѣ молока, какое можно получить при скармливаніи корнеплода, ни даже, можетъ быть, и вообще въ такомъ количествѣ корма (желая, напри- мѣръ, замѣнить навозъ фосфоритами и другими искусственными туками при посѣвѣ травъ) оказало бы въ двойномъ убыткѣ: полновозрастные рабочіе, замѣняя по необходимости подростковъ, выработывали бы на сторонѣ значительно болѣе того, что стоитъ ихъ работа на культурѣ корнеплода, а продуктъ (молоко), получаемый въ хозяйствѣ, некуда было бы дѣвать или онъ долженъ былъ бы продаваться по несоответственно-низкой цѣнѣ.

Наконецъ, не надо забывать, что пока въ земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ вообще сохраняется много ремесленнаго, пока земледѣлецъ, для достиженія желательнаго результата, долженъ не только *знать* — какъ сдѣлать то или другое, но и *умѣть*

произвести известную работу, до тѣхъ поръ въ организациі каждаго земледѣльческаго хозяйства будетъ играть роль индивидуальность хозяина, его личные способности и наклонности. Въ силу этого, всякая шаблонность и принудительность, хотя бы и имѣющая самыя благія намѣренія, будетъ отзываться вредно, ибо всегда окажется большее или меньшее число хозяевъ, для которыхъ данный шаблонъ негоденъ, просто въ силу ихъ личныхъ качествъ. Значить, разсужденіе г. В. В. о благодѣтельности принужденія совершенно не выдерживаетъ критики.

Если таковы аргументы, приводимые главными защитниками общины и современнаго способа пользованія общинными землями, то не болѣе того найдемъ мы и у ихъ послѣдователей. Послѣдніе часто договариваются до такихъ положеній, которыя едва-ли принесутъ пользу защищаемому ими дѣлу. Вотъ напримѣръ, какъ разсуждаетъ г. Д. Протопоповъ¹⁾, стремясь опровергнуть указанія на вредъ передѣловъ. „Развѣ можно считать неопредѣленный срокъ или ежегодный передѣлъ какимъ-либо основнымъ, существеннымъ признакомъ общиннаго землевладѣнія?“ восклицаетъ авторъ, какъ будто онъ уже доказалъ, что „опредѣленные“ сроки передѣловъ всеѣмъ не вредны, тогда какъ онъ даже и не пытался сдѣлать это. Но лучше всего опредѣленіе общиннаго владѣнія, которое даетъ г. Д. Протопоповъ. „Общинное владѣніе“, по его мнѣнію, „опредѣляется слѣдующими признаками: права на землю всѣхъ членовъ, *подходящихъ подъ известную кате-*

¹⁾ «Агрономическіе противники общины» («Русское Богатство», № 7, 1893 г.).

горію, устанавливаемую самимъ сельскимъ сходомъ (напримѣръ всѣ ревизскія души, всѣ наличныя, всѣ работники и т. д.) и вытекающимъ отсюда (откуда?) правомъ устранять неравенство и правомъ измѣнять порядокъ пользованія землей“. Не говоря уже о томъ, что это опредѣленіе фактически невѣрно, ибо сельскій сходъ не имѣетъ никакого права лишать земли кого-либо изъ родившихся въ общинѣ мужчинъ, кромѣ указанныхъ въ законѣ случаевъ, и тѣ категории, которыя называетъ авторъ, суть категории для *распределенія* земли, а не для опредѣленія права на землю,—не говоря объ этомъ, мы находимъ, что само это опредѣленіе подтверждаетъ то, что авторъ желалъ опровергнуть. Если дѣйствительно общинѣ, какъ таковой, принадлежитъ „право измѣнять порядокъ пользованія землею“, а до изданія послѣдняго закона (объ ограниченіи передѣловъ) право это было совершенно неограниченно, то изъ этого слѣдуетъ, прежде всего, что община или сельскій сходъ во всякую данную минуту можетъ измѣнить свое прежнее постановленіе о срокѣ пользованія землею и приступить къ передѣлу. Многочисленные примѣры такихъ измѣненій можно найти во всѣхъ земскихъ сборникахъ, и еще болѣе того: почти всѣ изслѣдователи общины и тѣ же земскіе статистики единогласно подтверждаютъ, что всѣ раздѣлы земли „на вѣчно“—совершенно фиктивны, и крестьяне сами заявляютъ, что это не можетъ воспрепятствовать произвести вновь передѣлъ этихъ земель. А это и значить, въ концѣ концовъ, что общинное владѣніе по принципу не допускаетъ опредѣленія срока пользованія землей. Но, конечно, и здѣсь опять мы встрѣчаемся съ тѣмъ самымъ смѣшеніемъ

понятій „землевладѣнія“ и „землепользованія“, на которое уже указывали выше.

Не менѣе странно еще одинъ аргументъ, весьма часто приводимый защитниками современныхъ общинныхъ порядковъ; это именно то, что община, хоть бѣдно, а все же обеспечиваетъ всѣхъ наличныхъ своихъ членовъ. Къ сожалѣнію, этотъ аргументъ употребляетъ и такой солидный изслѣдователь, какъ г. Кейслеръ (I. с., т. II, в. I, стр. 125). Сравнивая, именно, положеніе хозяйства въ областяхъ съ частнымъ и общиннымъ землевладѣніемъ, онъ приходитъ къ выводу, что „кое-гдѣ“ въ первыхъ земледѣліе (т.-е. земледѣльческая техника) стоитъ выше, чѣмъ въ областяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ, и затѣмъ прибавляетъ, что это преимущество частного землевладѣнія „уравновѣшивается необеспеченнымъ существованіемъ безземельныхъ“.

Такое разсужденіе представляется намъ крайне страннымъ. Если идетъ рѣчь о высотѣ земледѣльческой техники, то, очевидно, присутствіе и отсутствіе безземельныхъ не можетъ ни понизить, ни повысить уровня техники. Съ другой стороны, если хотятъ опредѣлять значеніе той и другой формы землевладѣнія, какъ фактора, обусловливающаго высоту благосостоянія всего населенія государства, то одного указанія на существованіе или, скорѣе, возможность существованія безземельныхъ при данной формѣ землевладѣнія — также еще недостаточно. Нужно было доказать, во-1-хъ, что это явленіе невозможно при общинномъ землевладѣніи. Этого, очевидно, доказать нельзя, ибо факты показываютъ, что обезземеленіе возможно и при общинѣ ¹⁾. Во-2-хъ,

¹⁾ Фактически оно существуетъ вслѣдъ, а порховскіе крестьяне

нужно было доказать, что безземелье само по себѣ представляетъ зло, наличность котораго не покрывается выгодами лучшей земельной культуры. И этого, полагаемъ мы, доказать нельзя, по крайней мѣрѣ по скольку рѣчь идетъ объ обезземеленіи нѣкоторой части наличнаго крестьянскаго населенія Россіи, напримѣръ, на столько, чтобы процентъ земледѣльцевъ съ 85% понизился до 65% всего населенія, т.-е. чтобы образовалось, приблизительно, то отношеніе между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, какое существуетъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Если, благодаря такому уменьшенію численности крестьянства, будетъ достигнуто прочное обезпеченіе благосостоянія оставшихся земледѣльцевъ, то это, кажется намъ, предпочтительнѣе того равенія съ приведеніемъ всѣхъ къ нищенству, какое имѣетъ мѣсто въ настоящее время. Тогда государство могло бы, по крайней мѣрѣ, возвысивъ налоги съ состоятельныхъ земледѣльцевъ, сдѣлать нѣчто существенное для обезпеченія существованія обезземеленныхъ, напримѣръ, хотъ принять организацию переселенія ихъ на окраины съ надѣленіемъ землей; теперь же, какъ мы видѣли, стоимость этого мѣропріятія превышаетъ средства государства.

показали возможность его и юридически, если не теперь, то по окончаніи выкупа земель.

XII.

Длинноземелье при современномъ общинномъ землепользованіи и его вліяніе на земледѣльческое хозяйство, особенно въ черноземной полосѣ. Разселеніе большихъ поселковъ, какъ первый шагъ къ улучшенію земельной культуры.

Укажемъ теперь нѣкоторыя, сопровождающія общинное землевладѣніе неудобства, которыя обыкновенно совершенно игнорируются какъ защитниками, такъ и противниками общины, а между тѣмъ играютъ большую роль, особенно въ черноземной полосѣ, по отношенію къ нѣкоторымъ группамъ крестьянъ. Тотъ факторъ, который мы здѣсь главнымъ образомъ имѣемъ въ виду, получилъ названіе длинноземелья; въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно соединяется съ указанной Кавелинымъ въ вышеприведенной цитатѣ черезполосицей крестьянскихъ общинныхъ полей, частью другъ съ другомъ, частью съ землями сосѣднихъ частныхъ владѣльцевъ. Сколько намъ извѣстно, курскіе статистики первые ввели въ земскіе статистическіе сборники указаніе на наибольшее разстояніе полей отъ усадебъ. Здѣсь, очевидно, фактъ большой растянутости владѣній бросался черезчуръ рѣзко въ глаза, чтобы его можно было игнорировать или проглядѣть, и получалъ, къ тому же, особенно большое значеніе, благодаря господству малыхъ надѣловъ. Кромѣ того, здѣсь, рядомъ съ длинноземельемъ, являлась страшная раздробленность надѣла, благодаря черезполосицѣ крестьянскихъ надѣльныхъ земель съ землями другихъ владѣльцевъ. Но затѣмъ указанія на существованіе такого длин-

ноземелья и черезполосицы появились изъ всѣхъ черноземныхъ губерній. Приведемъ для иллюстраціи нѣсколько примѣровъ. Вотъ община въ Суджанскомъ уѣздѣ (Курской губ.), гдѣ дворъ имѣетъ 5,4 десятины всей земли, и эта земля находится въ 12 участкахъ, причемъ ближайшая полевая земля лежитъ въ 4 верстахъ, а наиболѣе отдаленная—въ 10 верстахъ отъ усадьбы (хут. Козачье Лопанскій, Замостянской волости). И это вовсе не исключительный случай и не худшій. Въ нѣкоторомъ смыслѣ еще худшій условія возникаютъ, когда община или селеніе достигаетъ большихъ размѣровъ, что вообщемъ не рѣдкость во всей черноземной полосѣ, какъ мы указывали уже выше. Въ наиболѣе рѣзкой формѣ это явленіе обнаруживается у бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Такъ, въ той же волости Суджанскаго уѣзда находимъ въ спискѣ подъ-рядъ пять селеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ съ населеніемъ отъ 111 до 497 надѣльныхъ домохозяевъ и съ максимальнымъ разстояніемъ полевой земли у всѣхъ въ 20 верстъ. Повторяемъ, подобные примѣры встрѣчаются массами во всѣхъ черноземныхъ губерніяхъ. Такъ, изслѣдователь Ставропольскаго уѣзда (Самарской губ.) насчитываетъ въ этомъ уѣздѣ 23 селенія, „у коихъ встрѣтилась извилистость земли (границы) и близость стороннихъ владѣній къ усадьбѣ“. Затѣмъ тамъ же 18 общинъ, у которыхъ „земля представляется въ видѣ ленты, гдѣ отношеніе длины къ ширинѣ несоразмѣрно увеличено (есть отношеніе 60 : 1)“. Этотъ недостатокъ проявляется въ рѣзкой формѣ и у крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, въ томъ случаѣ, когда селенія состоятъ изъ нѣсколькихъ общинъ, принадлежавшихъ прежде разнымъ владѣль-

памъ, потому онъ особенно распространенъ въ Курской и вообще въ центральныхъ губерніяхъ, но не играетъ большой роли въ Самарской губерніи. Однако, и здѣсь, въ Ставропольскомъ же уѣздѣ, извѣдователь насчитываетъ 18 общинъ, у которыхъ поля удалены далѣе 7 верстъ отъ усадебъ; но здѣсь это объясняется большими относительно надѣлами при значительномъ числѣ надѣльныхъ душъ въ селеніи, что встрѣчается, въ данномъ случаѣ, чаще всего у удѣльныхъ крестьянъ.

Мы не будемъ приводить много подобныхъ примѣровъ изъ разныхъ губерній, чтобы не обременять читателя массой цифръ. Ограничимся однимъ.

Слѣдующія двѣ таблицы, относящіяся къ Саратовскому уѣзду, кажется, достаточно характерны. (См. стр. 119 и 120).

Разсматривая эти таблицы, приходишь въ недоумѣніе: изъ первой оказывается, что государственные и удѣльные крестьяне надѣлены несравненно лучше (въ 2 и болѣе разъ), чѣмъ остальные разряды, имѣютъ и наибольшее количество скота и значительное количество доходныхъ оброчныхъ статей при наименьшихъ платежахъ на десятину надѣла ¹⁾). Словомъ, здѣсь соединены все условія, заставляющія ожидать полного благосостоянія. Однако, оказывается, что за этими же крестьянами числятся и наибольшее количество недоимокъ и что процентъ неимѣющихъ рабочаго скота и бездомовыхъ у нихъ почти такъ же высокъ, какъ и у остальныхъ разрядовъ, а процентъ сдающихъ надѣлы у государствен-

¹⁾ Платежи эти оказались бы еще ниже, если бы исключить доходъ отъ оброчныхъ статей.

САРАТОВСКІЙ УѢЗДЪ.

ТАБЛИЦА I-я.

РАЗРЯДЫ.	Число общинъ.		Ревизскихъ душъ.		Надѣлы на ревизск. души.	% прироста населенія съ X-л ре-визіи.	Надѣлы на ревизск. души.	% озабоченныхъ надѣль.	Головъ крупнаго скота на домохозяйства.	Платежи на десятину надѣла.	Недомки на домохозяйства по оцѣнкѣ.	Доже по продажѣ скота, ссудѣ, покотв. ссудѣ.	% неимѣющихъ работ. скота.	% бездомовныхъ надѣльныхъ.	Доходъ съ обществ. статей на домохозяйства.
	Всего.	На 1 общину.	Всего.	На 1 общину.											
Безоброчные	88	17.346	197	15	1	29	1	15	2,9	4,4	3,3	9,8	34,7	12,2	1,9
Временно-обязанные	34	1.347	40	12	3,2	26	3,2	12	3	3,8	15,7	10,08	29,1	6	2,08
Собственники	122	12.912	106	19	3	21	3	19	2,7	3,4	20,2	8,88	32,2	9,9	2,03
Бывшіе удѣльные	4	604	151	16	7,4	18	7,4	16	3,3	1,7	27	3,32	30,7	6,8	5,09
Государств. б. помещицы	42	524	12	14	4,5	23	4,5	14	3,2	2,0	11,2	5,7	27,0	14,7	0,68
Бывшіе государственные	59	25.518	433	22	6,2	24	6,2	22	3,5	1,8	23,8	6,36	27,5	11,2	5,34
Полные собственники	4	179	45	—	4,55	15	4,55	—	0,9	1,48	2,9	5,88	68	—	1,2
По уѣзду	353	53.430	165	19	3,8	25	3,8	19	3,2	2,3	16,4	8,07	31	11,1	3,9

ныхъ наивысшій. Вторая таблица представляетъ еще болѣе разительную картину: здѣсь всѣ крестьяне, безъ различія разрядовъ, расположены по величинѣ владѣнія, при чемъ, конечно, высшіе надѣлы почти безъ исключенія падаютъ на бывшихъ удѣльныхъ и государственныхъ, изъ которыхъ, по даннымъ сборника, 95% получили надѣлы болѣе четырехъ десятинъ на ревизскую душу. Параллельно повышенію надѣла идетъ пониженіе платежей на десятину и нужно было ожидать, что, сообразно этому, чѣмъ выше надѣлы, тѣмъ выше и обезпеченность населенія и, слѣдовательно, тѣмъ менѣе мы должны встрѣтить лишенныхъ рабочаго скота и бездомовыхъ. На дѣлѣ, однако, оказывается нѣчто иное, именно: процентъ неимѣющихъ скота и бездомовыхъ наименьшій у имѣющихъ надѣлы отъ 4 до 5 десятинъ на ревизскую душу, повышаясь почти правильно въ обѣ стороны, т.-е. какъ въ сторону уменьшенія, такъ и въ сторону увеличенія надѣла.

Такимъ образомъ, изъ этихъ таблицъ слѣдовало бы, повидимому, сдѣлать тотъ, ни съ чѣмъ несообразный выводъ, что, начиная съ извѣтнаго, весьма невысокаго предѣла — въ 4—5 десятинъ на ревизскую или не болѣе 3 десятинъ на наличную душу мужскаго пола, — увеличеніе надѣла становится вреднымъ, даже приростъ населенія, какъ будто, начинаетъ ослабѣвать.

Что приведенный примѣръ не представляетъ рѣзкаго исключенія, можно видѣть изъ слѣдующаго: Въ Хвалынскомъ уѣздѣ той же (Саратовской) губерніи, по заключенію г. Харизоменова (земскаго статистика), „сверхъ ожиданія, число рабочихъ лошадей, процентъ безлошадныхъ и не

ТАБЛИЦА П-я.

По величинѣ надѣла:	Число общинъ.	Ревизскихъ душъ.		% прибыли населенія.	Надѣлы на ревизскую душу.	Платежа на десятину надѣла.	% неимѣющихъ рабоч. скота.	% бездомовыхъ надѣльныхъ.
		Всего.	На 1 общинѣ.					
По 1 десятинѣ	75	14.118	188	26,7	0,9	4,5	35	15,6
отъ 1 до 2 десятинъ	46	7.533	164	8,9	1,4	3,9	29,9	11,3
» 2 » 3	37	2.576	70	64,3	1,6	5,5	27,7	12,9
» 3 » 4	96	10.283	107	27	3,7	2,9	27	10,5
» 4 » 5	22	2.132	97	39,7	4,1	2,7	23,8	5,9
» 5 » 6	20	3.500	175	38	6,1	1,9	25,2	13,2
» 6 » 7	9	3.474	386	37	6,6	1,7	23,2	11,2
» 7 » 8	7	3.824	546	34,3	7,7	1,6	30,2	12,6
Выше 8 десятинъ	15	5.223	348	33	8,8	1,5	26,5	13,3
Итого { до 4 включит.	254	35.510	140	22,5	1,9	4,6	31,1	13,1
{ выше 4 десят.	73	18.153	248	36	7,1	1,7	26,1	11,9

сѣющихъ хозяйствъ находится въ весьма слабой, трудно уловимой связи съ размѣромъ надѣла. И дѣйствительно: у дарственниковъ, имѣющихъ средній надѣлъ въ 1,1 дес. на душу или 2,3 дес. на наличный дворъ, имѣется, тѣмъ не менѣе, 35,6 головъ скота (въ переводѣ на крупный) на 10 хозяйствъ; у собственниковъ, съ среднимъ надѣломъ въ 4,1 дес. на душу (maximum 4,5 десят.) или 8,7 на дворъ— 34,6 головъ, а у государственныхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ 41,8 головъ, при надѣлѣ 4,5 дес. minimum и 10,6 maximum, а въ среднемъ 7,1 дес. на душу или 15,2 дес. на наличный дворъ. При этомъ первые (дарственники) несутъ платежъ въ 1,8 руб. съ десятины, вторые (собственники) въ 2 руб., а государственники только въ 1,5 рубля. Разсматривая отношеніе къ недоимкѣ, приходимъ къ такому же выводу. Изъ четырехъ волостей, имѣющихъ недоимки отъ 0 до 0,2 руб. на дворъ, только въ одной оказывается средній надѣлъ на дворъ въ 8,4 десят.; шесть волостей съ недоимкой менѣе 1 рубля на дворъ имѣютъ средній размѣръ дворового надѣла 8,1 дес. и въ томъ числѣ только одна волость очень большой (17,2 десят.); но слѣдующая группа изъ девяти волостей, съ недоимкой отъ 1,1 до 14,4 руб., содержитъ уже 4 волости съ крупными надѣлами (14,2 до 17,5 на дворъ) и въ общемъ среднемъ имѣетъ 12,28 десят. на дворъ; наконецъ, послѣднія 7 волостей съ наивысшимъ размѣромъ недоимки—отъ 19 до 70 рубл. на дворъ—имѣютъ и наиболѣе крупные надѣлы, въ среднемъ 12,47 дес. на дворъ и въ томъ числѣ только въ одной волости 9 дес., во всѣхъ остальныхъ болѣе ¹⁾). Замѣтимъ кстати, что на малую

¹⁾ Къ подобному же выводу приходимъ, разсматривая, напр., дан-

величину недоимокъ здѣсь, очевидно, вліяетъ весьма сильное развитіе садоводства: такъ, 9 волостей, гдѣ недоимка не превышаетъ четырехъ рублей на дворъ, имѣютъ и наиболѣе развитое садоводство.

Мы не находимъ другого объясненія, этимъ, повидимому, совершенно абсурднымъ, тѣмъ не менѣе, однако, вполне достовѣрнымъ выводамъ статистическаго изслѣдованія (которыхъ, впрочемъ, изслѣдователь Саратовскаго уѣзда не замѣтилъ, хотя и составилъ приведенныя таблицы), какъ только то, что здѣсь вліяютъ неудобства, вызываемыя скученностью населенія; неудобства эти, понятно, становятся тѣмъ болѣе, чѣмъ больше надѣлъ, такъ какъ тѣмъ быстрѣе возрастаетъ и вся площадь владѣнія. Дѣйствительно, вычисленныя нами для даннаго случая величины, показывающія число ревизскихъ душъ въ общинѣ ¹⁾ и размѣръ владѣнія каждой общины въ среднемъ, вполне подтверждаютъ эту догадку. Оказывается, что (за исключеніемъ безоброчныхъ, имѣющихъ ничтожный надѣлъ) наиболѣе многолюдныя общины (а вѣроятно, и селенія) образуютъ бывшіе удѣльные и бывшіе государственныя. Точно также (по второй таблицѣ) наиболѣе многолюдныя общины образуютъ крестьяне, имѣющіе наибольшіе надѣлы. Разница въ величинѣ общей площади владѣнія общины, вслѣдствіе этого, чрезвычайно велика; такъ, у крестьянъ, имѣющихъ надѣлы отъ 3 до 4 и отъ 4 до 5 десят. (оставляя

ныя относительно Тамбовской губерніи, гдѣ группировка сдѣлана по количеству посѣва на надѣльной землѣ.

¹⁾ Слѣдовало бы, собственно, взять число ревизскихъ душъ въ селеніи, а не общинѣ; но и цифры относительно величины общинъ имѣютъ значеніе, ибо въ случаѣ сложныхъ общинъ (изъ нѣсколькихъ селеній) положеніе еще ухудшается.

въ сторонѣ низшіе надѣлы), на каждую общину приходится въ среднемъ около 400 десятинъ; у имѣющихъ надѣль 5—6 десятинъ цифра эта сразу переходитъ за 1.000 (1.078); у надѣленныхъ 6—7 десятинами она уже болѣе 2.500 (2.547); у владѣющихъ 7-ю—8-ю десятинами надѣла—до 4.200 дес. (4.211) и, наконецъ, у имѣющихъ свыше 8 десят.,—въслѣдствіе меньшаго числа надѣльныхъ дворовъ въ общинѣ, чѣмъ у предыдущей группы,—3.000 десят. Но вѣдь это среднія величины, въ отдѣльныхъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, значительно повышающіяся¹⁾. Но удовольствуемся средними.

Чтобы конкретнѣе представить себѣ эти среднія величины, выразимъ ихъ въ видѣ круговъ и квадратовъ. Тогда площадь—400 десят. будетъ представлять кругъ радіуса 552 сажени или квадратъ, сторона котораго 980 сажень; площадь въ 1.078 дес. составитъ кругъ, радіусъ котораго 907 саж. или квадратъ съ сторонами, по 1.608 саж.; 2.547 дес. равны кругу радіуса 1.395 саж. или квадрату со стороной въ 2.472 саж.; 3.000 дес. будетъ уже кругъ радіуса 1.546 саж. или квадратъ, имѣющій 2.683 саж. въ сторонѣ; наконецъ, 4.200 десят. составятъ кругъ радіуса 1.782 саж. или квадратъ со стороною 3.175 саж. При площади въ 400 десятинъ, слѣдовательно, и идеальномъ расположеніи усадьбъ—въ центрѣ круга,—самыя далекія поля лежали бы на разстояніи немного болѣе одной версты; но даже и при квадратной фигурѣ надѣла и расположеніи усадьбъ на краю его (на одной изъ сторонъ квадрата), все еще

¹⁾ Не трудно было бы привести по каждому изъ черноземныхъ уѣздовъ нѣсколько селеній, площадь владѣнія коихъ измѣряется десятками тысячъ десятинъ.

приходилось бы проѣхать менѣе 2-хъ верстъ, чтобы достигнуть наиболѣе далекихъ полей. Но уже при площади, немного превышающей 1.000 дес. (какъ у имѣющихъ 5—6 дес. надѣла) приходится проѣхать, даже при расположеніи усадьбъ въ центрѣ круга, около двухъ верстъ, чтобы достигнуть наиболѣе далекихъ полей, а при квадратной фигурѣ съ усадьбами на краю надѣла—уже болѣе 3-хъ верстъ. Для средняго владѣнія общинъ, имѣющихъ въ нашемъ примѣрѣ надѣль въ 6—7 дес. (2.547 дес.) тѣ же разстоянія: при круговой фигурѣ—около 3-хъ верстъ, а при квадратной—5 верстъ; при 3.000 дес. цифры еще нѣсколько болѣе; наконецъ, при владѣніи въ 4.200 дес. и расположеніи усадьбъ въ центрѣ круга крайнія поля будутъ находиться на разстояніи 3¹/₂ верстъ, а при квадратной фигурѣ и усадьбахъ на краю надѣла даже около 6¹/₂ верстъ.

Но, вѣдь, не только круглая, а и квадратная форма надѣльнаго участка, хотя бы съ расположеніемъ усадьбъ на краю его, представляетъ идеальную форму, на практикѣ, конечно, почти никогда не достижимую даже приблизительно. Представьте себѣ теперь, что владѣнія общины имѣютъ фигуру не квадрата, а прямоугольника, составленнаго изъ двухъ половинокъ квадрата, приложенныхъ одна къ другой короткими сторонами; при этомъ, слѣдовательно, отношеніе длины къ ширинѣ будетъ всего только 4:1, а мы видѣли выше, что встрѣчаются отношенія въ 15 разъ болѣе. Но и при этомъ отношеніи уже разстояніе полей дѣлается вдвое болѣе, чѣмъ оно было бы при квадратѣ, и, слѣдовательно, напр., при величинѣ площади въ 2.500—3.000 десятинъ составитъ 5 верстъ, даже въ томъ случаѣ, когда усадьбы

будутъ расположены какъ-разъ на срединѣ длинныхъ сторонъ прямоугольника, и 10 верстъ, если они будутъ у одного изъ узкихъ концовъ фигуры.

Указанное обстоятельство чрезвычайно важно. Относительно общиннаго землепользованія въ томъ видѣ, какъ оно практикуется у насъ, нужно сказать вообще, что оно соединяетъ въ себѣ неудобства мелкаго и крупнаго хозяйства, не представляя выгоды ни той, ни другой формы. Но, разъ площадь владѣній общины возрастаетъ до болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ, невыгоды того и другого рода возрастаютъ въ усиленной степени. Дѣйствительно: въ числѣ невыгодъ мелкаго и особенно череполоснаго владѣнія, важную роль играетъ неудобная форма участковъ—или слишкомъ короткихъ, или слишкомъ длинныхъ и узкихъ. Слишкомъ короткіе участки вызываютъ большую потерю времени на оборотахъ съ орудіемъ; слишкомъ узкіе совершенно не допускаютъ поперечной обработки. Съ другой стороны, одно изъ важнѣйшихъ неудобствъ крупныхъ хозяйствъ—значительное разстояніе полей отъ усадьбы, затрудняющее всѣ работы, вызывая огромную потерю времени на проходы и проѣзды. Очевидно, при увеличеніи участка, состоящаго во владѣніи общины, будетъ увеличиваться, во-первыхъ, дробность участковъ каждаго владѣльца, ибо увеличивается число коновъ, уже благодаря различію въ положеніи земли относительно усадьбы (да и качества почвы, конечно, чаще различны на большой, чѣмъ на малой площади); во-вторыхъ, разстояніе отъ усадьбы крайнихъ участковъ также возрастаетъ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше число членовъ общины

и чѣмъ больше доля каждаго общинника въ общинной землѣ ¹⁾.

Чтобы выяснитъ, какое вліяніе перечисленныя обстоятельства оказываютъ на земельную культуру, остановимся здѣсь только на значеніи разстоянія полей при примѣненіи навознаго удобрения ²⁾. Очевидно, чѣмъ дальше будутъ лежать поля, тѣмъ больше нужно затратить работы, чтобы удобрить участки данной величины. Считая, что крестьянская лошадь съ возомъ проходить въ часъ не болѣе $4\frac{1}{2}$ верстъ, а съ пустой телѣгой $7\frac{1}{2}$ верст., и полагая на нагрузку воза навозомъ 20 минутъ, а на разгрузку 10—12 минутъ, приходимъ къ выводу, что на разстояніе въ $1\frac{1}{2}$ версты можно вывезти въ 12-ти часовую рабочій день—до 12 возовъ навоза; при разстояніи въ 3 версты—потребуется на провозъ, нагрузку и выгрузку каждаго воза уже не часъ, а болѣе $1\frac{1}{2}$ часовъ (96 минутъ), а слѣд., можно вывезти не болѣе 7—8 возовъ; при 6 верстахъ требуется на каждый возъ затратить уже 2 ч. 40 мин. времени, а потому въ день можно вывезти только 4—5 возовъ. Если принять во вниманіе, что на десятину даже нашего чернозема, какъ было ука-

¹⁾ Административныя неудобства крупныхъ общинъ констатированы также земскими статистическими изслѣдованіями. См. свѣдѣнія у В. Е. Постникова: «Южно-русское хозяйство».

²⁾ Очень важное значеніе имѣетъ разстояніе и при другихъ хозяйственныхъ работахъ. Такъ, В. Е. Постниковъ (л. с.) указываетъ, что огромный урожай на югѣ въ 1887 и 1888 годахъ значительной частью пропалъ у крестьянъ въ поляхъ, вслѣдствіе невозможности свезти его въ усадьбу, благодаря огромному разстоянію полей: мажара (воловоья телѣга) дѣлаетъ здѣсь обыкновенно 1—2 поѣздки въ день за снопами; но есть селенія, гдѣ въ недѣлю мажара обрабатываетъ нѣтъ полей въ усадьбу 2—3 раза.

зано выше, нужно все же до 1.200 пуд. навоза и что на обыкновенной крестьянской телегѣ нельзя вывезти болѣе 15—20 пуд. навоза заразъ (обыкновенно считаютъ только 12 пуд.), то даже при наилучшихъ, предположенныхъ нами, условіяхъ, — ровной дорогѣ и дѣятельной помощи при нагрузкѣ воевъ, — на вывозку 60—80 воевъ навоза для удобрения одной десятины нужно будетъ затратить: при 1½-верстномъ разстояніи поля 6—8 лѣтнихъ рабочихъ дней, при 3-верстахъ уже 10—12 дней, а при шести-верстномъ разстояніи 15—20 дней. Мы говоримъ именно о лѣтнихъ рабочихъ дняхъ, потому что зимой крестьянинъ не можетъ вывозить навозъ, ибо скотъ стоитъ въ плохо защищенныхъ отъ мороза хлѣвушкахъ, а то такъ и на открытомъ дворѣ (воркѣ), гдѣ навозъ смерзается и его пришлось бы вырубать топоромъ или ломомъ; да и какъ разыскать полъ снѣгомъ свою полоску, если бы даже и можно было рискнуть. вывозить навозъ на заметное сугробами снѣга поле? Лѣтомъ же затратить 10—20 дней на удобрение десятины поля было бы едва-ли расцелливо, такъ какъ въ это время часто можно заработать безъ лошади не менѣе 50—60 копѣекъ въ день, а съ лошадыю, хотя бы тоже при вывозкѣ навоза у сосѣда помѣщика, 1 рубль или болѣе. Если къ этому присовокупить, что общинное хозяйство и именно пастьба скота по пару, а еще болѣе столь обыкновенный еще ежегодный передѣлъ (переребьевка) парового поля, дѣлаютъ невозможнымъ выбрать для этой работы болѣе удобное время, вынуждая приступать къ ней передъ самой вешанкой пара, то станетъ понятно, почему крестьяне черноземныхъ областей такъ мало еще примѣняютъ

навозъ. Здѣсь даже удлинненіе срока передѣловъ не можетъ содѣйствовать значительно усиленію примѣненія удобрения, какъ это было въ нечерноземной полосѣ, такъ какъ этимъ однимъ трудно окупить всѣ невыгоды, возникающія изъ огромности разстояній. И что особенно важно, наименѣе примѣняютъ, благодаря этому, навозъ крестьяне государственные и удѣльные, которые лучше обеспечены землей и скотомъ и у которыхъ, къ тому же, нерѣдко еще сохранился лѣсъ. Въ весьма значительномъ числѣ случаевъ (если не всегда) эти крестьяне имѣютъ, слѣдовательно, довольно много навоза, который они рѣже, чѣмъ бывшіе помѣщичьи вынуждены употреблять на топливо (въ видѣ кизяка). Безъ сомнѣнія, именно длинноземелье, являющееся совершенно непреодолимымъ препятствіемъ введенію правильного удобрения полей, представляетъ главную причину того страннаго, на первый взглядъ совершенно непонятнаго явленія, которое констатируется вышеприведенными таблицами.

Повторяемъ, приведенные нами примѣры отнюдь не исключительные случаи. По большей части уѣздовъ, напримѣръ, Тамбовской губерніи, земскіе сборники даютъ почти одинаковый процентъ бездомовыхъ какъ среди помѣщичьихъ, такъ и среди государственныхъ крестьянъ, не смотря на то, что послѣдніе имѣютъ несравненно большіе надѣлы и несутъ менѣе обременительные платежи.

Мы отнюдь не сомнѣваемся, что если бы земскіе статистики обратили больше вниманія на качество земельной культуры у государственныхъ крестьянъ сравнительно съ состояніемъ культуры на земляхъ бывшихъ помѣщичьихъ, то они открыли бы, что у

первыхъ культура стоитъ въ общемъ среднемъ несравненно ниже, чѣмъ у вторыхъ, хотя послѣдніе гораздо болѣе страдаютъ отъ малоземелья, которому приписываются чуть не всѣ недостатки и бѣдствія нашего крестьянства. Прямое доказательство этого положенія даетъ намъ цитированная выше статья г. Гурвича; мы видѣли тамъ, что большая часть общинъ, введшихъ у себя культуру клевера, состоитъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, притомъ, чаще всего даже не получившихъ полнаго надѣла. Кроме того и фактъ болѣе частаго среди государственныхъ крестьянъ перехода къ раздѣлу земли по наличнымъ душамъ находится, по всей вѣроятности, въ связи съ болѣе дурнымъ состояніемъ у нихъ земельной культуры, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ, такъ какъ при этомъ условіи, конечно, было менѣе причинъ къ сопротивленію передѣламъ. Говоря это, мы не думаемъ, однако, утверждать, что указываемое обстоятельство было единственной или даже главной причиной большаго распространенія среди государственныхъ крестьянъ передѣловъ по наличнымъ душамъ; безъ сомнѣнія, отсутствіе выкупа (до недавняго времени) имѣло въ этомъ отношеніи весьма большое значеніе. Но, если вѣрно замѣчаніе г. Воронцова ¹⁾, что въ многолюдныхъ общинахъ приговоры о передѣлахъ составляются легче, встрѣчаютъ меньше возраженій, чѣмъ въ небольшихъ общинахъ, то это обстоятельство, по меньшей мѣрѣ, съ такимъ же правомъ можетъ быть объяснено плохимъ состоя-

¹⁾ Аппингъ В. В., какъ извѣстно, раскрытъ присужденіемъ автору изслѣдованія объ общинѣ въ «Итогахъ экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики» — г. Воронцову, половины преміи Ю. Ө. Самарина.

ніемъ культуры, какъ и болѣею легкостью, — будто бы, распространенія здѣсь, въ большихъ общинахъ, идеи равенія, — какъ предполагаетъ названный авторъ. Такой выводъ имѣетъ основаніе въ тѣхъ неудобствахъ, которыя создаются многочисленностью общины и подтверждается вышеприведенными данными.

Словомъ, все указываетъ на то, что эти черезчуръ многолюдные поселки должны быть уничтожены.

Разселеніе такихъ большихъ общинъ, надо думать, будетъ встрѣчено населеніемъ сочувственно или, по крайней мѣрѣ, не вызоветъ неудовольствія. Это слѣдуетъ изъ того, что крестьяне сами сознаютъ многія изъ проистекающихъ отъ такого многолюдства неудобствъ и, по мѣрѣ возможности, стремятся устранить ихъ. Они, напримѣръ, отлично знаютъ, что воздѣлывать слишкомъ отдаленные отъ усадьбъ участки чрезвычайно невыгодно и въ виду этого часто сдаютъ ихъ въ аренду, обыкновенно даже не включая ихъ въ разверстываемую между членами общины землю. Въ такихъ случаяхъ общинная земля арендуется большими участками, конечно, за ничтожную плату мѣстными кулаками, для которыхъ она имѣетъ цѣну только до тѣхъ поръ, пока она, какъ новина или старая залежь, обѣщаетъ хорошіе урожаи при ничтожныхъ затратахъ. Но они бросаютъ ее тотчасъ, какъ скоро плодородіе ея понизилось, вслѣдствіе того, что они успѣли высосать изъ нея лучшіе соки путемъ самой хищнической эксплуатаціи. Въ прежнее время, не очень еще давно, практиковался болѣе рациональный способъ введенія въ земледѣльческую культуру этихъ отдаленныхъ земель: община выселяла изъ себя часть и этотъ новый поселокъ образовывалъ самостоятельную общину. Этотъ

последній способъ въ настоящее время почти не примѣняется, хотя о немъ, — какъ свидѣлствуютъ всѣ земскіе статистики, — и теперь еще крестьяне говорятъ часто, какъ о желательномъ ¹⁾. Теперь, однако, такое выселеніе гораздо труднѣе осуществить, чѣмъ прежде, и именно потому, что въ былыя времена отдаленные участки представляли, большею частью, новы, т.-е. земли, никогда не паханныя и обладавшія, благодаря этому, несравненно большимъ плодородіемъ, чѣмъ старопахатныя, ближайшія къ усадьбамъ поля. Въ последнее время эти участки, большею частью, поступили подъ распашку или раздѣломъ между общинниками или отдачей въ аренду кулакамъ, и нерѣдко истощены болѣе, чѣмъ ближнія земли, которыя, тѣмъ временемъ, стали кое-гдѣ удобряться. Поэтому, прежде выселеніе обозначало, вмѣстѣ съ тѣмъ, полученіе лучшей земли и сопряженные съ переселеніемъ расходы окупались вышними урожаями; теперь же оно будетъ имѣть обратный смыслъ или, по меньшей мѣрѣ, нельзя рассчитывать на большее плодородіе отдаленныхъ земель, какъ на обстоятельство, могущее сдѣлать выселеніе привлекательнымъ. Къ тому же, многіе изъ наиболѣе крупныхъ поселковъ пріобрѣли въ настоящее время отчасти городской характеръ: они сдѣлались своего рода центрами торговли, а нерѣдко и промышленности. Это увеличиваетъ привлекательность жизни въ нихъ, особенно для болѣе состоятельныхъ лицъ, которыя здѣсь являются не столько земледѣльцами, сколько торговцами или промышленниками. Да и тѣ изъ крестьянъ, которые въ настоящее время являются только ис-

¹⁾ См. также цитированное сочин. В. Е. Ностникова.

правными хозяевами-земледѣльцами, все же, или имѣютъ уже какой-нибудь посторонній заработокъ, въ видѣ извоза или отдачи дома подъ квартиры пріѣзжимъ купцамъ, или надѣются въ ближайшемъ будущемъ имѣть таковой. Но выселеніе, само собою разумѣется, потребуетъ жертвъ со стороны выселяющихся и эти жертвы не могутъ быть сдѣланы бѣднѣйшими членами общины.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что расселеніе большихъ поселковъ съ цѣлью образованія изъ каждаго нѣсколькихъ меньшихъ общинъ потребуетъ, во всякомъ случаѣ, сторонняго содѣйствія. Подобное же расселеніе должно быть произведено и тамъ, гдѣ длинноземелье существуетъ нерѣдко при ничтожныхъ надѣлахъ, вслѣдствіе черезполосности общинныхъ земель съ землями другихъ владѣльцевъ.

Будетъ-ли, однако, переходъ къ высшей земледѣльческой культурѣ облегченъ этими мѣрами въ достаточной степени? Правда, удобреніе полей сдѣлается болѣе возможнымъ и несомнѣнно станетъ примѣняться въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ теперь. Но пока существуетъ общинное землепользованіе съ принудительной обработкой, черезполосицей и передѣлами, введеніе новаго, болѣе рациональнаго сѣвооборота почти невозможно или, по крайней мѣрѣ, трудно ожидать, что распространеніе улучшеннаго хозяйства пойдетъ съ желательной быстротой, хотя уменьшеніе числа членовъ въ общинѣ и облегчитъ соглашеніе ихъ въ этихъ видахъ. Сохраненіе же существующихъ общинныхъ порядковъ будетъ поддерживать всѣ тѣ условія, которыя вызвали недавній голодъ. Даже болѣе: мы вправѣ ожидать, что если зерновое трехпольное полевое хозяйство съ общиннымъ

землепользованиѣмъ удержится еще нѣкоторое время, то неурожай и еще больше голодовки сдѣлаются чаще и интенсивнѣе, губительнѣе. Это потому, что населеніе растетъ и, слѣд., уже благодаря этому, увеличивается потребность въ хлѣбѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ почвы все болѣе истощаются и засоряются и даже въ благоприятные годы не даютъ тѣхъ урожаевъ, какіе бывали прежде. Рядомъ съ этимъ, сумма налоговъ, какъ мы видѣли, не можетъ чувствительно понизиться, а скорѣе, — даже предполагая наиболѣе благоприятныя государственныя и международныя обстоятельства, — можетъ или должна повыситься; достать же деньги населеніе можетъ только продажей хлѣба, который, къ тому же, весьма вѣроятно, при первомъ сносномъ урожаѣ понизится въ цѣнѣ до такого же или еще болѣе низкаго уровня, на какомъ онъ стоялъ передъ обнаруженіемъ послѣдняго голода.

ХІІІ.

Послѣдствія голода: переселенія, крушеніе крестьянскихъ и метаморфозъ помѣщичьихъ хозяйствъ.

Послѣдствія только-что пережитаго (въ значительной полосу вторично) голода теперь совершенно ясны и о нихъ можно говорить, какъ о совершившихся фактахъ.

Извѣстно, что переселенія въ теченіи голоднаго 1891 года и въ слѣдующемъ году приняли совершенно небывалые размѣры, не смотря ни на повторившіяся запрещенія, ни на зимній холодъ. Мы уже указывали, что непремѣннымъ слѣдствіемъ занятія и разработки новыхъ земель будетъ значительное

паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ хронической голодь среди населенія средней черноземной Россіи. Это случится, конечно, только тогда, когда хлѣбъ изъ новыхъ, главнымъ образомъ сибирскихъ, областей получитъ возможность достигнуть центральной Россіи. Люди практики — мукомолы, хлѣбные торговцы и сельскіе хозяева, отлично поняли это, и потому представители ихъ въ совѣщаніи по поводу хлѣбныхъ тарифовъ стремились оградить свои интересы путемъ различныхъ ставокъ на хлѣба разныхъ районовъ, назначаемые на различные рынки, причѣмъ предполагается, что такимъ путемъ удастся оградить внутренніе рынки отъ наплыва зерна и муки изъ восточныхъ областей, предоставивъ этимъ продуктамъ отправляться за границу. Если эта ближайшая, откровенно высказываемая цѣль и будетъ этимъ путемъ достигнута, то главная задача, которую хотѣтъ разрѣшить такимъ образомъ, именно поддержаніе болѣе высокихъ цѣнъ на внутреннихъ рынкахъ, ни въ какомъ случаѣ не будетъ рѣшена удовлетворительно. Достаточно, чтобы сибирскій хлѣбъ отбилъ заграничный рынокъ у среднерусскаго хлѣба, чтобы цѣны на послѣдній, какъ на мѣстѣ, такъ и на внутреннихъ рынкахъ, сильно упали. Мы уже видѣли, что это паденіе цѣнъ будетъ губительно прежде всего для среднерусскихъ крестьянскихъ хозяйствъ, если они останутся хозяйствами зерновыми, какъ теперь.

Но голодовки уже и теперь вызвали весьма знаменательныя явленія въ области крестьянскаго землевладѣнія. Мы имѣемъ въ виду неоднократно появившіяся въ послѣднее время въ газетахъ извѣстія о продажѣ крестьянами своихъ надѣловъ и засѣянныхъ озимымъ полей. Нужно думать, конечно, что

число случаевъ, сообщенія о которыхъ проникли въ печать, составляетъ ничтожную часть того, что совершалось за время голода въ дѣйствительности въ деревнѣ. Что эта продажа получила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ массовый характеръ, доказываетъ, напр., циркуляръ Симбирскаго губернатора къ земскимъ начальникамъ, въ которомъ г. губернаторъ рекомендуетъ принять мѣры, чтобы подобныхъ продажъ не производилось („Русск. Вѣд.“ № 333-й за 1891 г.).

Г. губернаторъ думаетъ утратить скупщиковъ и продавцевъ тѣмъ, что недоимки по этимъ надѣламъ будутъ взыскиваться за круговой порукой со всѣхъ членовъ общины. При этомъ почтенный администраторъ, однако, забываетъ, что, во-первыхъ, для такихъ покупокъ есть совершенно законный путь, который онъ запретить не воленъ—это прославленная 165 статья „Положенія“; во-2-хъ, что покупатели-кулаки позаботились, конечно, обставить дѣло съ формальной стороны вполне законно, придавъ ему, напримеръ, видъ аренды земли у сообщинника, представляющей повседневною, до сихъ поръ никакимъ закономъ не запрещенною сдѣлку. Замѣтимъ кстати, что мысль, будто при современномъ строѣ всеѣмъ не происходитъ мобилизаціи крестьянской земельной общинной собственности иначе, какъ при посредствѣ ст. 165-й Положенія,—мысль совершенно ложная. Такая мобилизація констатирована, между прочимъ, въ Саратовскомъ уѣздѣ, отчасти подъ прикрытіемъ аренды „въ вѣчное пользованіе“, отчасти же и подъ откровеннымъ названіемъ „продажи“. Саратовскіе статистики приводятъ данныя только объ одной общинѣ даретвенниковъ¹⁾, деревнѣ Новые

¹⁾ Продажа надѣловъ практикуется не однимъ даретвенниками,

Тарханы, гдѣ въ теченіе 1½ лѣтъ (съ начала 1881 до половины 1882 года) продано 70½ десятинъ, принадлежавшихъ 41 домохозяину. А, между тѣмъ, всѣхъ домохозяевъ насчитывалось въ общинѣ только 33, а весь надѣлъ ихъ составлялъ 165 десятинъ; слѣдовательно, нѣкоторые изъ домохозяевъ выступали въ качествѣ продавцовъ по нѣскольку разъ; земли же поступило въ торговый оборотъ чуть не половина надѣла (45³/₄%).

Но извѣстно, что крестьяне во время голода распродали во многихъ мѣстахъ почти весь свой скотъ, въ томъ числѣ и рабочій. Это обстоятельство побудило „Особый Комитетъ“ прибѣгнуть къ покупкѣ нѣсколькихъ тысячъ лошадей въ степныхъ областяхъ для раздачи ихъ обезлошадѣвшимъ крестьянамъ. Но какъ ни благодѣтельна сама по себѣ эта мѣра, однако, едва-ли помощью такой раздачи, даже совмѣстно съ практиковавшимися нѣкоторыми частными благотворителями подобными раздачами, рабочій инвентарь крестьянъ въ пострадавшихъ мѣстностяхъ будетъ восстановленъ. Такое сомнѣніе позволительно выразить, по крайней мѣрѣ, относительно тѣхъ мѣстностей, гдѣ уменьшеніе количества скота было особенно значительно. Такъ, въ „Аткаревскомъ уѣздѣ“ скотъ уменьшился почти на половину; скотъ, который продержится зиму, будетъ обезсиленъ для весеннихъ работъ¹⁾. Подобнымъ же образомъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Казанской губерніи къ январю

какъ видно изъ данныхъ по другимъ губерніямъ. См., напримеръ, «Сборникъ стат. свѣд. по Тамбовской губ.», т. XII, стр. 55. Также В. Постниковъ, названное сочиненіе.

¹⁾ «Русск. Вѣдом.» № 344, 1891 г., по даннымъ, собраннымъ губернаторомъ при объѣздѣ губерніи.

1892 года оставалось по одной лошади на 50 человек¹⁾. А принимая во внимание величину пострадавшего от голода района, нужно думать, что только ничтожная часть обезлошадивших могла быть надѣлена лошадьми от благотворителей. Кроме того, нужно имѣть въ виду, что продавали рабочих лошадей не однолошадники только, хотя они приступили къ продажѣ раньше других; продавали и другіе, потому общее число скота уменьшилось въ гораздо большей еще степени, чѣмъ увеличилось число безлошадныхъ. Послѣдствія этого обстоятельства будутъ крайне тяжелы. Прежде всего, тѣ безлошадники, которые раньше кое-какъ поддерживали свое земледѣльческое хозяйство при помощи найма рабочаго скота у односельцевъ, теперь уже должны будутъ искать заработка на сторонѣ и сдать свои надѣлы, конечно, сдать весьма дешево, такъ какъ число многолошадныхъ и рабочая способность ихъ вслѣдствіе выпродажи скота значительно уменьшились и немногіе остающіеся сѣмники будутъ завалены предложеніями. Но, конечно, нѣкоторые изъ обезлошадившихъ воздѣлали свои участки помощью орудій, влекомыхъ людьми, какъ это усердно рекомендовалось, напримѣръ, „Сельскимъ Вѣстникомъ“.

Ясно, что при такихъ обстоятельствахъ должно было произойти сокращеніе площади посѣвовъ, особенно яровыхъ²⁾. По вычисленію центрального статистическаго комитета³⁾ это сокращеніе засѣянной

¹⁾ «Сельскій Хозяинъ» № 12, 1892 г.

²⁾ Произошло уменьшеніе посѣвовъ и озимей въ 1891 г., не отъ другихъ причинъ. Состояніе озимыхъ посѣвовъ въ срединѣ ноября 1891 г.

³⁾ Урожай 1892 г. въ 60 губерніяхъ Европейской Россіи.

площади составило въ 1892 году (сравнительно съ 1887 г.) для 50 губерній Россіи 1.702 тысячи десятинъ. Эта цифра, однако, не выражаетъ вполне потерю пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей, такъ какъ одновременно съ сокращеніемъ въ нихъ посѣвовъ, нѣкоторыя другія области расширили посѣвную площадь. Если же взять однѣ пострадавшія отъ неурожая области (безъ раздѣленія на губерніи), то окажется, что посѣвная площадь уменьшилась здѣсь на 4.307.334 десятины¹⁾. Это составляетъ $4\frac{1}{2}\%$ площади пашни во всей Европейской Россіи съ Финляндіей (по Янсову) и болѣе 8% пашни пострадавшихъ областей²⁾ или 12% посѣвной площади въ нихъ при трехпольномъ хозяйствѣ. Эта внушительная цифра достаточно ясно показываетъ, что не только въ теченіи непосредственно слѣдовавшаго за голодомъ года,—даже тамъ, гдѣ онъ не повторился въ слѣдующемъ году,—но и въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ, хотя бы они были вполне благополучны, трудно ожидать, что сколько-нибудь значительная часть крестьянъ оправится вполне, т.-е. достигнетъ хотя бы только прежней степени „благополучія“. Естественно, что никакая администрація не можетъ услѣдить при этихъ условіяхъ, чтобы надѣлы не продавались или не отчуждались на болѣе или

¹⁾ Именно: центральная земледѣльческая—844.610, Средневожская—1.444.443, Нижневожская—1.483.631, Приуральская—534.650 десятинъ.

²⁾ Номенклатура областей у Янсона (Сравнительная статистика) не вполне совпадаетъ съ номенклатурой центрального статистическаго комитета. Мы беремъ здѣсь только черноземныя области: степную, степную и суглинистую по номенклатурѣ Янсона.

менше продолжительные сроки въ аренду ¹⁾, ибо такому разоренному хозяину этотъ способъ эксплуатаціи своего надѣла только и остается.

Но, рядомъ съ этимъ, тѣ же причины вызовутъ и еще нѣкоторыя явленія. Теперь, какъ извѣстно, значительная часть земель крупныхъ землевладѣльцевъ эксплуатируется въ черноземной полосѣ помощью исполщины или сдачи въ аренду крестьянамъ и, какъ показываетъ вышеприведенный расчетъ, только при помощи хлѣба, получавшагося до сихъ поръ съ исполсныхъ или арендованныхъ полей и могли еще кое-какъ сводить концы съ концами, если не самые бѣдные, то хоть средніе по состоятельности крестьяне, особенно въ центральной черноземной полосѣ. Но неурожай поразилъ вѣдь и помѣщичьи поля и, конечно, въ сильнѣйшей степени наиболѣе дурно, обыкновенно, обрабатываемые исполсные поевы. Потому помѣщики, разумѣется, постараются, по возможности, замѣнить этотъ способъ обработки иными, дающими лучшіе результаты; они перейдутъ для этого, прежде всего, къ батрачной обработкѣ. И это будетъ легко сдѣлать именно теперь, когда, благодаря разоренію массы крестьянъ-хозяевъ, рабочая плата сильно падетъ и рабочихъ явится такое изобиліе, какого никогда прежде не бывало. Мало этого, помѣщики просто вынуждены будутъ перейти къ батрачному хозяйству, такъ какъ прежніе исполщники и арендаторы-крестьяне, вслѣдствіе

¹⁾ В. Е. Постниковъ (названное сочиненіе) указываетъ, что большія общины благопріятствуютъ кулакамъ производить скупку и арендованіе надѣловъ, почему кулаки и являются противниками раздробленія на болѣе мелкіе поселки.

уменьшенія количества рабочаго скота, не въ состояніи будутъ обработать помѣщичьи земли.

Этотъ метаморфозъ помѣщичьихъ хозяйствъ отзовется на крестьянахъ новымъ уменьшеніемъ ихъ средствъ: лишившись арендныхъ и исполсныхъ помѣщичьихъ земель, многіе изъ нихъ совершенно лишаются возможности возстановить свои хозяйства даже въ будущемъ. Это именно тѣ, которые, благодаря голоду, потеряли и скотъ, и прочій хозяйственный инвентарь и которые и прежде держались только благодаря исполной работѣ и арендѣ. Теперь, лишившись возможности заниматься исполщиной, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишаются возможности обрабатывать свои надѣлы и вынуждены идти въ батраки или заниматься поденщиной.

Такимъ образомъ, уже одинъ такой неурожай и голодъ, какъ въ 1891 году, фактически обратилъ, безъ сомнѣнія, массу крестьянъ въ безземельныхъ или, какъ ихъ вѣжливо называютъ наши земскіе статистики, въ „безхозяйственныхъ“. Еще въ болѣе мѣрѣ это явленіе обнаружится въ областяхъ, гдѣ неурожай повторился въ слѣдующемъ году. Въ результатъ, словомъ, земля сосредоточится въ рукахъ болѣе состоятельныхъ, устоявшихъ въ борьбѣ крестьянъ, а значительная часть безземельныхъ должна будетъ искать работы на сторонѣ, не выходя се дома. Эта часть, весьма вѣроятно, совершенно порветъ связь съ землей, переселившись въ города. Спрашивается, что же это такое, какъ не безземельный пролетаріатъ? Если онъ будетъ не городскимъ, а сельскимъ (по крайней мѣрѣ, по имени), то, вѣдь, отъ этого ничуть не измѣнится его характеръ. А если мы спросимъ себя, затѣмъ, гдѣ причина или,

точнѣе, причины появленія безземельныхъ пролетаріевъ у насъ и вмѣстѣ страшной бѣдности всего крестьянства, то должны будемъ назвать въ числѣ этихъ причинъ непремѣнно и общину съ ея порядкомъ землепользованія, тормозящаго всякія улучшенія въ крестьянскихъ хозяйствахъ, особенно въ черноземной полосѣ, благодаря скученію населенія въ слишкомъ многочисленныхъ поселкахъ.

XIV.

Проектъ регулированія общиннаго землепользованія, выработанный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Смыслъ удлиненія сроковъ передѣловъ — обезпеченіе пользованія землей. Необходимость государственнаго вмѣшательства для уничтоженія длинноземелья.

Вотъ каково положеніе въ настоящій моментъ и вотъ на что мы можемъ рассчитывать въ ближайшемъ будущемъ. Естественно, что если, при условіяхъ этого ближайшаго будущаго [подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть не одинъ, а нѣсколько (2—3, а, можетъ быть, и 5—10) лѣтъ], неурожай повторится, какъ это и случилось въ значительной части центральной полосы, то положеніе сдѣлается еще серьезнѣе. Но, кромѣ того, мы показали, что и при условіяхъ полнаго урожая положеніе должно ухудшаться. Мало этого: ни переселеніе, ни увеличеніе надѣловъ ни, невѣроятное впрочемъ, уменьшеніе податной тяжести не спасутъ насъ отъ вѣчно висѣщаго надъ нашими головами дамклова меча въ видѣ неурожая, который, при существующихъ условіяхъ, равнозначущъ съ голодомъ. Притомъ, голодь будетъ стано-

виться хроническимъ явленіемъ и выбрасывать все большую и большую массу крестьянъ изъ селъ въ города.

Передъ нами, слѣдовательно, крайне серьезный вопросъ: рѣчь идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о сохраненіи нашего крестьянскаго земледѣлія. Очевидно, въ виду такого серьезнаго вопроса, необходимо принять возможно скоро соотвѣтствующія мѣры для устраненія затрудненій.

Что положеніе крестьянства неудовлетворительно, это теперь уже не оспаривается, можно сказать, ни кѣмъ, и даже относительно многихъ мѣръ, должствующихъ привести къ улучшенію положенія, существуетъ довольно полное согласіе между органами печати самыхъ разнообразныхъ направленій. Конечно, „Московскія Вѣдомости“ желаютъ, чтобы и дворяне, и духовные не были обдѣлены при раздѣлѣ сибирскихъ земель, тогда какъ, напр., „Русскія Вѣдомости“ желали бы сохранить эти земли для исключительнаго надѣленія ими крестьянскихъ общинъ, но и та, и другая газета одинаково признаютъ необходимость переселенія крестьянъ въ Сибирь. Неудивительно, поэтому, что и въ официальныхъ сферахъ къ переселеніямъ стали относиться болѣе благосклонно и, какъ извѣстно, комитетъ по постройкѣ Сибирской желѣзной дороги прямо включилъ вопросъ объ организаціи переселеній въ число своихъ задачъ.

Мы уже указывали выше, что переселенія, безъ регулированія землепользованія и улучшенія земледѣльческой культуры, не обезпечатъ благосостоянія населенія. И эта сторона дѣла обратила на себя вниманіе, вслѣдствіе чего министерство внутреннихъ дѣлъ выработало проектъ регулированія крестьян-

скаго землепользованія, который 8-го июня 1893 г. и сталъ закономъ. Сущность новаго закона сводится къ установленію срока передѣловъ, не менѣ двѣнадцати лѣтъ, и запрещенію такъ-называемой „свалки и навалки душь“ въ промежуткахъ между передѣлами. Этимъ хотятъ достигнуть болѣе прочности владѣнія, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать болѣе выгоднымъ для пользующагося землею примѣненіе различныхъ культурныхъ улучшеній.

Мы не можемъ, однако, признать, что этимъ путемъ дана будетъ возможность отдѣльнымъ хозяевамъ-общинникамъ вводить улучшенія въ обработкѣ, по крайней мѣрѣ въ той мѣрѣ, въ какой это желательно. Болѣе продолжительный срокъ пользования даннымъ участкомъ, конечно, облегчитъ примѣненіе удобренія, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда этому препятствовала именно краткосрочность пользования. Мы видѣли, однако, что и помимо краткосрочности владѣнія, существуютъ весьма серьезныя препятствія осуществленію этого полезнаго улучшенія, особенно въ черноземной полосѣ, и эти препятствія не уничтожатся и при періодахъ въ 12 лѣтъ между передѣлами. Но, кромѣ того, для безпеченія постоянства урожаевъ и еще болѣе постоянства доходовъ, нельзя ограничиться однимъ примѣненіемъ удобренія, а нужно измѣнить всю систему хозяйства. Безъ такого измѣненія, собственно говоря, и самое примѣненіе удобренія не можетъ получить надлежащаго распространенія, по той простой причинѣ, что, при господствѣ трехпольнаго зерноваго хозяйства и почти полномъ отсутствіи луговъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ средней черноземной полосы, здѣсь и не можетъ быть

достаточнаго количества удобренія безъ полученія кормовыхъ средствъ со стороны.

Наконецъ, установленіе минимальнаго срока передѣловъ имѣетъ еще одинъ недостатокъ, который свойственъ и многимъ другимъ, проектируемымъ или уже проведеннымъ въ послѣднее время мѣрамъ. Это именно весьма сложная регламентация и усиленный надзоръ за общинными распорядками, котораго потребуетъ проведеніе указанной мѣры въ жизнь. Намъ кажется, что нельзя принципиально признать рациональнымъ такое государственное мѣропріятіе, осуществленіе котораго вызываетъ необходимость постоянного надзора со стороны представителей государственной власти, особенно въ томъ случаѣ, когда данное мѣропріятіе распространяется на огромную массу населенія, живущую среди разнообразныхъ естественныхъ и экономическихъ условий. Въ такомъ случаѣ, всякая мѣра, выполненіе которой требуетъ только однократнаго воздѣйствія власти и кратковременнаго надзора со стороны ея представителей, окажется всегда гораздо рациональнѣе и выполнимѣе. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только представить себѣ, каковъ долженъ быть надзоръ земскихъ начальниковъ, чтобы проектируемая мѣра не осталась только на бумагѣ, а дѣйствительно осуществлялась въ жизни. Прежде всего, ясно, что ни одинъ земскій начальникъ не можетъ лично присутствовать при передѣлѣ не только во всѣхъ общинахъ своего участка, но даже въ ничтожномъ меньшинствѣ ихъ. Нормально онъ не будетъ свидѣтелемъ даже одного передѣла во всемъ участкѣ и, слѣдовательно, „про-вѣрка на мѣстѣ“ земскимъ начальникомъ приговора о передѣлѣ всегда останется чисто формальной. И

даже болѣе: община фактически можетъ передѣлять землю хоть каждый годъ, хотя на бумагѣ, въ постановленіи схода, и будетъ значиться 12-ти или 15-ти-лѣтній періодъ между передѣлами. Равнымъ образомъ, и при спорахъ о качествѣ надѣла (когда, согласно § 9-му закона, улучшившій надѣлъ можетъ требовать вознагражденія) какимъ образомъ земскій начальникъ можетъ удостовѣриться въ справедливости или ложности доноса? При отсутствіи специальныхъ знаній у огромнаго большинства земскихъ начальниковъ рѣшеніе вопроса будетъ почти невозможно, да и вообще, разъ доносъ можетъ быть подтвержденъ или опровергнутъ только фактическимъ осмотромъ и измѣреніемъ дѣлянокъ, позволительно усомниться, чтобы кто-либо изъ земскихъ начальниковъ взялся за такую провѣрку. При серьезномъ отношеніи къ дѣлу подобныя изслѣдованія будутъ отнимать массу времени у земскихъ начальниковъ, которые и теперь уже обременены достаточно; потому, большинство, конечно, предпочтетъ ограничиваться въ подобныхъ случаяхъ угрозами или наказаніемъ виновныхъ, часто только мнимыхъ. Какую пользу такой порядокъ принесетъ дѣлу — кажется, нѣтъ надобности объяснять.

Но указанныя неудобства проектированнаго способа регулированія общиннаго землепользованія, все же, имѣютъ второстепенное значеніе. Главное же дѣло въ томъ, что такимъ путемъ устранится только ничтожная часть тѣхъ обстоятельствъ, которыя мѣшаютъ правильной постановкѣ хозяйства. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, можно признать, что самый фактъ передѣла, — хотя бы и одинъ разъ въ 12 лѣтъ, — не препятствуетъ введенію улучшеній? Развѣ мы не имѣемъ

извѣстій рѣшительно изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ практикуются передѣлы, что уже за нѣсколько лѣтъ до наступленія передѣла правильное удобреніе полей прекращается? Развѣ черезполосица и выгонъ скота на поля не представляютъ уже сами по себѣ зла, которое нужно стремиться уничтожить?

Мы полагаемъ, что все, сказанное въ предыдущемъ о необходимости перехода къ иной формѣ полеводства, — особенно въ центральной черноземной полосѣ Россіи, — достаточно доказательно, чтобы подтвердить нашъ выводъ, что безъ такого перехода, а, слѣд., безъ кореннаго измѣненія въ способѣ пользованія землею — намъ грозитъ полное крушеніе крестьянскихъ хозяйствъ, прежде всего, именно центральной черноземной полосы. Потому, если, для предотвращения этого бѣдствія, мы пожертвуемъ тѣмъ стремленіемъ къ „равненію“, которое считается самымъ характернымъ, а многими и самымъ драгоценнымъ признакомъ современнаго порядка общиннаго землепользованія, то мы останемся въ чистомъ выигрышѣ, особенно потому, что самое „равненіе“ — есть приведеніе всѣхъ къ одному уровню — совершенныхъ голышей.

Какъ же достигнуть желаемого результата? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателя на то, что мы вездѣ говоримъ о вредѣ „современнаго порядка пользованія общинной землей“. Этимъ мы хотимъ подчеркнуть, что дѣло не въ общинѣ, какъ способѣ владѣнія землею, — а только въ способѣ пользованія землею, установившемся въ нашихъ общинахъ. Этимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сказано, что и для устраненія тѣхъ обстоятельствъ, которыя препятствуютъ рациональ-

ной земледѣльской культурѣ общинныхъ земель, нѣтъ надобности уничтожать *общинное землевладѣніе*, а нужно только измѣнить современный порядокъ пользованія общинными землями. Мы уже упоминали выше, что термины „землевладѣніе“ и „землепользованіе“ часто смѣшиваются и указали ихъ различіе. Но, конечно, способъ землепользованія и форма землевладѣнія до нѣкоторой степени связаны между собою, и связь эта обнаруживается въ данномъ случаѣ, именно, въ передѣлахъ. Смыслъ послѣднихъ заключается въ томъ, чтобы дать возможность вновь народившимся членамъ осуществить фактически свое право пользованія принадлежащей имъ, какъ членамъ общины, долей общинной земли. Эта цѣль достигается, однако, наиболѣе полно только при ежегодныхъ передѣлахъ всѣхъ земель общины между домохозяевами по числу наличныхъ въ данный моментъ членовъ общины (лицъ мужескаго пола) въ каждомъ хозяйствѣ или еще лучше — по числу наличныхъ рабочихъ силъ. Но въ такой формѣ, какъ извѣстно, передѣлы нигдѣ или почти нигдѣ уже не существуютъ. Дѣйствительно, даже тамъ, гдѣ практикуется ежегодная переверстка всѣхъ земель, норма надѣла cadaго домохозяина отнюдь не сообразуется съ числомъ наличныхъ мужскихъ душъ или наличныхъ рабочихъ силъ въ его семьѣ. Въ огромномъ числѣ (если не въ большинствѣ) случаевъ, норма эта и до сихъ поръ опредѣляется по числу ревизскихъ душъ (по X-й ревизіи). Но даже и тамъ, гдѣ послѣ ревизіи произошли передѣлы по наличнымъ въ моментъ передѣла душамъ, только въ этотъ моментъ и существовало указанное идеальное отношеніе между числомъ мужскихъ душъ и надѣльной

нормой семьи ¹⁾, такъ какъ одновременно съ такимъ передѣломъ рѣшительно вездѣ (исключеній, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно мало) постановлялось, что новый передѣлъ можетъ быть произведенъ только черезъ опредѣленный, болѣе или менѣе продолжительный срокъ, обыкновенно не менѣе, какъ черезъ 10—12 лѣтъ, а нерѣдко и черезъ 20 лѣтъ. Извѣстно, далѣе, что самая пережеребьевка (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ передѣломъ) т.-е., отводъ каждому домохозяину опредѣленнаго участка въ каждомъ полѣ, все болѣе выходитъ изъ употребленія и, продолжая практиковаться въ значительномъ числѣ случаевъ въ области чернозема, производится въ области нечерноземной, гдѣ давно примѣняется навозное удобреніе, только одновременно съ передѣлами.

Всѣ эти явленія объясняются „уступками общины въ пользу требованій культуры“, какъ говорятъ поклонники общины; эти уступки „указываютъ на способность общины приспособляться къ культурнымъ требованіямъ“. Это совершенно вѣрно; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, если принять во вниманіе, что сроки передѣловъ, какъ замѣчено еще В. И. Орловымъ, постепенно удлиняются, нужно признать, что нарушеніе правъ отдѣльныхъ членовъ все болѣе и болѣе увеличивается (съ удлинненіемъ сроковъ передѣловъ). Во что выродится въ концѣ концовъ это удлинненіе, если предоставить процессъ его естественному ходу, не трудно было бы предсказать по аналогіи съ другими странами ²⁾. Но насъ не интересуетъ въ данномъ случаѣ этотъ вопросъ.

¹⁾ И то не всегда, такъ какъ нерѣдко младшіе возрасты (до 8—10 и болѣе лѣтъ) не принимались въ расчетъ.

²⁾ Кстати замѣтимъ, что по даннымъ, собраннымъ Ярославскимъ статистическимъ комитетомъ относительно половины всѣхъ

Намъ дѣло представляется такъ: община, подъ давленіемъ требованій культуры, поступилась уже многими своими правами, точнѣе: вынуждена была нарушить права многихъ своихъ членовъ. И чѣмъ болѣе повышаются требованія культуры, тѣмъ эти нарушенія становятся все болѣе и, при всемъ томъ, цѣль, ради которой они допускаются, не достигается достаточно полно, т.-е. требованія культуры не удовлетворяются. Особенно рѣзко это недостаточное удовлетвореніе культурныхъ требованій бросается въ глаза въ области чернозема. А между тѣмъ, именно здѣсь, въ этой чисто земледѣльческой области, гдѣ населеніе не имѣетъ никакихъ заработковъ помимо земледѣлія, гдѣ, къ тому же, климатическія условія менѣе постоянны, именно здѣсь особенно важно возможно-раціональное веденіе хозяйства. Притомъ здѣсь, въ числѣ препятствій ко введенію улучшеній въ земледѣльческой технику, находятся такія, которыя община, даже и при желаніи не въ силахъ устранить собственной властью. Таковы именно на первомъ мѣстѣ: та черезполосица земель различныхъ владѣльцевъ, на которую указывалъ еще Кавелинъ, а затѣмъ та необыкновенная скученность населенія, которая имѣетъ мѣсто особенно въ поселкахъ бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и вызываетъ почти всѣ тѣ неудобства, которыя происходятъ при черезполосицѣ

общинъ въ губерніи, оказывается, что изъ этого числа уже къ 1882 году 4,5% перешло къ подворному владѣнію. Фактъ знаменательный—въ виду того, что именно въ этой губерніи весьма сильно обозначилась потребность перехода къ болѣе интенсивному и раціональному хозяйству. В. В. «Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ». Спб. 1892, стр. 150.

земель общины съ землями другихъ владѣльцевъ, часто, къ тому же, соединяясь и съ такой черезполосицей. *Вотъ эти-то препятствія и нужно прежде всего устранить, ибо только послѣ этого и сдѣлается возможнымъ естественное развитіе хозяйства крестьянъ.*

XV.

Дальнѣйшія мѣропріятія по регулированію землепользованія въ общинѣ.

Коль скоро указанные выше препятствія будутъ устранены, то введеніе улучшеній въ крестьянское земледѣліе облегчится. Но не слѣдуетъ-ли пойти дальше? Не слѣдуетъ-ли принять болѣе дѣятельныя мѣры для того, чтобы облегчить отдѣльнымъ членамъ общины переходъ къ раціональному хозяйству?

Мы думаемъ, что слѣдуетъ и что нужно именно идти въ томъ самомъ направленіи, которое указываетъ самый ходъ развитія общины и измѣненіе въ способахъ пользованія общинными землями. Тенденція метаморфоза въ порядкѣ пользованія общинной землей, безспорно, состоитъ въ томъ, что доля каждаго общинника остается все болѣе долгое время безъ измѣненія, не только количественно,—въ видѣ площади извѣстнаго размѣра,—но и качественно, т.-е. въ видѣ данныхъ именно участковъ земли. Развитіе этой-то тенденціи и нужно облегчить и ускорить. Это значитъ: *нужно сдѣлать возможнымъ для каждаго общинника пользоваться безъ всякихъ помехъ со стороны другихъ членовъ общины соответствующимъ участкомъ земли;* говоря проще, это значитъ: *дать право каждому общиннику требо-*

вать себя выдѣла въ личное потомственное пользование известнаго размера участка изъ общинной земли.

Значить-ли это, что мы предлагаемъ разрушить общину? Отнюдь нѣтъ. Напротивъ: введя раздѣленіе общинныхъ полей на отдѣльные отрубные участки съ предоставленіемъ каждому изъ нихъ въ наследственное пользование одного изъ членовъ общины, слѣдуетъ, полагаемъ мы, установить, что право собственности на землю принадлежитъ не каждому общиннику отдѣльно, а всей общинѣ; причемъ, во избѣжаніе возможныхъ злоупотребленій, право продажи земель общиной должно быть контролируемо и допускаемо только въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ, случаяхъ ¹⁾. Отдѣльные же общинники, само собою разумѣется, должны быть совершенно лишены права отчужденія земли, не только путемъ продажи, но и путемъ отдачи въ аренду, по крайней мѣрѣ, долгосрочную.

Если хозяинъ не эксплуатируетъ лично отведеннаго ему участка, то обязанъ сдать его общинѣ, которая и можетъ отдать его тому или другому изъ членовъ общины въ пользование. Такимъ образомъ, участокъ дѣлается именно только пользовательнымъ и устраняется обращеніе его въ рентную статью, что совершенно не соответствуетъ смыслу надѣленія крестьянъ землею.

¹⁾ Конечно, г. Слонимскій («Охрана крестьянскаго землевладѣнія») совершенно правъ, говоря, что цѣлая община относится обыкновенно очень серьезно къ вопросу отчужденія земли; тѣмъ не менѣе, возможны случаи, когда крестьяне, подобно порховелинцъ, будутъ втянуты въ невыгодныя спекуляціи, по незнанію, и это-то и нужно предотвратить.

Мы не сомнѣваемся, что такой порядокъ легко ввести въ общинахъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, такъ какъ среди нихъ, благодаря недавнему и почти незамѣтному для нихъ переходу на выкупъ ¹⁾, идея выкупа земли въ личную или семейную собственность еще не успѣла получить права гражданства. Другое дѣло — бывшіе помѣщичьи и удѣльные. У нихъ, благодаря нѣкоторымъ промахамъ въ Положеніяхъ, регулирующихъ ихъ землепользованіе, укоренилась идея, что выкупъ земли производится въ личную собственность каждого надѣльнаго двора. Но въ послѣднее время и среди этой группы это мнѣніе начало колебаться, благодаря требованію прироста населенія объ отводѣ ему земель. Потому, можно надѣяться, что и здѣсь, хотя и будетъ, можетъ быть, нѣкоторое недовольство, но оно легко устранимо помощью мѣръ, которыя мы сейчасъ укажемъ.

Само собою разумѣется, однако, что однимъ разрѣшеніемъ разверстки земель общины вопросъ о регулированіи крестьянскаго землевладѣнія не будетъ разрѣшенъ. Тѣмъ не менѣе, относительно государственныхъ крестьянъ, съ ихъ, болышею частью, весьма достаточными надѣлами, этимъ будетъ сдѣланъ большой шагъ впередъ. Содѣйствіе земства и правительства расселенію крупныхъ общинъ, безъ сомнѣнія, весьма быстро окупится улучшеніемъ ихъ экономическаго положенія. Земства, въ частности, могли бы употребить на это пособие нѣкоторую часть своихъ

¹⁾ Переходъ былъ незамѣтенъ, потому что соединился съ отменной подушной подати, при чемъ установлено было, что общая сумма ежегодныхъ платежей по выкупу не должна превышать суммы оброчной подати съ подушнымъ окладомъ.

страховыхъ капиталовъ, ибо расселеніе хуторами и даже болѣе мелкими селеніями—гораздо больше будетъ содѣйствовать сбереженію этихъ капиталовъ, чѣмъ возведеніе какихъ бы то ни было огнеупорныхъ построекъ или огнеупорныхъ крышъ и т. п. На сколько важно уменьшеніе пожарныхъ убытковъ видно, напр., изъ того, что казанское и нѣкоторыя другія земства въ 1891 году получили государственныя пособія въ сотни тысячъ рублей для пополненія своего страхового капитала и все же нѣкоторыя (казанское) изъ нихъ не могли удовлетворить своевременно всѣхъ потерявшихъ, часть которыхъ, благодаря этому, осталась на зиму безъ крова.

Не менѣе благодѣтельно будетъ расселеніе тѣхъ общинъ или селеній, надѣлы которыхъ, не составляя значительной площади, тѣмъ не менѣе сильно растянуты или лежатъ вполнѣ или отчасти въ значительномъ разстояніи отъ усадебъ. Здѣсь, однако, въ большинствѣ случаевъ, въ виду ничтожной величины или, во всякомъ случаѣ, недостаточности надѣловъ и череполосности земель различныхъ владѣльцевъ, нельзя ограничиться однимъ расселеніемъ; эту мѣру необходимо соединить здѣсь съ другими мѣрами, каковы: размежеваніе, увеличеніе надѣльной земли помощью прикупки смежныхъ владѣльческихъ земель или прирѣзки государственныхъ, гдѣ таковыя еще имѣются, и, наконецъ, выселеніе на окраины.

Хотя мы не ставимъ себѣ задачи предлагать подробный проектъ мѣръ, которыя необходимо провести для урегулированія крестьянскаго землевладѣнія и поднятія крестьянскаго земледѣлія, тѣмъ не менѣе, считаемъ нужнымъ остановиться еще на нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ.

Прежде всего, намъ кажется необходимымъ не задаваться неосуществимымъ идеаломъ, каковымъ было бы стремленіе—устроить всѣ тѣ семьи, которыя теперь числятся земледѣльцами, непременно въ качествѣ таковыхъ. Среди приписанныхъ къ общинамъ нечерноземной полосы есть не мало такихъ, которые или никогда не занимались земледѣліемъ, живя постоянно въ городѣ, или уже давно (лѣтъ 8—10) не занимаются имъ, числясь въ разрядѣ „пустырниковъ“¹⁾. Такія лица прямо должны быть исключены изъ общины, т.-е. вновь вводимое распределеніе общинной земли не должно ихъ принимать во вниманіе. Но, такъ какъ они все же участвовали въ выкупѣ земли, то имъ, тѣмъ или другимъ способомъ, должно быть дано за это вознагражденіе. Въ случаѣ, когда они имѣютъ еще дворъ, возмѣщеніе ихъ доли могло бы выразиться сохраненіемъ за ними права на усадебную землю (поступающую въ личную ихъ собственность) безъ платы во все остающееся до окончательнаго выкупа время выкупныхъ платежей. Если бы это вознагражденіе оказалось недостаточнымъ, они могли бы быть избавлены, сверхъ того отъ другихъ видовъ земельныхъ налоговъ (государственнаго и земскаго земельного сбора)²⁾. Къ

1) Такъ зовутъ, какъ извѣстно, въ Московской губ. тѣхъ крестьянъ, которые не занимаются земледѣліемъ и которыми, поэтому, общины отводятъ слѣдующіе имъ надѣлы въ особомъ запольномъ участкѣ—«пустырѣ»,—откуда и названіе.

2) Или удовлетворены прирѣзкой соотвѣтствующаго количества приусадебной земли, конечно, по разцѣлкѣ. Такое же вознагражденіе могло бы быть предложено и не живущимъ въ деревнѣ членамъ общины, подъ условіемъ сохраненія за общиной во всѣхъ подобныхъ случаяхъ права уплаты такимъ членамъ ихъ долей деньгами по

одной категоріи съ пустырниками должны быть причислены и всѣ тѣ безлошадные (не имѣющіе рабочаго скота вообще), которые потеряли скотъ относительно давно и сдаютъ свои надѣлы, равно и тѣ, у кого надѣлы отобраны общиной за недоимки и, наконецъ, всѣ тѣ, которые, имѣя усадебную осѣдлость въ деревнѣ, давно не занимаются земледѣліемъ, а или кустарничествомъ, или отхожими промыслами.

Такое положеніе есть только признаніе совершившагося факта—отрѣшенія известной части земледѣльческаго населенія отъ своего прежняго промысла; фактъ же этотъ если и могъ бы, можетъ быть, быть устраненъ, то, во всякомъ случаѣ, для этого время уже упущено. Эти лица въ огромномъ большинствѣ окажутся совершенно неспособными вести хозяйство, не только по недостатку нужныхъ матеріальныхъ средствъ,—это было бы еще поправимо,—но и по неумѣнью взяться за дѣло. Но среди населенія окажутся и многіе обезлошадѣвшіе, которые не покидали земледѣлія, устройство которыхъ потребовало бы, однако, особыхъ мѣропріятій, въ видѣ, напр., кредита для обзаведенія инвентаремъ. А такъ какъ введеніе ихъ въ общій счетъ при передѣлѣ общинной земли значительно усложнитъ дѣло, то будетъ, кажется, практичнѣе причислить ихъ къ переселяемымъ, тѣмъ болѣе, что на новыхъ мѣстахъ и обзаведеніе рабочимъ скотомъ окажется легче, по изобилію такового здѣсь. Но этотъ вопросъ пред-

определенной оцѣнкѣ, для чего общинамъ можетъ быть открытъ соответствующій кредитъ. Къ этой же категоріи слѣдовало бы, можетъ быть, причислить и крестьянъ, имѣющихъ землю въ личной собственности на сторонѣ, особенно если они не живутъ въ общинѣ и не пользуются здѣсь своимъ надѣломъ лично, а сдаютъ его.

ставляетъ уже частность и потому мы на немъ останавливаться не будемъ.

По отношенію къ нечерноземной полосѣ задача разрѣшается довольно просто, по скольку можно обойтись безъ увеличенія надѣловъ. Здѣсь достаточно установить, что каждый домохозяинъ владѣетъ тѣмъ количествомъ земли, какимъ владѣлъ въ моментъ введенія новаго положенія, съ тѣмъ прирѣзкомъ, который причитается ему изъ доли исключенныхъ членовъ и съ предоставленіемъ ему права требовать себѣ выдѣленія соответствующей части полей въ одинъ отрубной кусокъ съ обязательствомъ выселиться на этотъ участокъ ¹⁾. При этомъ хотя и можно оставить за общиной право указывать, въ какомъ мѣстѣ ей наиболѣе удобно произвести отрѣзку, однако, необходимо установить, чтобы отрѣзаемый кусокъ соответствовалъ размѣру владѣнія данного члена не по площади, а по цѣнности. Кстати замѣтимъ, что отсутствіе этого правила составляетъ главную причину того, что всѣ или огромное большинство лицъ, выкупившихъ свои надѣлы на основаніи 165 ст., до сихъ поръ фактически не выдѣлились почти нигдѣ, особенно въ нечерноземной полосѣ (что то же приводилось въ числѣ доказательствъ особенной любви къ общинѣ), гдѣ такихъ выкуповъ было наибольшее количество. Здѣсь именно право общины отвести участокъ въ любой части поля дѣлало невозможнымъ выдѣленіе; такъ какъ одворные участки имѣютъ несравненно большую цѣнность, чѣмъ даль-

¹⁾ На первыхъ порахъ важно именно только выдѣленіе «полей», т.-е. пашни съ цѣлью сохранить возможность общей пастбы на постоянныхъ выгонахъ, но избавить отъ выгона пахатные участки.

ніе и особенно запольные. А по смыслу 165 ст. община могла отвести участок даже из пустырей, разработка которыхъ требуетъ особенно большихъ затратъ.

Въ нечерноземной полосѣ, при небольшомъ числѣ членовъ общины, часто можно будетъ, вѣроятно, и при раздѣлѣ на отрубные участки или выдѣлѣ таковыхъ избѣгать выселенія изъ деревни, и къ этому слѣдуетъ стремиться.

Такъ просто рѣшается задача, однако, и въ нечерноземной полосѣ только при условіи достаточнаго размѣра надѣла. Но и въ случаѣ необходимости дополнить надѣлъ, здѣсь операція будетъ проще и именно потому, что приобрѣтеніе необходимой земли не представитъ, можно сказать, никакихъ затрудненій, за исключеніемъ развѣ немногихъ мѣстностей Московской и смежныхъ губерній центрального промышленнаго района. Это предположеніе мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: во-1-хъ, въ большей части нечерноземныхъ губерній надѣлъ даже помѣщичьихъ крестьянъ не былъ особенно малъ, во всякомъ случаѣ значительно болѣе надѣловъ центральной черноземной полосы; во-2-хъ, въ этихъ же губерніяхъ наибольшее количество крестьянъ бросило земледѣліе и потому, много будетъ такихъ, которые, согласно вышесказанному, подлежатъ исключенію изъ общины. Въ-третьихъ, здѣсь легче будетъ довести надѣлъ до нормы, такъ какъ земля дешевле, да и нельзя ожидать значительнаго **повышенія** цѣны ея, даже при довольно бойкой покупкѣ. Это объясняется тѣмъ, что здѣсь веденіе хозяйства самими владѣльцами чрезвычайно неудобно ¹⁾, ибо

¹⁾ Не даромъ же здѣсь было наиболѣе заброшенныхъ по вве-

это тоже (для Россіи), въ нѣкоторомъ родѣ, скотоводственная область, хотя, конечно, и не такой интенсивности, какъ англійская; но все же хозяйство въ этой области, которая, такъ сказать, самой природой предназначена для разведенія молочнаго скота ¹⁾, требуетъ довольно высокой интенсивности. Земли же здѣшнія настолько еще дики (напр., бывшія лѣсныя площади и такъ-называемые облоги), что обращеніе ихъ въ культурное состояніе требуетъ огромной затраты труда. Здѣсь именно важно, что требуется затрата *живого труда* человѣка, который, можно сказать, крестьянину ничего не стоитъ, а для землевладѣльца — крупнаго хозяина представляетъ самую неудобную форму приложенія капитала. По всемъ этимъ соображеніямъ, мы думаемъ, что здѣсь не встрѣтятся особенныхъ затрудненій при выполнении предлагаемаго плана.

Гораздо сложнѣе будетъ задача въ черноземной полосѣ. Здѣсь слѣдуетъ начать, какъ сказано выше, съ уничтоженія наиболѣе крупныхъ поселковъ, путемъ ихъ расселенія. Во многихъ случаяхъ, конечно, встрѣтятся нѣкоторыя препятствія къ осуществленію этой мѣры и нужно будетъ прибѣгнуть къ поощренію выселяющихся особыми льготами. Какъ было замѣчено уже, крупные поселки получили особую притягательную силу и потому желающихъ высе-

деніи «Положенія» помѣщичьихъ хозяйствъ; да не даромъ и мысль о «земскомъ крестьянскомъ банкѣ» зародилась именно въ этихъ областяхъ.

¹⁾ Вѣрность этого положенія подтверждается тѣмъ, что первые же опыты изслѣдованія нашего скотоводства показали, что здѣсь имѣется уже нѣсколько молочныхъ породъ высокой производительности, каковы хозмогорка, ярославка, мещерка и другія.

литься не вездѣ можетъ оказаться достаточное число. Однако, если земство, — гдѣ окажется нужнымъ, даже съ пособіемъ государства, — откроетъ выселенцамъ кредитъ ¹⁾ на возведеніе построекъ на новыхъ мѣстахъ и понизитъ сумму страховыхъ платежей на извѣстный срокъ, то этимъ уже будетъ вызвано во многихъ случаяхъ достаточно охотниковъ. Къ тому же, право требовать отрубного участка и открытіе кредита или выдача безвозвратныхъ пособій на устройство водоснабженія (рытье колодцевъ или прудовъ), гдѣ это потребуется для возможности основанія отдѣльныхъ хуторовъ или болѣе дробныхъ поселковъ, вызоветъ еще нѣкоторое количество охотниковъ переселиться.

Въ большинствѣ случаевъ и этихъ мѣръ окажется, вѣроятно, достаточно ²⁾; тамъ же, гдѣ они окажутся недостаточными, можно будетъ, безъ сомнѣнія, сообразно мѣстнымъ условіямъ, найти и еще иныя, въ крайности же не слѣдуетъ останавливаться передъ обязательнымъ расселеніемъ. Конечно, и здѣсь раздѣлъ земли долженъ быть регулированъ не по площади, а по цѣнности ея, и увеличеніе размѣра участковъ выселяющихся, получающихъ въ большинствѣ худшія, неудобрявшіяся земли, будетъ одной изъ мѣръ для привлеченія къ выселенію ³⁾. Но такъ какъ

¹⁾ Такой кредитъ, какъ справедливо замѣчаетъ В. Е. Постниковъ, съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ меліорационнымъ.

²⁾ По свидѣтельству В. Е. Постникова (назв. сочин.), во многихъ большихъ общинахъ южной Россіи расселеніе задерживается только требованіемъ закона, чтобы постановленія такого рода утверждались $\frac{2}{3}$ голосовъ всѣхъ домохозяевъ, и часто полной невозможностью обезужденія на слишкомъ многочисленныхъ сходахъ.

³⁾ Неумѣнье провзвести надлежащую раздѣлку земли служить также однимъ изъ существенныхъ препятствій къ расселенію, равно

крестьяне сами сознаютъ все неудобство теперешнихъ условій, то можно надѣяться, что при нѣкоторомъ поощреніи въ большинствѣ случаевъ просто мірскими приговорами будетъ рѣшено воспользоваться случаемъ для выселенія.

Но еще болѣе сложная работа предстоитъ при регулированіи землевладѣнія и землепользованія хотя и болѣе мелкихъ общинъ, но надѣленныхъ череполосно или скученныхъ въ одной деревнѣ по нѣскольку.

Здѣсь необходимо прибѣгнуть къ расселенію, прежде всего, различныхъ общинъ, составляющихъ данное селеніе, а для этого во многихъ случаяхъ потребуется размежеваніе съ сосѣдними частными владѣльцами. Кромѣ того, въ виду недостаточности часто надѣловъ у такихъ общинъ, необходимо одновременно озаботиться о доведеніи надѣловъ до нормы.

Прежде всего, слѣдовательно, важно опредѣлить, что признать за удовлетворительный размѣръ надѣла. Кавелинъ („Крестьянскій вопросъ“) находилъ, что такой нормой слѣдуетъ признать высшій размѣръ надѣла по Положенію 19 февраля 1861 г. для данной мѣстности, рассчитывая его на ревизскую душу 10-й ревизіи. Съ этимъ можно бы согласиться, что касается тѣхъ домохозяевъ, которые теперь владѣютъ меньшей нормой, съ одной, впрочемъ, существенной оговоркой.

Дѣло въ томъ, что разъ мы задаемся задачей достигнуть если не теперь, то въ ближайшемъ, по возможности, будущемъ расселенія по хуторамъ, то нужно бросить эту архаическую мѣрку „душа“, такъ

какъ и къ раздѣленію такъ-называемыхъ сложныхъ общинъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ селеній (В. Е. Постниковъ. I. с.).

какъ опытъ показываетъ, что она совершенно неудовлетворительна. Въ замѣнъ „души“ слѣдуетъ, по этому, единицей мѣры принять семью, такъ какъ различныя причины, которыя здѣсь неумѣстно разбирать, ведутъ къ тому, что каждая семья желаетъ обособиться. Сколько будетъ въ такой семьѣ мужскихъ душъ—это обыкновенно мало вліяетъ на ея потребности, такъ какъ уменьшеніе числа мужчинъ чаще всего возмѣщается увеличеніемъ числа женщинъ. Поэтому, если принять указываемую Кавелинымъ норму и продолжать вести счетъ на души, то слѣдовало бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановить, что при выдѣленіи на отрубной участокъ каждая семья, хотя бы въ ней и не было двухъ мужскихъ душъ, имѣетъ право на двудушный надѣлъ, ибо опытъ показалъ, что однодушники, даже при условіи вышнихъ надѣловъ бывшихъ крѣпостныхъ, являются крайне неустойчивыми экономическими элементами, хозяйство которыхъ отъ первой случайности рушится. Но, кромѣ того, здѣсь можетъ быть рѣчь еще о другой нормѣ: во многихъ общинахъ найдутся такіе домохозяева, которые, вслѣдствіе скупки надѣловъ или продолжительнаго арендованія ихъ у своихъ сообщинниковъ, сконцентрировали въ своихъ рукахъ гораздо болѣе земли, чѣмъ соотвѣтствовало бы ихъ праву по предположенію Кавелина¹⁾. Мы считаемъ, однако, несправедливымъ отбирать у нихъ эти лишки,

¹⁾ Мы имѣемъ здѣсь въ виду только тѣ случаи продажи надѣловъ, которые не оформлены законнымъ порядкомъ, т. е. внесеніемъ выкупа согласно ст. 165-й Положенія, а совершались по домашнимъ, часто засвидѣтельствованнымъ въ волостныхъ правленіяхъ роспискамъ; такія земли остаются общинными, тогда какъ купленные по ст. 165-й поступаютъ въ личную собственность.

въ виду того, что до сихъ поръ они несли весьма высокіе платежи за землю, и это особенно будетъ несправедливо при условіи регулированія платежей, на которое мы укажемъ ниже. Но, конечно, размѣръ такой концентрации долженъ быть ограниченъ, и мы думаемъ, что было бы справедливо поставить этотъ предѣлъ, руководствуясь мѣстнымъ среднимъ размѣромъ надѣла для государственныхъ крестьянъ и считывая причитающуюся цифру по числу наличныхъ (а не ревизскихъ) мужскихъ душъ¹⁾. Вслѣдствіе такой концентрации надѣльной земли въ рукахъ сильныхъ домохозяевъ, конечно, увеличивается число тѣхъ семей, которымъ нужно будетъ отвести надѣлы въ другихъ мѣстахъ; но зато получившіе надѣлы на мѣстѣ будутъ обезпечены болѣе прочно; кромѣ того, такіе домохозяева болѣе другихъ будутъ стремиться выселиться на отрубные участки и составить такимъ образомъ первый контингентъ хуторянъ.

Не входя въ дальнѣйшія подробности, скажемъ только, что при распредѣленіи земли на хутора необходимо стремиться сохранить возможность деревенскаго сожителства²⁾. Въ сущности, однако, рѣшеніе этой задачи вовсе не такъ трудно, какъ кажется многимъ: такъ, при участкахъ прямоугольной формы и 15 дес. пашни и усадьбы на дворъ, разстояніе между сосѣдними усадьбами не будетъ пре-

¹⁾ Это въ случаѣ удержанія подушныхъ надѣловъ; при посемейной нормѣ—регуляторомъ долженъ служить средній семейный надѣлъ государственныхъ крестьянъ.

²⁾ Но и обратно: при расселеніи первоначально большихъ селеній въ нѣсколько малыхъ общинъ, необходимо располагать усадьбы въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы послѣдующее раздѣленіе на хуторскіе участки представило возможно мало затрудненій.

вынать 30—40 саж. и вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшее разстояніе полей составитъ только 600 сажень, если усадьбы будутъ расположены по срединѣ длинныхъ сторонъ фигуры. Слѣдовательно, на разстояніи одной версты можетъ быть помѣщено 12—16 усадьбъ. А при двухъ параллельныхъ сторонахъ улицы и разстояніи между усадьбами по улицѣ въ 50 сажень, (и наибольшемъ разстояніи полей въ 720 сажень) на 1 верстѣ помѣстится уже 20 усадьбъ, т. е. число, совершенно достаточное, чтобы возникли тѣ удобства, которыя даются деревенскимъ сожительствомъ, безъ неудобствъ, которыя являются въ слишкомъ многолюдныхъ поселкахъ. Но можно придумать еще болѣе удобныя формы размѣщенія и нѣтъ основанія бояться уничтоженія деревень, какъ это показывается примѣръ не только Германіи, но и степныхъ поселеній нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ, особенно, напр., меннонитовъ. Эти поселенія, кстати сказать, опровергаютъ и другой существующій у насъ предразсудокъ, будто, благодаря нашему степному, главнымъ образомъ, климату, такое широкое размѣщеніе, какое необходимо при хуторахъ, у насъ невозможно, въ виду недостатка воды ¹⁾, снѣжныхъ бурановъ и т. п. Забываютъ только при этомъ не только сейчасъ указанный примѣръ, но и то, что та тѣснота поселенія, которая наблюдается сейчасъ, вовсе не есть явленіе первичное; что, напротивъ, въ прежнее и сравнительно еще недавнее время селились несравненно просторнѣе и всего просторнѣе именно въ степныхъ мѣстностяхъ.

¹⁾ Это указаніе опровергается, между прочимъ, относительно наиболѣе сухихъ мѣстностей южныхъ степей фактами, приведенными у В. Е. Постникова.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о переселеніяхъ. Само собою разумѣется, что переселенія должны быть организованы, чтобы они служили не къ разоренію переселяющихся, какъ это часто случается теперь, а къ увеличенію ихъ благосостоянія. Существеннымъ условіемъ правильной организаціи является облегченіе способовъ передвиженія, для чего мѣстности, подлежащія заселенію, должны быть соединены желѣзными дорогами съ тѣми центрами, откуда должно идти главное переселеніе. Сибирская желѣзная дорога явится, поэтому, очень дѣйствительнымъ средствомъ для усиленія переселеній въ Сибирь. Второе условіе — правильный стводъ участковъ для поселенцевъ, при чемъ уже теперь должно быть обращено вниманіе на необходимость и здѣсь современемъ перейти къ подворнымъ участкамъ ¹⁾. Третье, столь же необходимое условіе, — руководство переселенцевъ въ дѣлѣ устройства ихъ хозяйствъ. Если уже западно-европейскія государства находятъ необходимымъ давать крестьянамъ руководителей, въ лицѣ странствующихъ учителей, для рациональнаго устройства ихъ хозяйствъ, то тѣмъ болѣе должны мы дѣлать это. Въ западной Европѣ крестьянинъ имѣетъ передъ собою массу примѣровъ въ крупныхъ и среднихъ хозяйствахъ, которымъ можетъ подражать, если не вполнѣ, то отчасти. У насъ и въ самой Россіи нѣтъ (за небольшими исключеніями) ничего подобнаго странствующимъ учителямъ, хотя они и здѣсь необходимы. Въ Сибири-же или вообще на новыхъ мѣстахъ пере-

¹⁾ Г. Остафьевъ (Бытовые формы и пр. «Юр. В.» № 1-й 1892 г.) указываетъ, что и въ Сибири крупныя селенія составляютъ большое зло, которое необходимо уничтожить возможно скорѣе.

селенцы встрѣчаютъ совершенно неизвѣстныя имъ условія почвы, климата и т. д., и потому, здѣсь руководство становится условіемъ sine qua non успешности поселенія. Сверхъ того, изъ всего сказаннаго выше ясно, что самая цѣль перехода отъ общиннаго (черезполоснаго) пользованія къ подворному заключается во введеніи улучшенной культуры, которой, конечно, придется просто учить крестьянъ. Но здѣсь не мѣсто заниматься вопросомъ объ организаціи этой помощи, поэтому не будемъ останавливаться на немъ. Устранимъ еще нѣкоторыя вѣроятныя возраженія противъ предлагаемыхъ мѣръ.

XVI.

Производство кадастра при расселеніи; легкость такого при русскихъ условіяхъ.

Многихъ, безъ сомнѣнія, смутитъ предлагаемая нами расцѣпка земли. Это, вѣдь, хотя неполный, но все же кадастръ, т. е. мѣра, осуществленіе которой представляется часто необыкновенно труднымъ дѣломъ, и хотя вопросъ о ней возбуждался много разъ, но каждый разъ при этомъ указывали на то, что въ иностранныхъ государствахъ выполненіе ея требовало, во 1-хъ, огромныхъ затратъ, а, во 2-хъ, тянулось цѣлые десятки лѣтъ. Но, выставя такой аргументъ для Россіи вообще ¹⁾, дѣлаютъ крупную ошибку, игнорируя счастливыя, на сей разъ, особен-

¹⁾ Этотъ аргументъ не годится теперь и для другихъ странъ, вслѣдствіе того, что самые способы изслѣдованія и оцѣнки почвъ теперь совершенно иные, несравненно болѣе совершенныя и допускающіе скорѣйшее производство работъ.

ности нашей страны. Это, именно, ея равнинность и огромное однообразіе почвъ, которыя при томъ весьма мало измѣнены еще и культурой, а затѣмъ и самое существованіе общины. Потому, для нашихъ условій, особенно для даннаго частнаго случая, это возраженіе теряетъ силу.

Какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, признавая необходимымъ стремиться къ тому, чтобы сдѣлать возможнымъ подворное пользованіе, мы отнюдь не предлагаемъ насильственнаго введенія его, что, по нашему мнѣнію, просто невозможно. Мы только настаиваемъ, что необходимо облегчить разверстаніе общинной земли и, такимъ образомъ, сдѣлать возможнымъ выдѣленіе подворныхъ участковъ. Слѣдовательно, пока, — въ началѣ проведенія реформы, — кадастръ найдетъ себѣ приложеніе въ немногихъ только случаяхъ. Дѣйствительно, что касается, во 1-хъ, расселенія крупныхъ поселковъ съ раздробленіемъ ихъ на болѣе мелкія общины, равно какъ размежеванія земель сложныхъ общинъ, то кадастръ будетъ имѣть здѣсь приложеніе только въ смыслѣ сравнительной оцѣнки земель, достающихся различнымъ частямъ общины.

Разверстанія крупныхъ общинъ будутъ имѣть мѣсто почти исключительно въ черноземныхъ областяхъ, гдѣ однообразіе почвъ наиболѣе велико и небольшія отличія въ ихъ производительности, истекающія отъ предъидущей культуры (главнымъ образомъ удобренія) часто компенсируются тѣмъ обстоятельствомъ, что неудобренныя почвы принадлежатъ къ болѣе свѣжимъ, менѣе выпаханымъ. Эти отличія чаще всего съ наибольшею точностью будутъ установлены простымъ соглашеніемъ крестьянъ,

мірскимъ приговоромъ, а отчасти устранены другимъ путемъ, напр., вывозкой навоза всѣмъ міромъ на земли, назначенныя служить огородами для новаго поселка. Словомъ, здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, роль оцѣнщика сведется къ простому констатированію факта соглашения.

Во вторыхъ, въ тѣхъ немногихъ, безъ сомнѣнія, въ началѣ случаевъ, когда будетъ выдѣляться отрубной участокъ, также почти всегда дѣло окончится простымъ соглашеніемъ и мірскимъ приговоромъ, и оцѣнщику придется играть роль только посредника между общиной и выдѣляющимся хуторяниномъ.

Въ-третьихъ, кадастръ найдетъ себѣ примѣненіе тамъ, гдѣ встрѣтится надобность въ разверстаніи земель смежныхъ общинъ, составляющихъ одинъ поселокъ, или общинныхъ земель съ землями частныхъ владѣльцевъ. Такое разверстаніе должно быть признано обязательнымъ: оно нужно не только для правильного веденія хозяйства крестьянами, но и для правильной эксплуатаціи частновладѣльческихъ земель. Тамъ, гдѣ частные владѣльцы съумѣютъ оцѣнить всю важность этой мѣры для процвѣтанія ихъ собственныхъ хозяйствъ, они, безъ сомнѣнія, постараются устроить дѣло путемъ мирнаго соглашения. Но такъ какъ на это далеко не всегда можно рассчитывать, тѣмъ болѣе, что нельзя ожидать и вполне безпристрастнаго отношенія къ вопросу самихъ заинтересованныхъ крестьянъ (которые въ подобныхъ случаяхъ способны всегда заподозрить, что ихъ обдѣляютъ въ пользу барина), — то здѣсь предстоитъ наиболѣе трудная работа по оцѣнкѣ. Однако, принимая во вниманіе, что въ этихъ случаяхъ почти всегда, рядомъ съ расселеніемъ, должны идти, частью

прикупка сосѣднихъ частновладѣльческихъ земель, частью выселеніе излишка населенія на окраины, — мы думаемъ, что, въ концѣ концовъ, и здѣсь трудности оцѣнки не будутъ особенно велики, тѣмъ болѣе, что выселяющіеся на отрубные участки, въ сознаніи неполноты своихъ правъ, окажутся, вѣроятно, особенно сговорчивыми и тѣмъ облегчатъ задачу. Было бы, можетъ быть, полезно въ подобныхъ случаяхъ, предварительно расселенія поселка, — слить всѣ составляющія его общины въ одну и затѣмъ расселять эту большую общину тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ и всѣ вообще крупныя селенія. Выполненіе такого слиянія потребуетъ, однако, въ свою очередь, нѣкоторыхъ финансовыхъ мѣропріятій, которыя мы сейчасъ укажемъ.

XVII.

Регулированіе платежей крестьянъ. Устройство прироста населенія.

Мы имѣемъ именно въ виду вопросъ о регулированіи крестьянскихъ платежей. Нѣкоторые писатели и въ томъ числѣ, какъ мы видѣли, Кавелинъ, придаютъ податному вопросу даже болѣе значеніе, чѣмъ регулированію землевладѣнія, и считаютъ невыполнимымъ переходъ къ рациональному земледѣлію, прежде чѣмъ подати будутъ значительно понижены. Хотя мы не можемъ согласиться съ такимъ воззрѣніемъ, тѣмъ не менѣе считаемъ необходимымъ не пониженіе собственно, а именно только регулированіе (въ смыслѣ болѣе правильнаго распредѣленія податной тягости) лежащихъ на всемъ крестьянствѣ платежей. Мы не будемъ касаться вопроса о

способах и времени взиманія налоговъ; остановимся только на самомъ распредѣленіи ихъ среди различныхъ группъ крестьянъ. Каковъ принципъ этого распредѣленія налоговъ? Можно сказать, что въ основѣ современнаго обложенія, — особенно что касается платежей за землю собственно (выкупныхъ), — лежитъ принципъ обложенія обратно пропорціонально состоятельности данной группы населенія ¹⁾. Такой результатъ получается благодаря тому, что все крестьянское населеніе разбито, во-первыхъ, на нѣсколько группъ, каковы: бывшіе государственные, бывшіе удѣльные, бывшіе помѣщичьи и нѣсколько болѣе мелкихъ группъ; затѣмъ, каждая изъ группъ распадается на нѣсколько подгруппъ, изъ которыхъ наиболѣе слабая экономически несетъ всегда наиболѣе высокіе платежи.

Г. Слонимскій, въ цитированномъ выше докладѣ (Охрана крестьянскаго землевладѣнія), между прочимъ, говоритъ: „Въ настоящее время нѣтъ уже основанія проводить какую-то пограничную черту между бывшими помѣщичьими и бывшими государственными крестьянами... Съ тѣхъ поръ, какъ начало выкупной операціи примѣнено и къ государственнымъ крестьянамъ... „за исключеніемъ только правилъ, регулирующихъ выкупъ земель и переходъ крестьянъ въ новое положеніе крестьянъ-собственниковъ, вся остальная масса постановленій не требовала вовсе спеціализаціи по разнымъ категоріямъ крестьянства“.

Вполнѣ соглашаясь съ необходимостью введенія въ законодательство о крестьянахъ большаго един-

¹⁾ На это указывалъ, какъ извѣстно, еще Ю. Э. Янсонъ въ своемъ изслѣдованіи о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ.

ства, мы думаемъ, что и то исключеніе, которое допускаетъ г. Слонимскій, слѣдовало-бы уничтожить; т.-е. нужно регулировать и платежи крестьянъ не по суммѣ начисленныхъ на нихъ когда-то платежей разнаго рода и особенно выкупныхъ, а сообразно ихъ дѣйствительной состоятельности, мѣриломъ которой только и можетъ служить при нашихъ условіяхъ размѣръ надѣла и качество надѣльной земли, конечно, если тѣ вліянія, которыя дѣлаютъ теперь большой надѣлъ часто менѣе доходнымъ, чѣмъ малый, будутъ уничтожены, чего мы и стремимся достигнуть предлагаемыми мѣрами.

Тогда дѣйствительно можно будетъ уничтожить различія между категоріями крестьянъ, но надо начать съ уничтоженія самаго существеннаго изъ этихъ различій, а именно — выкупа ¹⁾. Совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Слонимскій, что „содѣйствіе правительства (при выкупѣ), особенно денежное, относилось больше къ помѣщикамъ, чѣмъ къ крестьянамъ“ и „выкупная операція нужна была для первыхъ, а не для послѣднихъ“. Логическій выводъ изъ этого положенія можетъ быть только одинъ: *выкупная операція по отношенію къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ нужна была въ цѣляхъ общегосударственныхъ и, слѣдовательно, должна быть произведена на средства всего государства*. Это значитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что платежи той или другой группы крестьянъ, а тѣмъ болѣе отдѣльныхъ общинъ, должны сораз-

¹⁾ Установленіе платежей соразмѣрно величинѣ надѣла тѣмъ болѣе справедливо, что обработка каждой десятины требуетъ тѣмъ менѣе рабочихъ силъ (людей и скота), чѣмъ болѣе величина запанки, а слѣдовательно, и надѣла, какъ это указываютъ приведенныя В. Е. Постниговымъ вычисленія (I. с. р. 114).

мѣряться совѣмъ не съ тѣмъ числомъ рублей, которые выданы государствомъ въ видѣ выкупныхъ свидѣтельствъ бывшему владѣльцу каждой общины, а съ ея дѣйствительной податной силой ¹⁾. Если признать этотъ принципъ, то первымъ слѣдствіемъ его должно быть перенесеніе главной части податной тягости, лежащей на всей крестьянской массѣ, — съ бывшихъ помѣщичьихъ на бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Противъ этого возразятъ, можетъ быть, что это значило бы, что государственные крестьяне выплачиваютъ выкупъ за земли, обращаемаыя въ собственность помѣщичьихъ крестьянъ. Но этотъ аргументъ имѣетъ силу, пока идетъ рѣчь объ обращеніи выкупаемыхъ бывшими помѣщичьими крестьянами земель въ личную собственность каждаго изъ нихъ. Коль же скоро мы имѣемъ въ виду сдѣлать эти земли неотчуждаемой собственностью крестьянскихъ общинъ, т.-е. по существу, — не гонясь за юридической точностью, — землями государственными, — то такое толкованіе непримѣнимо. Тогда мы должны сказать, что государство, нуждаясь въ деньгахъ для того, чтобы увеличить свои владѣнія и улучшить положеніе известной части населенія, — обращается за этими деньгами къ главной платежной силѣ своей — государственнымъ крестьянамъ, точно такъ, какъ въ болѣе давнія времена поступали русскіе цари и великіе князья относительно чернососныхъ (т.-е., въ сущности, нынѣшнихъ государственныхъ и удѣльныхъ) крестьянъ. Обложеніе

¹⁾ Равнымъ образомъ, при разселеніи по хуторамъ платежи каждаго хуторянина должны сообразоваться съ доходностью надѣла, что, впрочемъ, имѣется въ виду уже и при опредѣленіи величины участка.

государственныхъ крестьянъ въ видахъ выкупа крепостныхъ можетъ или могло бы быть мотивировано и тѣмъ, что совершаемая при этомъ покупка земли дѣлается необходимой именно потому, что земли государственныя заняты государственными крестьянами.

Но суть здѣсь вовсе не въ мотивировкѣ этого обложенія, а въ томъ, что такое обложеніе необходимо, и это, по нашему мнѣнію, должно быть первымъ и самымъ важнымъ шагомъ ко введенію подоходнаго налога. Такъ какъ предлагаемая нами мѣра и безъ того соединена съ необходимостью произвести кадастръ, хотя и въ возможно-упрощенной формѣ, и такъ какъ, сверхъ того, рядомъ съ регулированіемъ землепользованія, должно идти и частное увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія, то представляется незатруднительнымъ соединить съ этой реформой и реформу податной системы. Эта реформа должна, по нашему мнѣнію, заключаться въ совершенномъ уничтоженіи выкупныхъ платежей, какъ отдѣльнаго вида подати, и въ соединеніи всѣхъ, несомыхъ крестьянствомъ въ пользу государства, налоговъ въ одинъ общій государственный поземельный налогъ, который, какъ сказано, долженъ быть распределенъ между отдѣльными группами крестьянъ и отдѣльными общинами пропорціонально ихъ платежнымъ силамъ, т.-е. прежде всего количеству и качеству находящейся въ ихъ пользованіи земли ¹⁾. Такое распределеніе податной тягости предста-

¹⁾ Въ виду этого, мы считаемъ переводъ государственныхъ крестьянъ съ оброка на выкупъ — ошибкой, такъ какъ при существованіи оброка вся операція совершилась бы гораздо проще, простымъ регулированіемъ платежа этого оброка.

вляется дѣйствительно дѣломъ громадной важности, ибо, возложивъ большую сумму на болѣе состоятельные элементы крестьянства, мы, помимо всѣхъ другихъ преимуществъ такого обложенія, сдѣлаемъ менѣе возможной и ту эксплуатацію болѣе бѣдныхъ крестьянъ различными ростовщиками, которой многіе склонны приписать всѣ бѣдствія нашего крестьянства.

Спросить, можетъ быть, что же будетъ съ приростомъ земледѣльческаго населенія, если всѣ общинныя земли будутъ раздѣлены на недѣлимые (или только съ ограниченнымъ правомъ раздѣла) подворные участки? На это мы отвѣтимъ, что, разъ переселенія будутъ урегулированы и вмѣстѣ благосостояніе поднимется, вслѣдствіе перехода къ улучшенной земледѣльческой культурѣ, то избытокъ населенія легко можетъ быть выселенъ. Но, кромѣ того, при проектируемыхъ условіяхъ, основаніе общей поволостной или поуѣздной переселенческой кассы, въ томъ видѣ, какъ она предложена нѣсколько лѣтъ назадъ г. Кейслеромъ (Сельская община. „Вѣстн. Евр.“ 1887 г. т. VI), гораздо легче можетъ быть осуществлено, чѣмъ при условіяхъ предполагавшихся авторомъ. Г. Кейслеръ предлагалъ, чтобы эта касса составлялась изъ взносовъ отдѣльныхъ владѣльцевъ-общинниковъ, которые, однако, продолжаютъ владѣть, — по его мнѣнію даже обязательно, — въ череполосныхъ участкахъ и съ частичными передѣлами, въ исключительныхъ, впрочемъ, только случаяхъ. Словомъ, онъ не уничтожалъ или уничтожалъ только частью важнѣйшіе недостатки общиннаго землепользованія, его роль какъ тормазы земледѣльческой культуры, а потому благосостояніе

населенія не могло подняться существенно и, слѣдовательно, платить въ кассу было бы нечего. При нашихъ же предположеніяхъ для этого найдутся средства, благодаря несомнѣнному поднятію благосостоянія населенія.

Наконецъ, мы не считаемъ ни необходимымъ, ни полезнымъ, ни даже возможнымъ, чтобы весь приростъ земледѣльческаго населенія оставался при земледѣльческомъ промыслѣ. Мы увѣрены, что значительная часть сельскаго прироста будетъ поглощаться различными внѣземледѣльческими промыслами, какъ уже поглотилась не только та часть, которую составили бывшіе дворовые, но и тѣ пустырьники, которыхъ не мало во всѣхъ нечерноземныхъ областяхъ, и тѣ семьи, которымъ главный заработокъ даютъ разные отхожіе промыслы и которые удерживаются теперь въ деревнѣ только благодаря невозможности передать свой надѣлъ безъ большого убытка другимъ лицамъ и, конечно, уйдутъ, какъ только окончаніе выкупа или введеніе порядка, подобнаго тому, какой мы здѣсь предлагаемъ, дастъ къ тому возможность.

Насъ могутъ, однако, упрекнуть, что, согласно предлагаемому плану, сразу образуется довольно многочисленная группа населенія, состоящая изъ теперешнихъ пустырьниковъ, безлошадниковъ и другихъ обѣднѣвшихъ и не могущихъ вести самостоятельное хозяйство, которыхъ мы не включаемъ въ число членовъ общины, пользующихся правами на надѣлы. На это мы отвѣтимъ, во-1-хъ, что мы ничего въ сущности не измѣняемъ въ положеніи этихъ фиктивныхъ и теперь уже членовъ общины и если лишимъ ихъ права получать тѣ „верхи“, которыми нѣ-

которые изъ нихъ теперь иногда пользуются при сдачѣ своихъ надѣловъ, то, взаимнѣ того, освобождаемъ ихъ и отъ платежей за оставляемую имъ усадебную землю. Во-вторыхъ, мы думаемъ, что и изъ этой группы населенія значительная часть также будетъ поглощена внѣземледѣльческими промыслами; а оставшіеся въ деревняхъ найдутъ себѣ гораздо болѣе по-денной и издѣльной работы, которая и теперь составляетъ главный источникъ ихъ средствъ къ существованію. Работы будетъ предлагаться болѣе, потому что и въ помѣщичьихъ, и въ крестьянскихъ хозяйствахъ культура растений, требующихъ особенно много труда на единицу засѣянной площади (картофеля, свеклы, подсолнечника и др.), будетъ играть гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ теперь. Но, что самое главное, оставить дѣло въ настоящемъ положеніи ни въ какомъ случаѣ нельзя, не рискуя разорить все крестьянство. Поэтому, если бы эта часть дѣйствительно была жертвой, которую приходится принести ради спасенія остальной, болѣе части населенія, и тогда не было бы основанія останавливаться передъ этимъ. Мы, однако, глубоко убѣждены, что у насъ земледѣліе занимаетъ до сихъ поръ несоотвѣтственно большое число рукъ въ ущербъ другимъ промысламъ и при соотвѣтственномъ развитіи послѣднихъ указанный избытокъ земледѣльческаго населенія скоро найдетъ выгодное занятіе. Развитіе внѣземледѣльческихъ промысловъ и развитіе земледѣлія находятся въ тѣсной взаимной зависимости и потому, если неразвитость и первобытность нашего земледѣлія является въ извѣстной мѣрѣ причиной слабаго развитія внѣземледѣльческихъ промысловъ, то, съ другой стороны, малое развитіе послѣднихъ

само служить отчасти препятствіемъ развитію земледѣлія. Къ роли внѣземледѣльческихъ промысловъ мы обратимся въ слѣдующей статьѣ, такъ какъ тема эта настолько обширна, что заслуживаетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія.

Во всякомъ же случаѣ созданіе экономически-сильнаго крестьянства является важнѣйшей задачей ближайшаго будущаго, и первымъ шагомъ къ этому должно быть освобожденіе отдѣльнаго хозяина изъ подъ власти его сосѣдей, въ смыслѣ доставленія ему возможности, независимо отъ соглашенія съ ними, вводить, по крайней мѣрѣ, тѣ улучшенія, пригодность которыхъ онъ призналъ.

Но, говоря о сильномъ крестьянствѣ, мы, какъ читатель могъ видѣть изъ предъидущаго, вовсе не проектируемъ обращеніе крестьянина въ мелкопомѣстнаго помѣщика, такъ какъ не признаемъ надобности отводить въ распоряженіе каждаго хозяина слишкомъ значительные участки. Оговариваемъ это, между прочимъ, потому, что В. Е. Постниковъ, книгу котораго мы многократно цитировали, приходитъ къ выводу, что: „малый размѣръ крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства въ Россіи, не позволяющій утилизировать всю рабочую способность крестьянской семьи..., есть коренная причина экономической бѣдности Россіи“. На хозяйство съ 2—3 работниками авторъ опредѣляетъ нормальный размѣръ участка для большинства мѣстностей Россіи въ 45—65 десятинъ или 30—45 собственнo пашни. Такая норма получается у автора вълѣдствіе того, что онъ не признаетъ нераціональности трехполья, по крайней мѣрѣ для степной Россіи, а для средней—только частью. Съ своей стороны, впрочемъ, почтенный изслѣдова-

тель признаетъ наиболѣе „отвѣчающей условіямъ южнорусскаго крестьянскаго хозяйства“ систему земледѣлія, „которая носитъ въ Германіи названіе *выгонной*“. Это, въ сущности, ничто иное, какъ залежная или переложная система, съ тою разницею, что залежь здѣсь продолжается относительно короткій срокъ (3—4 года). Главное же, что дѣлаетъ ее сходной съ нашей переложной, а также и трехпольной полевой системой—это почти исключительная культура зерновыхъ хлѣбовъ. Г. Постниковъ думаетъ, что нашъ крестьянинъ (впрочемъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ южнорусскаго крестьянина, къ которому это, безъ сомнѣнія, въ большей мѣрѣ приложимо)—хлѣборобъ по преимуществу и, судя по его выводамъ, таковымъ и долженъ остаться, еще на долго. Если этотъ выводъ и можно признать (хотя то-же не безъ оговорокъ) относительно южнорусскаго крестьянина, то уже ни въ какомъ случаѣ нельзя распространять на крестьянина срединной черноземной Россіи. Это, во-1-хъ, потому, что довести здѣсь размѣръ запашки крестьянскаго двора до предлагаемой г. Постниковымъ нормы—не позволяетъ густота населенія и другія причины. Чтобы достигнуть этого, пришлось бы ликвидировать здѣсь, во-1-хъ, всѣ частновладѣльческія хозяйства, во-2-хъ, чуть не $\frac{2}{3}$ существующихъ въ настоящій моментъ крестьянскихъ хозяйствъ. Но затѣмъ, во-2-хъ, не надо забывать, что и естественныя и экономическія условія среднерусскихъ хозяйствъ существенно отличаются отъ таковыхъ же для хозяйствъ южнорусскихъ. Съ одной стороны, именно, среднерусскія хозяйства не могутъ производить наиболѣе цѣнныхъ сортовъ хлѣба, прекрасно удающихся въ южныхъ

степяхъ (пшеница и частью кукуруза), тогда какъ, наоборотъ, они могутъ производить съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ южнорусскія хозяйства, нѣкоторые другіе продукты, каковы: свекла, картофель, дающіе имъ возможность получать съ единицы занятой посѣвомъ площади несравненно болѣе цѣнный продуктъ, чѣмъ при занятіи той же площади хлѣбами.

Съ другой стороны, и экономическія условія средней Россіи отличаются довольно рѣзко отъ условій южныхъ степей. Кромѣ густоты населенія, на которую мы уже указывали, слѣдуетъ имѣть въ виду и географическое положеніе ихъ: здѣсь, конечно, давленіе сибирскаго хлѣба на цѣны будетъ чувствоваться несравненно сильнѣе, чѣмъ на югѣ, уже потому, что хлѣбъ этотъ направится на тѣ же рынки, на которые сбываетъ свой хлѣбъ и центральный районъ, т.-е. въ столицы и къ прибалтійскимъ портамъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, относительная близость столицъ и подмосковнаго промышленнаго района обезпечиваетъ центральной Россіи сбытъ такихъ продуктовъ, для которыхъ южный районъ не имѣетъ рынка, каковы продукты молочнаго и мясенаго скотоводства (откармливаніе скота). Мы уже приводили выше свои соображенія объ этомъ и не будемъ повторять ихъ здѣсь.

Въ заключеніе формулируемъ еще разъ тѣ выводы, къ которымъ мы пришли.

1. Экономическое положеніе нашего крестьянства, особенно центральныхъ черноземныхъ областей, таково, что голодовки грозятъ едѣлаться хроническими.

2. Причины этого явленія слѣдуетъ искать не

въ однихъ только малыхъ надѣлахъ и обремененіи крестьянъ платежами, а также и въ современныхъ порядкахъ общиннаго землепользованія, а для государственныхъ крестьянъ съ болѣе крупными надѣлами и сравнительно низкими платежами, главнымъ образомъ, въ несоразмѣрной величинѣ поселковъ и образующемся, благодаря этому, длинноземельѣ.

3. Что общинное землепользованіе съ передѣлами, черезполосицей и возникающей отсюда принудительной обработкой препятствуетъ улучшенію земледѣльческой техники, это доказываютъ, между прочимъ, тѣ самые факты, которые приводятся въ доказательство противоположнаго мнѣнія (введеніе посѣва клевера въ общинахъ нечерноземныхъ областей).

4. Радикальное улучшеніе экономическаго положенія крестьянства срединной черноземной полосы при сохраненіи общиннаго землепользованія въ его настоящемъ видѣ невозможно, ни путемъ прикупки на мѣстѣ земли, ни путемъ выселенія на окраины избытка земледѣльческаго населенія. Первое по тому, что при максимальной мыслимой покупкѣ земель надѣлы едва могутъ быть доведены до трехъ десятковъ на душу мужского пола наличнаго населенія, а при этой нормѣ даже двухдушный дворъ въ средній по урожаю годъ, сохраняя современное хозяйство, не можетъ прокормиться продуктами своего полеводства, не говоря объ уплатѣ податей и другихъ денежныхъ расходахъ; однодушники же прямо должны голодать или существовать, главнымъ образомъ, посторонними заработками. Вторая же изъ указанныхъ мѣръ—переселеніе на окраины (главнымъ образомъ въ Сибирь), вызоветъ, съ одной сто-

роны, огромные расходы государства, съ другой—поведетъ къ замѣнѣ господствующаго еще на окраинахъ натурального хозяйства денежнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вызоветъ наплывъ зернового хлѣба изъ окраинъ въ центральныя области и столь сильное паденіе здѣсь цѣнъ на хлѣбъ, что крушеніе крестьянскихъ хозяйствъ этой области сдѣлается неизбежнымъ.

5. Спасеніе крестьянскаго (какъ и всякаго иного, впрочемъ) хозяйства заключается въ переходѣ къ болѣе рациональной системѣ полеводства и системѣ хозяйства вообще, т. е. на первомъ мѣстѣ (для срединной черноземной полосы) въ замѣнѣ трехполья, съ исключительнымъ выдѣльваніемъ зерна, болѣе обеспечивающимъ и урожаи, и равномерность ежегоднаго дохода многопольнымъ плодосмѣннымъ сѣвооборотомъ. Этимъ путемъ достигнута будетъ возможность сократить до минимума прикупку земли на мѣстѣ съ цѣлью увеличенія надѣловъ, а равно и количество выселяемыхъ на окраины крестьянъ. Но, что еще важнѣе, только переходъ къ болѣе рациональной земледѣльческой культурѣ избавитъ населеніе центральной земледѣльческой области отъ той опасности, которою грозитъ ему наплывъ зернового хлѣба изъ Сибири и другихъ окраинъ, послѣдствіемъ чего явится пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, который составляетъ теперь почти единственный товаръ, поставляемый на рынки земледѣльцами центральной черноземной области.

6. Чтобы сдѣлать возможнымъ переходъ къ новой системѣ хозяйства, необходимо радикально измѣнить современный порядокъ пользованія общинными землями въ томъ смыслѣ, чтобы совершенно

уничтожить всякіе передѣлы и переверетки, и отвести въ пользованіе каждаго домохозяина опредѣленную площадь, по крайней мѣрѣ, полевой земли (пашни), которая, составляя нераздѣльное хозяйство, передается по наслѣдству въ видѣ такового, безъ раздробленія. Какъ предварительную, совершенно неотложную мѣру, слѣдуетъ провести расселеніе крупныхъ общинъ, а равно размежеваніе тѣхъ общинъ, земли которыхъ лежатъ черезполосно съ землями другихъ владѣльцевъ. Этимъ будетъ достигнуто уничтоженіе длинноземелья, являющагося однимъ изъ сильнѣйшихъ тормазовъ развитія хозяйства государственныхъ, а частью и удѣльныхъ крестьянъ во всей черноземной полосѣ.

7. Наконецъ, необходимо измѣнить систему обложения крестьянъ, перенеся главную тягость съ наиболѣе обдѣленныхъ земель дарственниковъ на сравнительно щедро надѣленныхъ государственныхъ крестьянъ и вообще распредѣливъ платежи пропорціонально обеспеченности населенія, измѣряемой у насъ, главнымъ образомъ, количествомъ и качествомъ земельного надѣла.

Но все это будетъ только первый шагъ къ поднятію благосостоянія крестьянъ. Чтобы развитіе шло далѣе нормальнымъ порядкомъ, необходимо, какъ мы замѣтили выше, учить народъ улучшеннымъ приемамъ культуры. Такое обученіе можетъ или должно быть ведено и въ видѣ школьнаго обученія, и въ видѣ демонстративныхъ полей, и въ видѣ совѣтовъ и бесѣдъ съ отдѣльными крестьянами, но во всякомъ случаѣ оно должно существовать обязательно вездѣ, а не зависѣть отъ воли или каприза того или другаго земскаго дѣятеля или кружка дѣятелей.

Для того, чтобы дѣло это стало прочно, необходимо, чтобы оно было поставлено въ связь съ компетентнымъ центральнымъ органомъ, каковымъ можетъ быть только министерство земледѣлія. То обстоятельство, что и самая реформа требуетъ такихъ мѣръ, какъ кадастръ, еще болѣе усиливаетъ потребность въ такомъ центральномъ органѣ. Необходимость такого органа теперь уже признана, и мы указываемъ здѣсь нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ, по нашему мнѣнію, задачъ этого министерства, чтобы еще разъ напомнить, что роль его часто и до сихъ поръ понимается невѣрно, слишкомъ узко: ему отводятъ, повидимому, чисто техническія функціи, тогда какъ у насъ этому министерству, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, предстоитъ не менѣ дѣятельности въ области аграрной политики (и именно по отношенію къ регулированію крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія), чѣмъ въ области чисто технической, агрикультурной. Полагаемъ, что сказанное въ этомъ очеркѣ можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ этого положенія.

Въ заключеніе замѣтимъ, что нужно слѣзнуть съ регулированіемъ крестьянскаго землевладѣнія и земледѣлія, такъ какъ выполненіе всякихъ, направленныхъ къ этой цѣли, мѣропріятій, можно сказать, становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе труднымъ. Не нужно забывать, что мы живемъ въ вѣкъ пара и электричества, когда жизнь, а особенно жизнь экономическая, движется, какъ говорятъ, въ „семи-мильныхъ сапогахъ локомотива“. Это значитъ, между прочимъ, что тотъ процессъ разрушенія общины, который въ Западной Европѣ совершался въ теченіи столѣтій, у насъ можетъ совершиться въ теченіи

нѣсколькихъ десятилѣтій. вмѣстѣ съ тѣмъ, процессъ „освобожденія“ крестьянства отъ земли, который тамъ, на западѣ, совершался медленно, благодаря чему оторвавшееся отъ земли населеніе успѣвало приспособиться къ городской жизни и найти себѣ здѣсь соотвѣтствующія занятія, этотъ процессъ у насъ приметъ или уже началъ принимать несравненно болѣе рѣзкія формы; онъ идетъ ускореннымъ ходомъ вѣка пара и электричества.

А съ каждымъ годомъ труднѣе будетъ удержать это населеніе у земли, ибо мы видѣли уже, что самое освобожденіе крестьянства отъ земли вынуждаетъ крупныхъ землевладѣльцевъ къ болѣе рациональному земледѣлію. И на помощь имъ идетъ техника, принося чуть не каждый день новыя открытія, облегчающія веденіе крупныхъ хозяйствъ: недавно, напр., еще не только у насъ, но и въ западной Европѣ не умѣли толкомъ примѣнять фосфориты и другіе искусственныя туки, а теперь уже и у насъ толкуютъ о хозяйствахъ съ примѣненіемъ однихъ только искусственныхъ удобреній, безъ навоза, или съ минимальнымъ количествомъ навоза, и не безъ успѣха начинаютъ примѣнять этотъ способъ хозяйствованія, по почину покойнаго А. Н. Энгельгардта, по крайней мѣрѣ, въ нечерноземной полосѣ. Все эти улучшения, безъ сомнѣнія, привьются гораздо раньше въ крупныхъ хозяйствахъ и сдѣлаютъ ихъ болѣе доходными, а, слѣд., вызовутъ и повышеніе цѣнъ на земли, даже и въ нечерноземной полосѣ. То же, конечно, нужно сказать о чисто механическихъ изобрѣтеніяхъ (жнейкахъ, сѣнокосилкахъ, паровыхъ молотилкахъ, а затѣмъ, можетъ быть, и паровыхъ плугахъ), распространеніе которыхъ въ крупныхъ хозяйствахъ,

рядомъ съ улучшеніемъ культуры вообще, повыситъ выгодность крупныхъ зерновыхъ хозяйствъ черноземной полосы. Словомъ, всякія улучшения крупныхъ хозяйствъ затрудняютъ регулированіе крестьянскихъ хозяйствъ (напр., прикупку земли и даже разверстаніе ея) и обостряютъ кризисъ въ этихъ послѣднихъ, сдѣлавши конкуренцію для нихъ совершенно невозможной.

Если, наконецъ, принять во вниманіе, что при всей простотѣ тѣхъ мѣръ, которыя требуется провести, выполненіе ихъ все же возьметъ не мало времени, то нельзя не повторить, что нужно спѣшить начинать это выполненіе, чтобы спасти быстро падающее крестьянское хозяйство.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	V—VIII
Введеніе	1— 4
I. Тяжесть налоговъ и мѣры къ ея устраненію.	4— 10
II. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія путемъ покупки земля на мѣстѣ	10— 22
III. Выселеніе на окраины части малоземельныхъ крестьянъ. Послѣдствія переселеній для сибиряковъ и средне-русскихъ крестьянъ	23— 33
IV. Выводъ изъ предыдущаго. Необходимость перехода отъ натурального хозяйства къ мѣновому	33— 43
V. Съ переходомъ къ денежному хозяйству земледѣліе должно сдѣлаться рациональнымъ	44— 51
VI. Какое измѣненіе въ экономическомъ положеніи крестьянъ вызоветъ переходъ къ издосѣвному му сѣвообороту?	51— 61
VII. Нѣчто объ интенсивности (прогрессѣ частновладѣльческихъ хозяйствъ)	61— 69
VIII. Причины косности крестьянскаго хозяйства. Мнѣніе объ этомъ Кавелина	69— 73
IX. Общинное землепользованіе, какъ тормазъ развитія крестьянскаго хозяйства. Опроверженіе разсужденій А. С. Посникова объ общинѣ	73— 92
X. Указанія на улучшенія въ культурѣ при общинномъ землепользованіи не опровергаютъ, а подтверждаютъ вредъ такового	92— 97
XI. Хозяйство на усадебныхъ земляхъ также подтверждаетъ вредъ передѣловъ. Смѣненіе понятій: «общинное землевладѣніе» и «общинное землепользованіе». Новѣйшіе защитники общины	97— 115

	СТРАН.
XII. Длинноземелье при современномъ общинномъ землепользованіи и его вліяніе на земледѣльческое хозяйство, особенно въ черноземной полосѣ. Разселеніе большихъ поселковъ, какъ первый шагъ къ улучшенію земельной культуры	116—134
XIII. Послѣдствія голода: переселенія, крушеніе крестьянскихъ и метаморфозъ помѣщичьихъ хозяйствъ	134—142
XIV. Проектъ регулированія общиннаго землепольванія, выработанной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Смысль удлиненія сроковъ передѣловъ—обеспеченіе пользованія землей. Необходимость государственнаго вмѣшательства для уничтоженія длинноземелья	142—151
XV. Дальнѣйшія мѣренія по регулированію землепользованія въ общинѣ	151—166
XVI. Производство кадастра при разселеніи; легкость такого при русскихъ условіяхъ	166—169
XVII. Регулированіе платежей крестьянъ. Устройство прироста населенія	169—179
Заключительные выводы	179—185